

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ

* КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА



«...сын музы, Анаглов избранник...»



СТАТЬИ, ЭССЕ, ЗАМЕТКИ О ЛИЧНОСТИ
И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА



Коллектив авторов
«...сын Музы, Аполлонов
избранник...». Статьи,
эссе, заметки о личности и
творчестве А. С. Пушкина

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48725428

«...сын Музы, Аполлонов избранник...». Статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А. С. Пушкина: Художественная литература;

Москва; 2019

ISBN 978-5-280-03913-1

Аннотация

Первую книгу задуманного в нескольких частях издания составляют публикации русских эмигрантов в Китае о личности и творческом наследии А. С. Пушкина, значительно дополняющие фонд зарубежной пушкинианы. Материалы из зарубежных и российских архивов публикуются в России впервые. В книге с максимальной полнотой представлены лишь «пушкинские» критические и публицистические статьи, рецензии, эссе, опубликованные в эмигрантских периодических изданиях восточной ветви русской эмиграции (Харбин, Шанхай). Тексты, включенные в книгу, представляют только часть большого

наследия критиков, мыслителей, писателей, исследователей, богословов, а также людей, профессионально не связанных с литературной деятельностью, и писавших о русской словесности.

Фотопортреты авторов сборника также уникальны – они обнаружены в личных делах, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края.

Книга снабжена обширным научно-справочным аппаратом.

Для преподавателей и студентов вузов, широкого круга читателей.

Содержание

Русская литература как национальная Библия первой волны эмиграции	7
А. Амфитеатров	39
Пушкин в жизни Гоголя	39
А. И. Несмелов	53
Пушкин и Россия. К столетию со дня смерти	53
А. П. Цзян	61
Пушкин в женских образах и музыке	61
А. Семенченков	70
Пушкин и казаки	70
В. В. Перемиловский	77
Беседы о русской литературе	77
«Домик в Коломне»	77
Татьяна	79
«Евгений Онегин»	90
Евгений	92
«Медный Всадник»	99
«Моцарт и Сальери»	105
«Скупой рыцарь»	108
В. В. Энгельфельд	112
Пушкин и русские классики в советской России	112
В. И. Кряжев	120

Пушкин в музыке	120
Г. Г. Сатовский-Ржевский	127
Письма Н. Н. Пушкиной	127
Два слова о Великом	130
Пушкин – сверхчеловек	134
Пушкин – наше знамя { 173 }	143
Г. К. Гинс	146
А. С. Пушкин – русская национальная гордость	146
Речь, произнесенная на акте Юридического факультета 1 марта 1937 года	146
I. Жизнерадостность	147
II. Культ красоты	154
III. Философия истории и государственность	158
IV. Национальное самосознание	164
V. Русский политический идеализм	172
Конец ознакомительного фрагмента.	181
Комментарии	

**«...сын Музы, Аполлонов
избранник...». Статьи,
эссе, заметки о личности и
творчестве А. С. Пушкина**

© Состав, подготовка текста, комментарии: А. А. Струк,
В. Г. Мехтиев, З. В. Пасевич, 2019

© Оформление. Г. Котлярова, 2019

© Издательство «Художественная литература», 2019

Русская литература как национальная Библия первой волны эмиграции

«Русская эмиграция в Китае...»... Одно это словосочетание способно озадачить взыскательного читателя, поскольку сборник открывается статьей А. В. Амфитеатрова, который, являясь одним из ярких писателей эмиграции, никогда не жил в Китае. Не жил, но активно публиковался в русских эмигрантских изданиях Китая. Не жил там и И. Г. Акулинин, хотя в 1923 в Харбине его заочно избрали войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков, а в Шанхае была издана его книга «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920» (1937). М. Д. Вайнтроб, П. М. Пильский после революции эмигрировали в Прибалтику, но тоже печатались в русской периодике Китая. А. К. Семенченков, донской казак, коллекционер, собиратель казачьей старины, искусствовед, живший в Париже, насколько известно, также публиковался в русских изданиях Китая. Н. В. Калишевич (псевдоним Р. Словоцов), после 1917 года оказавшийся в Болгарии, в Софии, а потом переехавший в Париж, известен в «русском Китае» своими публикациями в газетах «Заря», «Рупор». Русский историк Е. Ф. Шмурло, скончавшийся в 1934 году в Праге, также никогда не был в Китае,

но публиковался в русских изданиях Харбина.

В харбинской газете «Заря» (1920–1943) было опубликовано восемь статей А. Амфитеатрова¹. Интересен случай с очерком «А. В. Амфитеатров о самом себе (Ко 2-й годовщине его кончины)», который вышел с пометкой: «Эта рукопись любезно предоставлена нам для юбилейного номера «Зари» супругой покойного известного русского писателя Александра В. Амфитеатрова»².

Очерк «А. В. Амфитеатров о самом себе» не является оригинальным и представляет собой перепечатку фрагмента из полной версии книги «Склоненные ивы. Театральные портреты и характеристики», вошедшие в XXI том собрания сочинений писателя (1913). Фрагмент касается исключительно биографии А. Амфитеатрова и включает эпизоды из его жизни, происходившие в 1887 году (поездка в Тифлис, работа в театральной студии). Действительно ли рукопись была подготовлена (с сокращениями) супругой писателя Елизаветой Ивановной Чупровой, или же она была напечатана в результате инициативы самих русских харбинцев,

¹ Амфитеатров А. В. Гоголь и черт. К столетию «Вия». Заря. Харбин. 1935. 30 июня; Амфитеатров А. В. Пушкин в жизни Гоголя. Заря. Харбин. 1935. 9 июня; Амфитеатров А. В. Столетие «Миргорода». Заря. Харбин. 1935. 16 января; Амфитеатров А. В. А. В. Амфитеатров о самом себе. Заря. Харбин. 1940. 6 октября; Амфитеатров А. В. Житие без чудес. Заря. Харбин. 1934. 9 июня; Амфитеатров А. В. Ключ к запертой шкатулке. Заря. Харбин. 1935. 30 июня; Амфитеатров А. В. Кольцов и Есенин. Заря. Харбин. 1934. 18 ноября.

² Амфитеатров А. В. А. В. Амфитеатров о самом себе. Заря. Харбин. 1940. 6 октября.

трудно сказать. В периодике «русского Китая» были случаи, когда печатались статьи русских эмигрантов, живущих в Западной Европе, без уведомления их авторов, что и понятно. Ведь наиболее выдающиеся представители русского зарубежья действительно проживали на Западе, а в «русском Китае» всегда ощущалась потребность в аналитически и эмоционально сильных публикациях, ощущалась потребность в «свежей крови».

Что касается остальных статей А. Амфитеатрова, то в настоящий момент с уверенностью можно сказать, что они не отражены в библиографических сводах. Амфитеатров охотно поддерживал творческие связи с различными полюсами русской эмиграции, был «вхож» в издания самых различных, даже идейно антагонистических, направлений.

То же самое можно сказать о названных выше других авторах, статьи которых появлялись в печати «русского Китая»; их публицистика являлась органической частью культурной жизни восточной эмиграции – весомый аргумент, позволяющий отнести эту публицистику к общему потоку творческой деятельности русской интеллигенции в Китае. Другим аргументом (кажется, более весомым) является то обстоятельство, что «китайские тексты» И. Г. Акулинина, М. Д. Вайнтроба, П. М. Пильского, А. К. Семенченкова, Н. В. Калишевича и других представителей западной эмиграции до сих пор оставались неизвестными современному читателю.



Литературная критика «русского изгнания» – одна из узловых точек «русской идеи», «нравственно-художественной топики» (А. М. Панченко) национальной культуры, очевидной в своей основе и исторически изменяющейся, обращающейся иной раз неожиданными гранями, подобно тому, как Н. В. Гоголь в скупости Плюшкина обнаружил грани щедрости и милосердия. Современный уровень освоения литературно-критического и публицистического наследия русского зарубежья позволяет объективно оценить достижения в этой области. Введены в научный круг выдающиеся имена эмигрантов-критиков. Но означает ли это, что в области эмигрантской критики новые открытия невозможны?..

Отечественные литературоведы и зарубежные слависты уделяли внимание в основном первой волне русской эмиграции, которой суждено было связать свою жизнь с Европой («русский Париж», «русский Берлин», русская эмиграция в Польшу, Прагу, Италию и т. д.). Появилось большое количество публикаций, справочников, а также исследований, посвященных их литературно-критическому творчеству. Интерес к публицистике европейской ветви русской эмиграции остается живым до настоящего времени. Существуют издания критических статей, публицистики, мемуаров; нема-

лое количество работ посвящено исследованию литературурной критики и культурно-философской мысли русского зарубежья Европы. В авангарде исследований находятся такие ученые, как В. М. Толмачев, С. Р. Федякин, Т. Г. Петрова, О. А. Коростелев, М. Д. Филин и другие. Трудрами ученых были реализованы серьезные проекты – изданы научно выверенные и прокомментированные книги, вводящие в оборот большой фактический литературно-критический и иной материал.³

³ Труды, посвященные русской эмиграции в Европу, неисчислимы. Укажем на те, которые послужили путеводителем в изучении вопроса о литературурной критике: В краю чужом.: Зарубежная Россия и Пушкин /Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филин. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998; его же: Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции / Сост., предисл. и коммент.: М. Д. Филин. М.: Эллис Лак, 1998; его же: Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов /Сост., предисл. и коммент. М. Д. Филин. М.: Русский мир, 1999; Толмачев В. М. Поэт и поэзия в литературурной критике В. Вейдле //Социал. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Серия 7, Литературоведение: РЖ. М., 1995. № 4. С. 73–89; Горбунова А. И. Становление и развитие литературурной критики «русского Парижа» 1920–1930-х годов: (Обзор литературы и основных источников) // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе. Саранск, 2002. С. 96–103. Классика и современность в литературурной критике русского зарубежья 1920–1930-х годов: Сб. науч. трудов: В 2 ч. / Отв. ред и сост. Петрова Т. Г. М.: ИНИОН РАН, 2005–2006; Классика отечественной словесности в литературурной критике русской эмиграции 1920–1930-х годов: Хрестоматия /Сост. Горбуновой А. И.; науч. ред. Осовский О. Е. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2009; Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., прим. О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. Подгот. текста, предисл., преамбулы: О. А. Коростелев. М.: Олимп; АСТ, 2002. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). / Гл. ред. А. Н. Николюкин; Редколл.: Н. А. Богомоллов и др. М.: ИНИОН, 1993–2006; Литературное зарубежье: Национальная литера-

Подтвердилась мысль, некогда высказанная Г. П. Струве о том, что едва ли «не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература». ⁴ И, действительно, в процессе научного освоения культурного наследия русского зарубежья отечественные исследователи пришли к согласованному мнению: без полной публикации списка авторов вряд ли возможно создание общей картины русского зарубежья, и, тем более, трудно оценить его вклад в русскую и мировую культуру. Другая мысль, в которой едины почти все филологи, сводится к тому, что до сих пор не существует полноценной истории критики русского зарубежья, а, следовательно, отсутствует выверенная методология, соответствующая ее статусу. Интерес представляют не только мастиные, именитые критики. Нельзя игнорировать даже уровень «средней» критики и публицистики, значительная часть которой представлена газетными публикациями. И, наконец,

тура – две или одна? Вып. II. / Отв. ред. Ю. Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН. 2002; Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи / Сост., подгот. текстов, примеч., вступ. ст. Перхина В. В. СПб.: Алетейя, 2002. Федякин С. Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 65–96; Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. Вып. 1. К 90-летию академика Е. П. Чельшева / Гл. ред. Ю. В. Мухачев; ред.-сост. Т. Г. Петрова. М.: ИНИОН РАН, 2011.

⁴ Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956. С. 248.

если в 1990-е годы был замечен разрыв между исследованиями отечественной литературно-критической традиции и исследованиями критики русского зарубежья, то сейчас такого разрыва нет. Критика и публицистика эпохи изгнания ныне рассматривается в единстве с контекстом всей истории русской литературы.

Сказанное позволяет сделать такой вывод: нельзя рассматривать литературно-критическое наследие русской эмиграции Китая как нечто «низкопробное» – мнение, которое бытует еще с 1920-х годов. В научном и культурно-историческом собирании «русского мира» важен каждый атом, важны все статьи, заметки, эссе, сколь бы «низкопробными» они ни казались. Да и вообще справедливо ли, научно ли оценивать их по принципу «хорошо» / «плохо»? Не случайно творческому наследию русской эмиграции в Китае не так сильно везло в сравнении с тем, что создано русской эмиграцией в Европе. До настоящего времени не выяснено, какую роль играло это наследие в литературном и – шире – в культурном и духовном самоопределении восточной ветви русской эмиграции. Отсутствие более или менее целостного понимания литературы «русского Китая» связано с понятными причинами – ее изучение началось позже, чем изучение литературы русского зарубежья на Западе.

В предисловии к четвертому тому «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940» (М., 2006) А. Н. Николюкин писал: «Задаваясь целью представить панора-

му литературной и культурной жизни русских за рубежом как части национальной культуры и литературы XX века, составители при отборе имен и статей руководствовались не значимостью писателя в литературном процессе, а наличием материалов о нем в печати зарубежья». При составлении энциклопедии были использованы также харбинские газеты «Заря», «Русский голос», «Русское слово», журнал «Рубеж». Но литературно-критические статьи, опубликованные восточной эмиграцией, представлены в энциклопедии весьма скромно. Хотя теперь уже известно, что только лишь в харбинской периодической печати было опубликовано более трехсот статей о русских писателях XVIII–XX веков. Исключением явились лишь разделы, посвященные Ф. М. Достоевскому, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву – в каждый из них включено по одной харбинской работе.

Помимо дилеммы о значимости / не значимости писателей в литературном процессе, существует еще одна проблема – немалая часть публицистических материалов, вышедшая в русскоязычной печати Китая, носит «анонимный» характер. Обозначались или только инициалы (к примеру, Н. Н.), или же вовсе отсутствовал какой-нибудь знак, указывающий на авторство. В некоторых случаях есть ссылка на авторство (например, А. П. Цзян, Л. Русланова, Е. Хохлов), но найти даже скромные биографические сведения пока не удастся. Возможно, что некоторые имена вряд ли когда-нибудь удастся распознать. Как быть? Достойны ли вни-

мания «безымянные» публикации о Пушкине, Лермонтове, Гумилеве?.. Получается, что присоединение критико-публицистического наследия восточной эмиграции к литературной мысли периода первой волны эмиграции и истории русской литературы в целом – научная задача, еще ждущая своего решения.

Между тем русскими эмигрантами, проживающими в городах Китая, главным образом, в Харбине и Шанхае, издавались газеты, журналы, альманахи. Регулярно проводились Дни русской культуры, праздничные церемонии, посвященные памяти русских писателей, о чем печатались подробные обзоры и отчеты в периодических изданиях. Публицистика русской эмиграции в Китае функционировала разнопланово. Она отражала литературные вкусы и предпочтения интеллигенции, их инстинкт самосохранения в чужой среде, их болезненную заботу о «национальной святыне» – русской литературе. Именно поэтому она должна быть рассмотрена и исследована не только в качестве самостоятельной и значимой части литературной критики и публицистики всего русского зарубежья, но и в качестве неразделимого элемента «русского мира», русской культурной и духовной мысли.

Русская картина Китая была пестрой – эмигранты здесь принадлежали к разным, иногда даже малосимпатичным и совсем не симпатичным партиям и организациям. Драматические для России обстоятельства ее общественно-исторического бытия стали первопричиной расхождения во взгля-

дах людей; они порой толкали на выбор, который впоследствии был способен вызвать чувство неловкости. Но, думается, не следует делать спешные выводы. Эмигрантов, независимо от разности убеждений, объединяла любовь к России, жгучее желание вернуться на родину; любовь к ее культурному наследию, неоценимой частью которого была русская литература. В качестве примера обратимся к фигуре Кирилла Иосифовича Зайцева (1887–1975), после принятия сана монашества – архимандрита Константина, известного публициста в эмигрантской прессе «русского Китая».

* * *

Юрист и богослов Кирилл Иосифович Зайцев был родом из Санкт-Петербурга. Там же он сформировался и получил блестящее образование. Но гражданская война, в которой он участвовал в составе белогвардейской армии, послужила переломным моментом в его жизни. Изгнание К. И. Зайцева шло через Константинополь, Софию, Прагу, Париж. В 1935 году он переезжает в Харбин. В Китае К. И. Зайцев проведет в общей сложности четырнадцать лет. С одной стороны, оторванность от родной почвы, с другой, – именно в эмиграции раскрылся талант К. И. Зайцева как организатора, мыслителя и публициста. Достаточно упомянуть его должность ректора Педагогического института в Харбине, работу в министерстве иностранных дел Маньчжурской империи. И при

всем этом он оставался последовательным монархистом, что просвечивает почти в каждом его высказывании о русских писателях – Пушкине, Лермонтове, Глебе Успенском, П. А. Вяземском, о К. Аксакове и других. Тем более в его трудах исторического содержания, среди которых выделяются книги шанхайского периода: «Православная церковь в сов. России» (1947), «Памяти последнего царя» (1948), «Киевская Русь» (1949) и др.

Интеллектуальная деятельность К. И. Зайцева немаловажна вне размышлений о России, ее культуре, истории. Он был незаменим в проведении Дней русской культуры, организации празднования столетнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина в Харбине. Он участвовал в подготовке собрания «Избранных сочинений» А. С. Пушкина (1937), куда также вошел его вступительный очерк «Смерть Пушкина»; руководил работой по составлению альбома автопортретов «Пушкин и его время» (1938); юбилейного сборника «Россия и Пушкин» (Харбин, 1937). В 1941 году Зайцев редактировал три опубликованных в Харбине сборника: «Шедевры русской поэзии», «Шедевры литературной критики» и «Русская история в русской поэзии» (т. 1). Написал вступительную статью к выпущенному в серии «Шедевры русской прозы» (1941) роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Напомним, что в Харбине День русской культуры проводился с 1924 года вплоть до середины 1940-х годов. Ежегод-

ные сборники, представлявшие своего рода отчет о проведенных культурных мероприятиях, редко выходили без редакторской работы К. И. Зайцева. Юрист по основному образованию, он прекрасно разбирался в философских и богословских учениях. Одновременно он был замечательным педагогом. Недаром именно по его инициативе в Педагогическом институте были организованы «открытые лекции» для всех желающих.

Русская литература, особенно ее классическое наследие, для К. Зайцева, как и для многих других представителей изгнания, была насущной духовной пищей; он постоянно размышлял о творчестве и судьбе наиболее выдающихся писателей, выступал в печати с публикациями о них. Немалая часть известных (и неизвестных) статей К. Зайцева вышла именно в русскоязычной печати Харбина⁵. Публицистика К. И. Зайцева, посвященная Пушкину, Лермонтову, уже знакома (правда, не в полном объеме⁶) современному российскому читателю. Но неизвестны его «китайские» статьи «Памяти Константина Аксакова», «Глеб Успенский», «Князь П.

⁵ Сведения, правда, неполные, о харбинских публикациях и републикациях К. И. Зайцева см.: Филин М. Д. Пушкиниана Русского Зарубежья: Материалы для библиографии // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. Вып. V. 1998. С. 344-245. Его же: Зарубежная Россия и Пушкин. М.: Русский мир, 1998; Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции. М.: Русский мир, 1999.

⁶ Две статьи К. И. Зайцева, включенные в настоящую книгу, ранее в России не публиковались.

А. Вяземский». Эмигрантская критика в основном была сосредоточена на Пушкине, Лермонтове (в сравнении с Пушкиным значительно меньше); она нередко обращалась к фигурам Гоголя, Достоевского, Толстого, но почти не касалась литературных имен, традиционно отведенных на «периферию» литературы. К. И. Зайцев же необычайно расширял горизонты восприятия и оценки русской литературы, особенно ее «золотого века».

Большую по объему статью о К. Аксакове справедливее было бы отнести к жанру биографического очерка – автор охватывает этапы жизни и творчества этого выдающегося славянофила, не оставляя без внимания даже обстоятельства его рождения, воспитания. Он с любовью пишет о предках К. Аксакова, особо подчеркивает материнскую «начинку» характера и темперамента будущего пламенного публициста. Выделяет в его наследии именно то, что со временем не потеряло своего значения – не поэзию, не критические работы, а исторические опыты. Не будучи профессиональным историком, но наделенный полемическим задором, К. Аксаков как бы расшатал господствовавшее в то время течение исторической мысли. Он создал фундамент, способ мысли, «которые стали с той поры железным инвентарем национально-почвенной историософии славянофильства». К. Аксаков впервые в лапидарной форме дал «общую характеристику духа русского народа и его истории»⁷.

⁷ День русской культуры. Харбин. 1942. С. 19–26.

К. И. Зайцев трезво оценивает идеи славянофила: «Не разделим мы с ним той силы негодования, которая подымала его против Петра, и его анафематствования Петербурга. Не разделим и того упрощенно-идиллического восприятия древней Руси, которое облегчало ему его полемику с Петровской Россией. Далеки мы от возвеличивания общинного начала в русском земельном строе. А главное, далеки мы от той детски-оптимистической оценки «народа», которая вдохновляла славянофилов на борьбу с петровской Россией и делала их оппозиционерами российской Императорской власти».

К. Аксаков признавался, что объект его бескорыстного служения – Истина и Отечество. Но всегда ли в унисон говорят истина и отечество? Для восторженного славянофила «отечество» в вопросе обладания Истиной сливалось с «народом», покрывалось «народом» – и именно простым народом. Вот такого двусмысленного «народничества», безоглядного «народолюбия» К. И. Зайцев не приемлет в Аксакове, не приемлет именно то, что славянофилы «идеализировали народ и создавали из него кумира, ища в нем сосредоточения Истины». И все же, несмотря на народнический утопизм в принципах К. Аксакова, он современен, ему принадлежат «золотые мысли», «которые до сих пор остаются программными лозунгами русского национального самосознания».

Очерк «Памяти Константина Аксакова» и двумя годами ранее напечатанная юбилейная статья «Глеб Успенский»

близки по проблематике. «Тот, кто не знаком с Успенским, не может сказать, что он знает русскую литературу» – таков тезис К. И. Зайцева, который, в свою очередь, перерастает в мысль о том, что «не только, однако, не может сказать о себе тот, кто не знаком с Успенским, что он знает русскую литературу: не сможет он сказать, что знает и русскую действительность!» И если К. Аксаков дал формулу русского национального самосознания, то Г. Успенский – самое очевидное воплощение «болезни русской совести», «которая угнетала и поедала лучшие душевные силы русской интеллигенции второй половины девятнадцатого века»⁸.

Публицистика К. И. Зайцева наделена четко выраженной мировоззренческой установкой, о чем он писал в статье «Борьба за Пушкина»⁹. Именно «борьба», потому что он категорически не приемлет тех методов изучения наследия Пушкина, которые, по его мнению, установились в Советской России. Пропаганда, «научообразная мертвечина», развернутая вокруг имени классика и его произведений – это часть борьбы мировоззрений, которая идет «в настоящее время во всем мире на всех фронтах, в самых маловероятных формах, в самых неожиданных сочетаниях». Советская власть прославляет Пушкина как предтечу советского строя, тем самым искажая самую идею личности и творче-

⁸ День русской культуры. Харбин. 23 июня 1940 года. С. 16–18.

⁹ Зайцев К. И. Борьба за Пушкина. Харбинское время. Харбин. 1937. 11 февраля.

ства поэта, как она сложилась в сознании нескольких поколений. Творчество Пушкина – бесспорная ценность «национальной России», по представлению К. И. Зайцева, нещадно фальсифицируется и искажается. Тут справедливее было бы говорить о «столкновении» «мировых сил». Поэтому, употребляя предложенное П. В. Струве словосочетание «зарубежная Россия», Зайцев мечтает об объединении всех «в боевую семью» – под знаменем Пушкина, «как бесспорным для всех наглядным и каждому понятным символом той России, к которой считают себя принадлежащими все русские эмигранты, без различия политических оттенков». Именно на эмиграции лежит ответственность за ответ на вопрос: кто же такой был подлинный Пушкин? Каково было его истинное лицо?

Иностраннный читатель, полагает Зайцев, чаще всего ждёт от русской литературы «проблематики», «экзотики, мятежности, борения, изощренного новаторства, чего-то дразнящего нервы, тревожащего дух». Не найдя всего этого у слишком классического нашего Пушкина, отворачивается от него. Ему трудно понять, что Пушкин – «воплощенное душевное равновесие, спокойствие». Барьер между произведениями Пушкина и иностранными читателями остается непреодолимым и, по-видимому, с этим необходимо смириться. Иностранец «по общему правилу, не чувствует Пушкина, равно как он не чувствует и величайшего русского композитора Глинку, родственного по духу Пушкину». В этом

заключается не только проблема Пушкина, но проблема всей России. Ведь «исторической реальностью является только пушкинская Россия». Великие русские писатели, включая Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, в своих произведениях воспроизводили «некий уклон русского духа», изображали Россию историческую в ее бытовых и духовных проявлениях. Россия Чехова – это «Россия на ущербе». Достоевский «гениально-фантастически» показывает происходящую в недрах России борьбу духа, чуждаясь «бытовой» России. Историческая Россия переносится Толстым на полотна его величественных «романов-рек» – «лишь для того, чтобы стать предметом позднейшего отказа от них. «Толстой в целом есть своего рода интеллигентски-сектантское “самосожжение” исторической России». Один только Пушкин воплотил в своем творчестве Россию «во всей ее индивидуально-исторической конкретности». «Пушкин – наше всё», все остальное – «произвольная стилизация, а иногда и подлинная фантастика».

* * *

Не менее показателен пример Георгия Константиновича Гинса (1887–1971) – юриста, журналиста, эмигрировавшего в Харбин в 1920 г. и занимавшегося там активной общественной и политической деятельностью. В известной степени преуспевший в коммерческой деятельности, Г. К.

Гинс, являясь одним из основателей магазина под названием «Русско-Маньчжурская книготорговля», занимался продажей учебных пособий, научных трудов эмигрантской литературы. Одновременно читал лекции на Юридическом факультете и был бессменным редактором «Известий Юридического факультета». Под его редакцией вышло двенадцать томов этого издания. Он не чуждался литературных тем, рассуждал о художественном творчестве писателей отнюдь не как дилетант. Подтверждение тому – его цикл об А. С. Пушкине, напечатанный в харбинской газете «Заря» и журнале «Рубеж»¹⁰.

Г. К. Гинс органически сплавляет художественную интуицию и логико-понятийные рассуждения. Он стремится охватить личность и творчество гения русской литературы со всех сторон, особенно же – со стороны исторической и нравственной ценности и личной судьбы поэта и его произведений. Исходя из мысли, что само «появление Пушкина кажется чудесным», публицист последовательно показывает: это кажущееся чудом рождение Пушкина было обретено, завоевано, выстрадано историческим назначением России. Пушкин «велик не только своим мастерством художника». Он богат, разнообразен и глубок «по содержанию своих произведений», подобно тому, как богаты, разнообразны и непостижимы русская природа, русский дух.

В творчестве Пушкина воплотилось все то, что впослед-

¹⁰ Цикл статей Г. К. Гинса об А. С. Пушкине см. в настоящем издании.

ствии стало нашим наследием, чуть ли не бытовым нашим переживанием: 1) жизнерадостность – «один из секретов его бесспорного владычества над юным и старым, его несравнимого умения покорить раз и навсегда»; 2) благоговейное чувство красоты, умение наслаждаться «всеми видами красоты»; 3) несравненное историческое чувство, получившее в творчестве поэта целостную концепцию философии истории, и государственный масштаб мысли, творчества; Пушкин как никто понимал, «что значит в общественной жизни традиция» и как «остатки старины» «прочно связывают прошлое, настоящее и будущее»; 4) заслуга Пушкина не только в том, что он стоит у истоков блестящего развития русской литературы; чтобы достичь такого результата, достаточно родиться гением, каким и явился наш поэт; ему принадлежит заслуга в создании фундамента «национального самосознания»; Пушкин дал нам язык, дал то, что называется «духом» народа, внушил нам чувство национального единства; одним словом, ему «принадлежит право называться одним из создателей русской национальной культуры, объединяющей народы России в русскую нацию»; 5) и, наконец, Пушкин – символ восхождения от низшего к высшему, восхождения к вершинам религиозного переживания; его творчество является источником, припадая к которому человек просветляет свою собственную душу.

Г. К. Гинс заключает свои размышления тем, что поэзия «Пушкина воспитывает и любовь к родине, и чувство чело-

веческого и национального достоинства, и преданность государственному долгу». И в этом смысле Пушкин – наша Родина. Эти слова обращены к эмиграции, все больше испытывающей страх «перед денационализацией и понижением культурного уровня грядущей смены подрастающего поколения». Таким образом, литературно-критические высказывания русского изгнанника, не порывая связь с творчеством Пушкины, в то же время в своем несомненном большинстве обращены к широкому спектру жгуче злободневных социально-нравственных вопросов, к живым потребностям эмигрантской среды.

* * *

Соприкасаясь с печальной судьбой эмигрантов первой волны, невольно задумываешься: что больше вызывает волнение: их неудачная вовлеченность в трагическое движение истории, их судьба вольного или невольного изгнанника? Или же то, что, находясь в изгнании, они продолжали оставаться русскими, пребывали в русском культурном пространстве, с непритворным интересом следили за тем, что происходило в Советской России? И главное – обращались к русской литературе как к утешительному источнику, памяти об утерянной малой и большой Родине.

Из личного дела эмигрантов архивного фонда БРЭМ Государственного архива Хабаровского края известно, что

Анатолий Прохорович Вележев (1887–1946) родился в Воронежской губернии. Окончил Воронежскую духовную семинарию, затем поступил на юридический факультет Варшавского университета. После окончания университета состоял помощником присяжного поверенного при Воронежском окружном суде. После революции, как и многие его современники, участвовал в гражданской войне в составе белогвардейской армии. У А. П. Вележева есть автобиографический рассказ «Три Рождества», посвященный как раз событиям гражданской войны. Приходилось делать «сорокаверстные переходы», «животы, случалось, подводило от голода» – рассказывает автобиографический герой – «но были тогда молоды, сильны духом и телом». Поэтому «бездумно и весело» шли вперед, веря в успех «нашего дела»; слишком «крепко сидела в нашем сердце надежда». Увы! История беспощадна, она не различает добро и зло, заключает в свой водоворот целые поколения, превращая их в потерянные или с трудом восстанавливаемые звенья временных циклов.

«На пространстве тысячи верст, среди ледяного безмолвия сибирской пустыни разыгрывались трагедии, которых человеческое воображение не могло и представить. Матери теряли своих детей, на глазах жен расстреливали их мужей, родные и близкие расставались на полчаса, чтобы больше уже никогда не встретиться. И чем дальше уходили мы на восток, тем безнадежней рвались нити, связывающие нас с

Россией»¹¹.

Гражданская война выбросила А. П. Вележева за родные пределы, и в 1922 г. он оказался на харбинской чужбине. Здесь он давал частные уроки, занимался коммерческой деятельностью, частной юридической практикой и, конечно, как это обычно бывало, издательской и редакторской работой. Харбинский период жизни А. П. Вележева закончился в 1946 г. С приходом советских войск в Маньчжурию начался очередной поворот в его жизни – он был арестован и депортирован с сыном и женой в СССР, где содержался в лагере. Как сложилась дальнейшая судьба этого талантливого представителя умственной России? Не трудно представить...

В Харбине А. П. Вележеву в какой-то мере повезло, в чем ему помогли прирожденный литературный талант и журналистский опыт. В разное время он был редактором газет «Русский голос», «Русское слово», «Гуан-Бао», «Голос эмигрантов», «Заря», журнала «Луч Азии». Он прекрасно знал литературу, разбирался в живописи, владел английским и французским языками. Известны его довольно объемные статьи «Невысказавшийся гений» (о Лермонтове), «Трагедия одиночества. 55 лет со дня смерти Тургенева», «А. В. Кольцов»¹².

Статья о Лермонтове написана Вележевым в традицион-

¹¹ Вележев А. П. Три Рождества // Луч Азии. 1939, № 12.

¹² Луч Азии. 1941. № 83/7. С. 16–20; Луч Азии. 1938. № 49/9. С. 12–13; «День русской культуры. 1942. С. 31–35.

ном для русской философской критики русле – на ней отпечаток размышлений В. Соловьева, особенно Д. Мережковского, назвавшего Лермонтова «ночным светилом» русской поэзии. Одновременно статья полемична, намечает новую для того времени концепцию личности и творений поэта.

Исходной точкой интуитивно-интеллектуальных построений А. П. Вележева является мысль о том, что «в области художественного творчества, и в литературе в частности, существуют две стихии, противостоящие и даже враждебные одна другой: аполлоническая и дионисийская». Если царство Аполлона принадлежит Пушкину, то Лермонтов продолжатель дионисийского начала. От них, от Пушкина и Лермонтова, «раздвоенным потоком, не сливаясь и не расходясь, течет мощная река русской литературы».

Возведение поэзии Пушкина к аполлоническому, а Лермонтова – к дионисийскому началу было распространено в культурной мысли «серебряного века»¹³. А. П. Вележев мог знать работы космиста Н. А. Сетницкого «О конечном идеале» (1932), «Заметки об искусстве» (1933), которые были изданы в Харбине.

О чем же размышлял космист Н. А. Сетницкий в своих книгах? Сфера искусства обладает системностью, в ней неминуемо возводится иерархия отношений с наличием

¹³ См.: Вольтинский А. Литературные заметки: Аполлон и Дионис // Северный вестник. 1896. № 11; Иванов В. И. Ницше и Дионис // Весы. 1904. № 5; Иванов В. И. Религия Диониса: ее происхождение и влияние // Вопросы жизни. 1905. № 6.

центра, говоря иначе, – духовного ядра, «центрообраза». Вот это ядро, с одной стороны, формируется в рамках искусства, создается средствами самого искусства, следовательно, конгениально искусству. С другой – центрообраз выходит за «пределы искусства», вследствие чего художественный образ приобщается к чему-то иному, первостепенно важному. Но история европейской культуры показывает, что искусство в разные эпохи апеллировало не к одному, а к двум центрообразам. Поэтому художник затрудняется ответить, кто же есть центрообраз его творчества – Аполлон или Дионис?

Так сложилось, что Аполлону, «светопадателю и светоносцу», пришлось поделиться властью с Дионисом. Благодаря компромиссу, дионисийский «стихийный энтузиазм» начали рассматривать, наряду с «гармоническим вдохновением», на уровне идеала, символа красоты. Но дионисийское начало прямо ведет к трагическому искусству, где герой – это носитель воодушевленного автономного я. Объективно мы имеем дело не с соперничеством Аполлона и Диониса в сфере искусства, а Аполлона и Диониса с Христом, с еще не окончательно проявленным выбором между трагедией и литургией. По мнению космиста, русский роман пребывает в некоторой оппозиции к форме того романа, к которому привык читатель. «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души», «Война и мир», «Соборяне», «Братья Карамазовы» (список можно продолжить), – романы и как бы вовсе не романы. В классическом романе сохраняется нечто,

что не вмещается в общепринятую формулу романа. Объективно русский роман следовало бы назвать «литургической эпопеей»¹⁴.

В понимании А. П. Вележева, лермонтовский путь – это путь от Диониса к Аполлону и далее – к Христу. О том, что Лермонтов постепенно шел к литургическому пониманию искусства, «свидетельствует его неутоленная тяга к Богу. Это самый христианский из всех наших поэтов, несмотря на весь свой кажущийся демонизм».

В 1934 г. в газете «Заря» вышла статья А. В. Амфитеатрова «Кольцов и Есенин»¹⁵. Она не осталась одинокой – буквально в следующем выпуске той же газеты был напечатан лирический рассказ-воспоминание «Кольцов, Митроша и я»¹⁶ Г. Г. Сатовско-Ржевского, известного в харбинских русскоязычных кругах журналиста. Обе публикации соотносились со 125-летием со дня рождения народного поэта. Нечто подобное повторилось в 1942 году – на сей раз в Харбине были напечатаны две статьи, посвященные 100-летию со дня смерти поэта: Н. Резниковой «Алексей Васильевич Кольцов»¹⁷ и А. П. Вележева «А. В. Кольцов»¹⁸.

¹⁴ Более подробно см.: Мехтиев В. Г. Эстетические и художественные грани русской классики. Хабаровск. Издательство ТОГУ, 2018. (Глава III. Художественность и литургия (об одной идее искусства).

¹⁵ Заря. Харбин. 1934. 18 ноября.

¹⁶ Заря. Харбин. 1934. 20 ноября.

¹⁷ Заря. Харбин. 1942. 30 ноября.

¹⁸ Заря. 1942. 30 ноября.

Статья А. В. Амфитеатрова в каком-то смысле была провокационной, полемически заостряла вопрос о народности двух русских поэтов. Написанная в жанре биографического очерка, она одновременно была наделена аналитической частью, в которой красной нитью проходила мысль о несопоставимости поэзии Кольцова – «поэта оригинального и гениального и единственного русского поэта»; и Есенина, в каждом стихотворении которого сквозит «смертельная обреченность». Кольцов, по мнению Амфитеатрова, принес «из глубины воронежских лесов и донских степей в дар интеллигенции свежий народный дух и певучее народное слово». Ну а что Есенин? – «Этот, Есенин, наоборот, пришел из рязанской деревни неучем по образованию, пролетарием по проповеди, но уже готовым интеллигентом по духу». «Ряженье Есенину, бурному и искреннему, опостылело, и, – предсмертно, – из мнимо крестьянского поэта откровенно выглянул разочарованный, с душою вдребезги разбитою, поэт-интеллигент».

А. В. Амфитеатров считает несправедливым и то, что в Кольцове ищут Есенину «предка», тогда как предки поэта начала XX века – романтики пушкинской эпохи – например, А. И. Полежаев, «несчастнейший из русских лириков», расплатившийся солдатчиной и преждевременной смертью «за дикую жизнь, дикий характер и безудержный алкоголизм». Если бы не разница поэтических форм и языка, то «Полежаева, погибшего почти сто лет назад, и Есенина» легко было

бы «по тону и мотивам привести в совершеннейшую почти слитность».

Статья А. П. Вележева о Кольцове типологически близка биографическому очерку А. В. Амфитеатрова, она совпадает с ней даже в главной идее, хотя в ней имя Есенина не упоминается. На вопрос: «В чем же отличие Кольцова от других поэтов, в чем его самобытность?» Вележев дает такой ответ: «Если не считать Лермонтова, Кольцов самый религиозный русский поэт. Религиозность его детски чистая («Спаситель, Спаситель, чиста моя вера...»), первобытная, своими корнями уходящая в глубочайшие народные пласты». Этим и определяется, на взгляд публициста, истинная народность поэзии А. В. Кольцова.

* * *

Познакомившись с биографической справкой в заключительной части сборника, можно убедиться, что почти у всех эмигрантов схожая судьба. В эмиграции по сути ничего не изменилось – их общей заботой оставалась Россия, ее культурное и литературное наследие, тот маленький «русский мир», в котором они жили, действовали и, живя в котором, все-таки мечтали о возвращении на родные просторы. Поэтому собирание литературно-критической и публицистической мысли «русского Китая» имеет символический смысл, не сводимый только к тому, чтобы способствовать формиро-

ванию единой, целостной картины художественно-эстетической картины истории русской литературы. Суть этого единства определяется исканием и обнаружением фактов и даже следов «русской мысли», которая (в силу исторических обстоятельств) до настоящего времени остается рассеянной. Целостную концепцию литературы нельзя рассматривать в том смысле, что в ней все статично, прозрачно и окончательно предрешено. Смысл любой национальной культуры явен, общезначим. Одновременно, говоря словами С. Аверинцева, смысл этот «загадочен», поскольку «задан» нашему сознанию источниками и инстанциями, может быть, нам еще неизвестными и от нас не зависимыми.

Оказавшиеся в изгнании русские интеллигенты быстро прониклись идеей мессианства, полагая, что традиции национальной культуры могут существовать и вне Отечества и что именно они, эмигранты, призваны к продолжению и углублению этой традиции. Жизнь в изгнании понималась ими как готовность на любые испытания и подвиги во имя сохранения национальных духовных ценностей.

* * *

А. С. Пушкин – главная фигура русской литературы и русской национально-культурной идеи. Он занимает исключительное место в духовной биографии русского изгнания – не только западной эмиграции первой волны, но и тех, кто

оказался на территории Китая, в таких городах, как Шанхай и, главным образом, Харбин. Выражение «духовная биография» должно пониматься здесь расширительно. Оно включало, с одной стороны, аспекты личностного нравственного самоопределения большей части русских эмигрантов, с другой же – аспекты, связанные с их политическими, общефилософскими воззрениями. Следовательно, сам А. С. Пушкин ассоциировался у них не только с символом одухотворенной свободной поэзии и прозы, с символом национального и общенародного поэта; одновременно А. С. Пушкин воспринимался в контексте исторической судьбы России; политического выбора самих эмигрантов. Словом, все начинания, замыслы, проекты эмигрантов аргументировались авторитетом Пушкина и им оправдывались. Ибо Пушкин, по их общему признанию, «наше всё», единственный критерий, единственный символ и сакральная ценность, освящающий своим именем идеалы эмигрантов.

Отсюда многогранность и в то же время некоторая «законченность», «закругленность» представлений о нашем классике. Пушкин, по мнению большинства представителей русской эмиграции, и единственный истинный поэт, и прозаик, и основатель русского национального языка, и создатель русской национальной литературы. Он же сторонник самодержавия, абсолютной монархии, государственник, преданный государю и готовый на любые жертвы ради него; верующий человек, преданный догматам православной церкви; катего-

рический противник каких-либо социальных взрывов, более чем критически воспринявший трагедию декабристов. Говоря иными словами, Пушкин воплотил идеальную во всех проявлениях форму национального космоса. Таким образом, в публицистике эмигрантов появлялся не реальный, исторически конкретный, а во многом мифологизированный образ русского поэта. Установка на мифологизацию личности и творчества Пушкина – это то, что роднит публицистику восточной ветви русской эмиграции с пушкинианой «русского Запада».

Кульминацией мифологизации образа поэта стала повсеместно (на Западе и на Востоке) отмечаемая 100-летняя годовщина со дня его гибели. Не было ни одного газетного и журнального издания, где не встречались бы публикации о Пушкине. Они касались самых разных сторон его биографии и творчества: любовные похождения, отношение к друзьям, поездка в Оренбургскую губернию в поисках материала для «Капитанской дочки», обстоятельства дуэли и смерти; размышления, порой прямолинейные, об отдельных произведениях. Имена авторов не ограничиваются теми, кто непосредственно был связан с литературной, критической или журналистской деятельностью. Здесь поражает пестрота профессиональных занятий и интересов авторов. Поэтому многие статьи носили познавательный, просветительский характер, представляли перевод на язык обыденного понимания многих известных фактов и сведений. Но этот перевод осуществ-

лялся с установкой на особый стиль, на особую манеру изложения мыслей и фактов. Склонность эмигрантов к мифологизации не ограничивалась одним только Пушкиным. Мифологизированной становилась вся русская литература XIX века, а за нею – и русская культура, и русская история. В этом заключается свое обаяние – тексты эмигрантов, большей частью романтизированные, «одухотворенные», читаются как поэтический миф. Эти тексты интересны и востребованы в том числе с точки зрения культурной и духовной биографии самих эмигрантов, попавших в жернова истории и трагически переживавших свой разрыв с Родиной.

* * *

Материал, к которому обращались составители настоящей книги, предсказуемо оказался объемным, разноплановым, что кардинально изменило стратегию введения в научный оборот критико-публицистического наследия русской эмиграции в Китае. Первую часть книги составили статьи, посвященные А. С. Пушкину. При благоприятных обстоятельствах планируется подготовить и издать сборники публикаций о поэтах и писателях XVIII в. и, большей частью – XIX в. (Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Тютчев, Достоевский, Чехов и многие другие).

B. Mexmuev

А. Амфитеатров

Пушкин в жизни Гоголя

Недавно в Париже, в издании УМСА-ПРЕСС, вышла в свет интересная книга К. Мочульского «Духовный мир Гоголя»^[1], – небольшая, всего 145 страниц, но густо насыщенная хорошо продуманными мыслями, часто оригинальная и смело идущая вразрез с установившимися «вековыми» традициями, которых и вокруг биографии, и вокруг творчества Гоголя накопилось слишком много.

К. Мочульский пересмотрел житейские и литературные отношения Гоголя с некоторыми лицами, связанными с ним взаимовлиянием, и многие и многие озарились, в пересмотре исследователя, новым светом. Не все пересмотры удачны, но интересны, безусловно, все. Как блестящий пример укажу на опыт реабилитации г. Мочульским пресловутого Ржевского священника-аскета, отца Матвея Константиновского^[2], который слишком 80 лет слыл злым гением Гоголя, губителем его литературного таланта, виновником сожжения второго тома «Мертвых душ» и чуть ли не самой смерти писателя от аскетического «запощеванства».

Пересматривает г. Мочульский и отношения между Гоголем и Пушкиным. Поводом к тому послужило некоторое

разногласие о них в автобиографических показаниях Гоголя. «В Авторской Исповеди» Гоголь утверждает, что он обязан Пушкину: 1) сюжетами двух главных своих произведений – «Ревизора» и «Мертвых душ»; 2) изменением направления всего своего творчества (из праздного зубоскальства оно становится служением человечеству); 3) самым фактом своего писательства (без Пушкина «оно, может быть, исчезнуло бы»)[3].

«А в письме к Жуковскому (29 декабря 1847 года), изображая тот же перелом и переписывая дословно целые фрагменты из «Исповеди», Гоголь о Пушкине не упоминает вовсе. Там он, казалось, был обязан ему всем, здесь – ничем»[4].

Разницу эту г. Мочульский объясняет догадкой, что письмо Жуковскому есть позднейший вариант «Исповеди». Оно, ведь, написано в пору самого высокого религиозного подъема Гоголя – накануне его паломничества в Святую Землю. «Авторскую Исповедь» Гоголь писал в мае 1847 года как свою апологию в ответ на враждебный прием, встреченный «Выбранными местами из переписки с друзьями». Писал наскоро, горячо, искренно.

Но, – рассуждает г. Мочульский, – «поразмыслив на досуге над «Авторской Исповедью», Гоголь остался ею неудовлетворенным и решил не печатать: он выставлял себя в этом сочинении в неблагоприятном свете. Выходило, что в течение первого периода своей литературной деятельности он был легкомысленным балагуром, писавшим «глупости»; что

не будь Пушкина, он бы так и не догадался – о своем великом призвании, и даже перестал бы писать. А, следовательно – писательский путь его не ограничен, не начертан свыше, а вполне случаен. Отправляясь ко гробу Господню просить благословения на великий труд, возложенный на него Богом, Гоголь должен был пожертвовать своей зависимостью от Пушкина»^[5].

Столь решительное перерождение характера апологии в промежутке всего полугода, если принять его факт, давало бы странное и не очень-то лестное понятие о Гоголе.

Если так, то не только возникает, но и весьма обостряется вопрос: какую же роль играл Пушкин в истории творчества Гоголя?

Исследователь отвечает:

«Что он дал ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ» – подтверждается рядом свидетельств. Но малоправдоподобно, чтобы автор «Поэта и черни» внушил Гоголю моральное направление творчества и совсем невероятно, что без вмешательства Пушкина Гоголь бросил бы писать. К самому факту близкой дружбы Гоголя с Пушкиным последние биографы его (В. Каллаш, Б. Лукьяновский, А. Долинин и В. Гиппиус)^[6] относятся недоверчиво. Связь между писателями, по-видимому, была самая внешняя: за шесть лет знакомства Пушкин написал Гоголю три незначительные записки; после лета в Царском, когда, по словам Гоголя, он «почти каждый вечер» проводил с Пушкиным, Гоголь путает имя

жены поэта (в письме к Пушкину он называет Наталью Николаевну Надеждой Николаевной); перед отъездом Гоголя за границу у него, по-видимому, вышла размолвка с Пушкиным, и он уехал, даже не попрощавшись с ним. По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком Пушкину. Но Пушкин радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывая ему «покровительство»^[7].

П.В. Нащокин был ближайшим другом Пушкина и хорошо знал его житейские отношения. Поэтому его показание мы должны принять с доверием. Дружбы житейской между Пушкиным и Гоголем не было. Да откуда бы ей было взяться?

В 1831 году Пушкин – уже зрелый мужчина, перешагнувший за тридцать лет, писатель в зените славы, глава литературной школы; по общественному положению, он барин-аристократ, вхожий ко двору, принадлежит к самому большому петербургскому свету, женат на красавице из красавиц, остепенившийся семьянин. Гоголь – 25-летний начинающий мальчик-провинциал, очень бедный искатель столичной карьеры и фортуны, с незадачливой кандидатурой в чиновники или педагоги, разночинец, богема. Тут все в контрасте: люди разных поколений, положений, характеров и настроений. Весьма вероятно, что «бывая у Пушкиных», юный Гоголь представлял собою довольно плачевную фигуру, совсем не в лад с салоном изящнейшей Натальи Никола-

евны, и «Пушкины» не стремились включать его в круг семейных друзей дома.

Но одно дело «Пушкины», другое «Пушкин». Одно дело дружба житейская, другое – литературная. А, собственно говоря, только последняя и важна, когда речь идет о таких громадах, как Пушкин и Гоголь.

Литературная дружба и устанавливается, и определяется, и поддерживается вовсе не тем, что писатели часто ходят друг к другу в гости, часто обмениваются письмами и записками, имеют общих знакомых и т. п. Литературная дружба есть плод духовного взаимопонимания и взаимоуважения двух талантов, сознание обоими, что они – одного поля ягоды и оба, хотя каждый самостоятельно и независимо, делают одно и то же общее идейное дело, направленное к общей культурной цели.

Подобные литературные дружбы, – к слову сказать, гораздо прочнее и надежнее житейских, – могут существовать не только без личной близости друзей, но даже вовсе без взаимного общения в частном быту, семейных отношениях, вне литературных дел и связей. Больше того: можно привести примеры долгих и прочных литературных дружб, в которых стороны вовсе никогда не знавали одна другой лично. И именно в настоящее время, в Зарубежье, разбросавшем русские литературные силы «дале друг от друга», на расстояния и в условия, неодолимо препятствующие личному общению, случаи заочных дружб особенно часты и выразительны.

Литературная дружба есть чувство «своего», симпатия к «своему», флюидная тяга к «своему». И в этом смысле взрослый Пушкин и юный Гоголь были объединены, несомненно, близкою дружбою. И тому нисколько не противоречат обмолвки-описки вроде Гоголевой о жене Пушкина (Надежда Николаевна вместо Наталья Николаевна) или Пушкинской об Иване Тимофеевиче вместо Ивана Никифоровича в рассказе Гоголя. Литературная дружба не мелочна.

Когда дружат два писателя разных поколений, то естественно, что дружба их выражается в признании старшим младшего себе равным и, если младший в том нуждается, в поддержке его своим авторитетом к росту и укреплению в известности. Именно такова и была дружба Пушкина к Гоголю.

В 1831 году двадцатидвухлетний, напечатавший всего еще одну книжку, Гоголь уже хвалится матери: «Проводим вечера вместе – Пушкин, Жуковский и я»^[8]. Теперь это мальчишеское самохвальство смешит, напоминая нам: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я» – Ивана Александровича Хлестакова. Но «вист» Гоголя, хотя хлестаковский по тону, не был фантастическим. «Корифеи» действительно допустили юношу к постоянному интимному обращению с ними. А раз оно так, ясно, что в этом «подающем надежды» и «много обещающем» они (и, в особенности Пушкин) провидели силу, им равную, и, по

великодушию истинно талантливых людей, спешили явить и укрепить дружбу покровительством.

Началом своей славы Гоголь был обязан Пушкину, и маловероятно, чтобы Гоголь мог вытеснить Пушкина из своей благодарной памяти, – «пожертвовать Пушкиным», как выражается г. Мочульский, – ради каких бы то ни было себялюбивых и душеспасительных соображений.

Правда, ни в религии, ни в политике, они не сходились до единомыслия. Пушкин, в годы их знакомства, хотя уже не брал «уроков чистого афеизма» у заезжих англичан, а жил укрощенным и безопасным львом на двойных цепях – семейных и придворных, но, как воспитанник вольтерианцев, и лишь случайно не декабрист, конечно, не годился в образцы ни православного рвенія, ни политической благонадежности и верноподданнических чувств. Впоследствии, в «Переписке с друзьями» Гоголь употребил много усилий, чтобы снять с Пушкина репутацию вольнодумца, но не успел в этом. Пушкин решительно не укладывался ни в его царизм, ни в его церковное православие. Так что Гоголь, скрепя сердце, должен был принять его, каков есть, потому, что Пушкиным пожертвовать он не в состоянии был ни царю, ни Церкви.

Ибо Пушкин был едва ли не единственным в мире человеком, которого Гоголь любил действительно – страстно, благоговейно, как любят живое божество. В их тесной духовной связи (именно не «внешней», а внутренней, глубоко внут-

ренной) авторитетная роль старшего товарища, наставника, развивателя принадлежала всецело Пушкину. Он дал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», он настоял, чтобы Гоголь печатал «Нос», он не дал Гоголю пожертвовать цензуре сценою порки поручика Пирогова в «Невском Проспекте», он оценил художественное значение «Коляски» (не понятой Белинским), под его авторитетной защитой благополучно выдержали буйную критическую компанию «Вечера на хуторе» и «Миргород», он старался ввести Гоголя в журнализм и критико-публицистическое обозревательство.

Влияние Пушкина на Гоголя было огромно, – гораздо значительнее, чем можно судить по их необширной и скупой переписке. Очевидно, эти люди умели понимать и ценить друг друга, не нуждаясь в многословных излияниях. Можно предполагать с вероятностью, что, если бы Пушкина не уложила так рано в гроб пуля француза Дантеса, то жизнь и литературная деятельность Гоголя сложилась бы более нормально и его гений, идя естественными путями возрастного и культурного развития, не сгорел бы так преждевременно и дико.

Но, – пишет в «Знакомстве с Гоголем» С. Т. Аксаков, – «в 1837 году погиб Пушкин. Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом и телом. Я (С. Т. Аксаков) прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно, и что смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа, вследствие которых

он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов»^[9].

Таким образом, выходит, что проклятый пистолет Данте-са лишил Россию, в один выстрел, обоих основоположников ее литературы: одного истребил в теле, а другого – в 28 лет от рождения – тяжело искалечил в духе, болезненно состарил и на много-много лет сократил его жизнь.

Имея другом и вдохновителем высшее земное существо, каким представлялся Гоголю Пушкин, – после утраты его, – в ком осиротевший писатель мог искать нового друга, от кого ждать новых вдохновений? Когда мы изучаем письма Гоголя, то сразу видим, что в отношении едва ли не ко всем своим корреспондентам, не зависимо от их возраста и житейского или литературного авторитета, он всегда старший и власть имеющий. Не исключая даже таких своих друзей-патриархов, как В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, С. Т. Аксаков. Склоняет голову он только перед иерархами, «старцами», отцом Матвеем Константиновским. И то не всегда.

Собственно говоря, по смерти Пушкина, Гоголь уже не предпринимал никаких литературных начинаний, а если и начинал что новое, то быстро терпел неудачу и бросал, не продолжая, например, «Запорожскую трагедию», которую он в Риме читал Панову; как «Рим»; как, пожалуй, можно причислить и второй том «Мертвых Душ», судя по отрыв-

кам, далеко и невыгодно отступивший от пушкинского плана, хотя Гоголю и мечталось, будто теперь-то он его и осуществляет. Внешне он был прав, потому что литературная жизнь Гоголя 40-х годов, – и впрямь, – серьезно и даже суеверно свелась к одной задаче: исполнить священный завет Пушкина – написать «Мертвые Души».

Принимая завет Пушкина, Гоголь не знал того, что дает обещание, которое он силен выполнить только при том условии, если живой дух Пушкина будет непосредственно веять над ним. Он рассказал нам, как возникли и определились в характере письма «Мертвые Души», – как Пушкин ими спас нам Гоголя.

«Может быть, с годами и с потребностью развлекать себя, веселость моя исчезнула бы, а с нею вместе и мое писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того, как я прочел ему одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое однако ж поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хоть и написал несколько очень замечательных и хороших

повестей, но если бы не принялся за «Дон Кихота», никогда не занял бы того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых Душ». (Мысль «Ревизора» принадлежала также ему). На этот раз я задумался серьезно...»

«После «Ревизора» я почувствовал, более, нежели когда-либо прежде, потребность сочинения полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. Пушкин находил, что сюжет «Мертвых Душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров...»^[10]

В другом месте Гоголь свидетельствует, что без влияния Пушкина он рисковал бы обратить «Мертвые Души» в галерею злобных карикатур. «Если бы кто видел те чудовища», которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых Душ» в том виде, как были они прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотником до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, и, наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, кото-

рый так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души». Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. Притом мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчешь его же собственной пошлостью»^[11].

Таким образом, выходит, что Пушкин был как бы – в некотором роде – тайным другом-редактором Гоголевых начинаний, и его доброжелательному редакторству мы обязаны литературным воспитанием молодого Гоголя и лучшим, полным свежей силы, сочной красочности, художественного чувства меры, периодом Гоголева творчества.

После таких определенных и так подробно мотивированных признаний заподозренное г. Мочульским отречение Гоголя от Пушкина чрез умолчание о нем представляется нам невозможным.

Письмо к Жуковскому писалось в условиях почти священнодействия. В противоречивом существе Гоголя жило много странностей и темнот, но духовным плутом и лицемером он никогда не был, хотя, после «Переписки», злые язы-

ки и предлагали переименовать его из Николая в Тартюфа Васильевича. Не будучи Тартюфом, не способен был он и на недостойную, да к тому же и неумную, попытку – благочестивым отказом от грешника Пушкина обмануть зачем-то и Жуковского и общество, и себя самого, и чуть ли даже не Господа Бога.

Ларчик мнимого противоречия между двумя документами, думается мне, просто открывается.

«Авторская Исповедь» – апология, предназначенная для большой публики, а потому снабженная широкою осведомительною мотивировкою, с ссылками на факты и влияния, будущим читателям неизвестные. Им сообщить о Пушкине было необходимо. Письмо к Жуковскому, хотя Гоголь и думал, может быть, напечатать его во втором издании «Переписки» все-таки есть только частное письмо.

К кому? К общему их с Пушкиным ближайшему другу. Осведомлять Жуковского о благодетельном для творчества Гоголя значении Пушкина не было никакой надобности: разумелось само собою. Что же было Гоголю, так сказать, ломиться в открытые ворота, изъясняя чувства, и без того Жуковскому отлично известные?

Со смертью Пушкина, авторитетной, благожелательной редакции не стало. Гоголь остался один, предоставленный самому себе. Ему 28 лет, литературного «стажа» за ним всего 7 лет. Однако, силою ума и таланта, он, вопреки возрасту и короткости опыта, чувствует себя и старше, и авторитет-

нее даже славнейших своих товарищей по литературе. Заместителя «редактору» Пушкину в современности нет. Гоголь двумя-тремя головами выше всех – и одинок. Был крик, будто Гоголя «захвалили приятели». Грубая ошибка: нельзя «захвалить» человека, вооруженного столь мнительной потребностью деятельной критики, которой он постоянно искал и просил, но редко находил. Добивался советов, – хотя бы и для того, чтобы их отвергать, потому что обыкновенно они оказывались плохи.

Литературное одиночество пугало Гоголя. Он чуял, что, идя без проводника по неведомой горной тропе, находится в опасности сбиться с прямого пушкинского пути. И вот, в страхе от утраты друга-вдохновителя и советчика земного, обращается он мало-помалу все искательнее и внимательнее к друзьям-вдохновителям и советчикам небесным: к Богу в представительстве Церкви. И, по страстности своей, быстро доходит в религиозном пафосе до самоубийственного аскетизма.

А. И. Несмелов

**Пушкин и Россия. К
столетию со дня смерти**

Сто лет назад, 29 января 1837 года, в 2 часа 45 мин. дня, от раны, полученной на поединке с Жоржем Дантесом, скончался Александр Сергеевич Пушкин. Смерть эта произвела ошеломляющее впечатление на современников. И не только тем, что мыслящая Россия того времени отлично понимала, кого она теряет в лице трагически погибшего поэта, – нет, многие знали еще и то, что Пушкин стал жертвой недостойной, сложной интриги, и это увеличивало горечь утраты. Что верно из того, что говорилось в то время и что писалось на протяжении ста лет после смерти Пушкина о событиях его жизни, непосредственно предшествовавших роковому выстрелу, и что из всего выдуманно, – наукой о Пушкине до сих пор не решено и едва ли когда-нибудь будет решено окончательно.

С полной достоверностью известно лишь, что последней каплей, переполнившей чашу сил и терпения Пушкина, каплей, приведшей к роковому концу, – явилось в жизни поэта оскорбленное чувство мужа. Но, кроме этого, годы, пред-

шествовавшие поединку, были полны для Пушкина тягчайшими огорчениями и неприятностями. Особенно мучили его – материальная необеспеченность, бедность, враждебное отношение критики, спешившей развенчать «потерявшего талант» поэта, недоверчивое отношение правительственной верхушки и связанное с ним ироническое отношение петербургского «света», издевавшегося над камер-юнкерством Пушкина, придворным званием молодых людей.

Росли долги, – говорит один из биографов Пушкина, – вся семья Гончаровых перешла на содержание поэта^[12]. Сестра Пушкина^[13] и особенно ее муж, Павлищев^[14], под предлогом общего неразделенного имения, грубо требовали несообразных сумм. За брата, Льва^[15], то и дело приходилось платить долги, которые тот беспечно делал в надежде на своего знаменитого брата. Наконец, и отец поэта оказался разоренным и тоже перешел на иждивение к сыну. На все это, – при огромных расходах, которых требовала светская жизнь, потребная Наталии Николаевне Гончаровой, как воздух, балы в Аничковом дворце^[16], катания, гуляния и т. п., – никаких доходов, ни от разоренных имений, ни от литературных работ, не доставало. С отчаянием в душе, Пушкину несколько раз приходилось обращаться к правительству с просьбами о ссудах, но это было уже крайность. Раньше того Пушкин бросался ко всем своим состоятельным знакомым, прося денег в долг, везде встречая отказы, и обращался к профессиональным ростовщикам, выдавая вексель за векселем под

самые тяжелые проценты; мало того: Пушкины закладывали домашние вещи, – серебро, дорогие шали и т. п., должны в мелочную лавочку, извозчику, швейцару. После смерти Пушкина во всем доме нашлось только тридцать рублей. Среди особенно настойчивых кредиторов был книжный магазин Белизара^[17], потому что, при всех стесненных обстоятельствах, Пушкин не в силах был отказать себе в удовольствии приобретать все заинтересовавшие его книги.

И последние слова Пушкина были обращены к книгам:

– Прощайте, друзья!^[18]

Пушкина не стало. Солнце русской поэзии закатилось! – вырвалось из груди современника, потрясенного потерей^[19]. Прогремели на всю Россию и до сих пор еще гремят в каждом русском сердце – великолепный стихи Лермонтова на смерть великого собрата^[20]. Неужели, – кончено, конец? Год, два, десять, двадцать лет, – и потускнеет золотой венок поэта? Ведь болгарины всевозможнейших родов и рангов уже при жизни его кричали о конченности, о том, что Пушкин не смог осуществить того, к чему был призван, – не создал великих творений^[21].

Годы шли, но слава Пушкина не меркла; наоборот, она росла, ширилась, ее лучи начинали пронизывать и озарять всю русскую жизнь, И вот на место болгаринных «правых», уже сошедших в могилы, появились болгарины левые, Писарев^[22] и вся клика нигилистских критиков. И снова мы наблюдаем попытки дотянуться до чела небожителя, чтобы со-

рвать с него и растоптать лавровый венец. Но и этих людей постигает неудача. Слава Пушкина становится незакатной, превращается в синоним, в символ национального гения! В чем же величие Пушкина? На это может быть несколько ответов, в зависимости от того, откуда мы будем смотреть на Пушкина, влияние его на какую область русской духовной культуры мы будем рассматривать.

В области чистого искусства он, говоря словами Гончарова, отец-родоначальник русского искусства: в Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках. «От Пушкина и Гоголя в русской литературе теперь еще пока никуда не уйдешь, – говорит Гончаров. – Но сам Гоголь объективностью своих образов, конечно, обязан Пушкину же. Без этого образца и предтечи Гоголь не был бы тем Гоголем, каким он есть»^[23].

То, что было верным в то время, когда Гончаров писал эти строки, остается верным и теперь: пушкинская традиция столь же ощутима и в наше время, как пятьдесят лет тому назад. Все лучшее в русской поэзии и теперь органически вырастает из Пушкина. Время бессильно над совершенством, над гением.

Но Пушкин не только гениальный поэт, сын Музы, Аполлонов избранник. Он не только песнопевец, гениальный художник, – он еще и пророк, раскрывший тайну русской национальной души. «Он, – говорит Достоевский, – отметил

и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, – человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого, в конце концов, отрицающего».

Но Пушкин не только вскрыл перед нами нашу болезнь, «он же первый дал и утешение... великую надежду, что болезнь эта не смертельная, и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной»^[24], т. е. вернется к верности русской национальной душе.

Исчерпывается ли этим значение Пушкина для России. Нет, этого еще мало. Не глазами ли Пушкина глядим мы до сих пор на многое из нашего национального прошлого? Разве, например, образ Петра Великого, какой имеется в каждой русской душе, – не создание гения Пушкина? Да, это так! Каждый из нас представляет себе Петра именно таким, каким он показан, дан нам поэтом в «Арапе Петра Великого», в «Полтаве», в «Медном Всаднике». Но почему же зрение Пушкина сливается с нашим зрением, овладело им и царит столетие? Только и именно потому, что глаза великого нашего поэта слились с глазами национального гения, с очами Нации.

Да Петр ли только! А Пугачев, а Пимен, Самозванец, Борис Годунов? Наше представление о них – представление Пушкина, представление самой Нации. Непомерно велика над нами власть Пушкина!

Перейдем к образам меньшего исторического, но огромного историко-культурного значения. Современникам Пушкина казалось, что они встречаются на улицах Евгения Онегина, которого никогда, однако, реально не существовало. Пушкин обнаружил черты Онегина в каждой русской душе, и разве не гуляет Онегин и сейчас среди русских, разве не обнаруживаем и мы признаков его присутствия в своей душе и в душах нас окружающих? Сто лет назад русская интеллигенция впервые узнала себя в образе Онегина и до сих пор она узнает себя в нем.

А Татьяна, а Ольга! Ведь эти женские образы не умерли до сих пор, и даже через столетие ощущается их притягательность, и, как еще Гончаровым замечено, – в каждом женском персонаже, создаваемом последующими поколениями русских писателей, мы всегда отыщем черты Татьяны или Ольги^[25].

В чем же значение Пушкина для России? Теперь ясно: гений Пушкина явился, по силе своей, единственным в русской истории фактором, столь стройно и полно организующим национальное сознание. Столетие прошло со дня смерти Пушкина, и какое еще столетие, с громами чрезвычайных потрясений национальных. Нет династии, возглавлявшей страну, само имя Россия вычеркнуто из имен держав, русская жизнь окровавлена, загажена, втиснута в тюремный коридор. Но солнце русской поэзии, незакатный гений Пушкина сияет немеркнущим светом, и не знак ли это того, не

доказательство ли неопровержимое, что русская национальная душа жива, что еще здорова сердцевина ее, что корни ее, скрытые в великом, тысячелетнем прошлом, – не загнили, целы. Не будь этого – не вынести бы нашим глазам ослепительного сияния родного гения.

Любопытно отметить следующее...

Всегда, когда антинациональные силы поднимали, или пытались поднимать голову, в надежде вредить России, они первые свои удары направляли против Пушкина. Вспомним, как древние римляне поступали с осажденным вражеским городом, – сначала они пытались вызвать из-за стен города богов, его покровителей, – обезбожить город. Приступ, осада начинались после соответствующих магических манипуляций...

Так вот, враги России всегда начинали свои приступы с попыток бороться с Пушкиным. Вспомним Писарева – нигилистическую эпоху, вспомним предреволюционных Бурлюков^[26] и Крученых^[27], начертавших на своих тряпках-знаменах курьезный лозунг:

– Долой Пушкина с парохода современности!

Но солнце гения сожгло их, как и самый их пароходик. Пришла советчина и тоже атаковала Пушкина. Он головою был выдан на расправу Крупской: пусть погибает и вымирает неподходящее. Но и Крупской с наркомпросом^[28] Пушкин оказался не по зубам. У страны обессиленной, обворованной, залитой кровью и нечистотами, осталось одно солн-

це – Пушкин. И страна Пушкина не отдала. Страна сберегла Пушкина, его томики дореволюционных изданий, как гугеноты, сжигаемые на кострах инквизиции за хранение Библии, берегли эту книгу.

И советчина спасовала: там, за рубежом, судя по газетам, тоже собираются отмечать великую дату, и готовятся к этому. Но не насмешкой ли будут «Пушкинские торжества», торжества в честь русского национального гения в стране, где власть топчет все национальное и издевается над ним. Бессмертная душа Пушкина будет не «там», а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений.

А. П. Цзян

Пушкин в женских образах и музыке

Этот интересный, хорошо разработанный и подготовленный доклад А. П. Цзян сделала на последней открытой «Среде» Женского клуба при Коммерческом собрании^[29], посвященной Пушкину, в связи со столетием со дня смерти поэта. Обширный доклад оставил у многочисленной аудитории незабываемое впечатление. Приводим его содержание в главнейших выдержках (прим. редактора).

– Чуткая муза Пушкина многогранно осветила женскую душу. «Во всяком чувстве Пушкина есть всегда благоуханное и грациозное»^[30] – сказал Белинский, и это яснее всего ощущается в отношении поэта к своим героиням. Нет возможности останавливаться перед каждым портретом в галерее женских образов Пушкина, поэтому пойдем по ней быстро, вскользь полюбовавшись особенно дорогими и близкими нам силуэтами.

Вот – портрет «русской женщины во весь рост», это – любимая героиня Пушкина, «Татьяна милая моя»¹⁹. Перед

¹⁹ Неточная цитата из IV главы романа в стихах «Евгений Онегин»: Простите мне: я так люблю Татьяну милую мою!

нами образ замечательной чистоты и благородства. Предоставленная самой себе, «она по-русски плохо знала, журналов наших не читала, и выражалась с трудом на языке своем родном»²⁰. Тем не менее, сама того не подозревая, Татьяна выросла настоящей русской. Она любила русскую природу, русскую зиму, русский быт, усвоив даже народные суеверия. Так как Татьяна жила в деревне, на самом черноземе народной жизни, в постоянном патриархальном общении с народом, среди быта, свято соблюдающего русские традиции, наносное французское влияние нейтрализовалось, заглушаемое живым общением с русской стихией. Татьяна подлинно русская женщина и по духу: идущая и не успокаивающаяся. Она замкнута, но внутри бурлит «тоска и роптание души». Еще девочкой она всегда была печальна, молчалива, задумчива и в ее детской головке рождались и теснились вопросы, на которые окружающая среда не могла дать ответа.

– «Я здесь одна, никто меня не понимает. Рассудок мой изнемогает и молча гибнуть я должна»²¹.

Воплотив свой идеал в первом, не похожем на уездных соседей, молодом человеке, она скоро увидела мечту свою разбитой. Однако, крушение это не привело ее к пошлости или к безразличию, а, напротив, дало толчок к пробуждению живой мысли. Читая книги Онегина с его отметками,

²⁰ Цитата из III главы романа в стихах «Евгений Онегин».

²¹ Цитата из III главы романа в стихах «Евгений Онегин»: письмо Татьяны к Евгению Онегину.

Татьяна победила свои сентиментальные фантазии, и в ее голове зашевелились настоящие критические мысли. Пробуждение под влиянием онегинских книг дает нам возможность понять ту Татьяну, с которой мы вновь встречаемся уже в петербургском «свете», где недавняя скромная деревенская девушка установила свой тон, тот тон аристократизма в лучшем смысле, который Пушкин определяет французским выражением «дю комиль фо» и который в природном виде встречается только у гармонических натур. Татьяна – первый в нашей литературе художественный портрет русской женщины, настоящей героини, геройство которой лишено всякой аффектации, настоящее русское геройство, в основе коего лежит суровый долг, требующий отказа от личного счастья и исполняющийся без фраз и жестикюляции.

Конечно, как человек живой и жизненный, Пушкин знал и изображал в своих творениях не только идеальных женщин, в его галерее мы найдем и обыкновенных женщин и девушек, со всеми присущими роду человеческому достоинствами и недостатками.

Вот образ Ольги Лариной, которая «всегда скромна, всегда послушна, всегда, как утро, весела, как жизнь поэта простодушна, как поцелуй любви полна»²².

А вот пламенно-любящая черкешенка. Дитя природы, она вся во власти своего чувства, но, зная, что русский пленник любит другую женщину, оставшуюся там, далеко, она дает

²² Цитата из II главы романа в стихах «Евгений Онегин».

ему свободу, а сама бросается в волны реки, унесшей его на родину^[31].

Вольная дочь степей Земфира^[32] не может, да и не хочет, обуздать своих чувств и желаний: ее сердце любит шутя, ее сердце просит воли, и она покорно идет на зов сердца и... гибнет.

Гибель ждет и красавицу-грузинку Зарему^[33], забывшую родину и веру ради утех любви, потеря которых привела ее к мукам ревности и к убийству соперницы, вызвавшему жестокое наказание.

Вот чистая дева Изабелла, которая остается недоступной для побежденного ее небесной красотой Анжело^[34], смеявшегося доселе над влюбленностью. Он домогается любви Изабеллы, ставя исполнение своих желаний ценой помилования осужденного брата красавицы, но она остается непреклонной, ибо стыд для нее ужаснее смерти.

Талант Пушкина, постигший таинство «русского духа и мира», развернулся во всей своей силе, когда он, соединив фантастическое с реальным, общечеловеческое с народным, оставаясь верным народному колориту, показал в неоконченном произведении «Русалка» глубоко драматическое похождение дочери мельника, брошенной любимым человеком потому, что «князя не вольны, как девицы, не по сердцу они берут жену себе...»²³.

Немало интересных женских типов нашел Пушкин и в

²³ Цитата из неоконченной драмы А. С. Пушкина «Русалка» (1826–1832).

прошлом России. Трогательна Ксения Годунова, «в невестах уж печальная вдовица», безутешно оплакивающая своего умершего жениха. И навсегда запомнится рядом со смиренной горюющей русской царевной величественный образ надменной польки Марины, ищущей в браке не любви и тихого счастья, а высокого положения супруги русского Царя:

– Не юноше кипящему, безумно плененному моей красотой, знай, отдаю торжественно я руку наследнику московского престола, царевичу, спасенному судьбой...²⁴

Интерес Пушкина к петровской эпохе вызвал к жизни прекрасную поэму «Полтава», посвященную Марии Николаевне Волконской^[35], утаенной любви Пушкина, который видел ее в последний раз, когда она остановилась в Москве на своем пути в Сибирь за мужем-декабристом. Чем можно объяснить это посвящение? Нужно думать, что общим моментом, роднящим героиню поэмы с героиней жизни, является трагедия женщины.

Княгине Волконской, прежде чем последовать за мужем в Сибирь, пришлось решить пред не пускавшим ее отцом тот же вопрос, который в своей поэме ставит Марии Мазепа:

– Скажи, отец или супруг тебе дороже?²⁵

И обе одинаково решили его в пользу супруга. Мария, услышав признание своего избранника, радуется его могуществу:

²⁴ Цитата из исторической драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

²⁵ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828).

– О, милый мой, ты будешь Царь земли родной! Твоим сединам как пристанет корона царская! О, знаю я: трон ждет тебя!²⁶

Но это не радость честолюбия. Это – радость верной супруги, которая, в случае неудачи пойдет с супругом на плаху.

Останавливаясь перед портретами пушкинских героинь, конечно, нельзя пройти мимо той, к которой поэт всегда обращался с трогательной нежностью, воспоминания Пушкина о которой проникнуты сыновней любовью. Няня Арина Родионовна – первая наставница его в родном языке, близкий друг и утешительница в тяжкие минуты изгнания и одиночества. Как много говорит сердцам нашим этот образ милой верной няни, сколько сожалений вызывает мысль о том, что у наших детей не будет теплых воспоминаний, связанных с ныне ушедшим типом старой русской няни.

На вопрос, что видел, вернее, что хотел видеть, за что любил женщину Пушкин, и с каким чувством к ней приближался, мы находим ответ в любовной лирике. Наиболее ярко это отношение выражено в прелестном стихотворении «Буря»:

– Прекрасно море в бурной мгле, и небо в блесках без лазури; но верь мне; дева на скале прекрасней волн, небес и бури.²⁷

Его влечение к женщине чисто и прекрасно, и он погружа-

²⁶ Цитата из поэмы «Полтава».

²⁷ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Буря» («Ты видел деву на скале...») (1825).

ется в мечтанье, «когда нечаянно пройдет передо мной младое, чистое, небесное создание», и хочется ему, любуясь де-вой, «благословлять ее на радость и на счастье и сердцем ей желать все блага жизни сей».²⁸

Пушкин, любивший всегда и любивший пылко, постоянно ассоциирует любовь с представлением «возвышенная, чистая, небесная», и не может не взирать на красоту без умиления, без робкой нежности и тайного волнения, внушаемых ему всегда женской любовью. Любовь для поэта – такая же высшая сила, как и природа; появление и исчезновение ее совершается вне всяких усилий человеческой воли и чуждо логической закономерности. Таким мгновенно вспыхнувшим чувством, охватившим все существо Пушкина, была любовь его к А. П. Керн, явившейся перед ним, «как мимолетное виденье, как гений чистой красоты».²⁹ Столь же горячо и глубоко чувство любви Пушкина выливается в стихотворениях, посвященных Амалии Ризнич, которую он любил «пламенной душой, с таким тяжелым напряжением, с такою нежною томительной тоской, с таким безумством и мучением».³⁰

Но годы унесли «голос нежный и милые черты» Керн, также внезапно исчезла страсть к Ризнич, и поэт сам по-

²⁸ Цитаты из стихотворения А. С. Пушкина «К*** (Нет, нет, не должен я, не смею...)» (1832).

²⁹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К*** (Я помню чудное мгновение...)» (1825), посвященного А. П. Керн.

³⁰ Цитата из элегии А. С. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной...» (1826). Считается, что элегия написана на смерть А. Ризнич.

ражен, что услышав весть о смерти любимой женщины, он «равнодушно ей внимал».

К концу своей краткой жизни поэт нашел, наконец, как ему казалось, в своей жене воплощение своего высшего женского идеала, и, в порыве благодарности Богу за свое счастье, восклицал в обращении к Н. Н. Гончаровой:

– Творец тебя мне ниспослал, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец...³¹

Вот, в главных чертах, женщина и отношение к ней пушкинской музы, той музы, которую Белинский определил словами:

– Муза Пушкина это – девушка-аристократка, в которой обольстительная красота и грациозность непосредственности сочетались с изяществом тона и благородной простотой, и в которой прекрасные внутренние качества развиты и еще более возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сделалась ее природой^[36].

Эти качества творений Пушкина постоянно привлекали и привлекают внимание композиторов. Кто из нас не знает и не слушал опер на сюжеты пушкинских поэм, романов и драм? Кто не восторгался ариями из «Евгения Онегина», «Русалки», «Руслана и Людмилы», «Пиковой дамы», «Каменного гостя», «Золотого петушка», «Царя Салтана», «Бориса Годунова», «Мазепы», «Моцарта и Сальери».

³¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Мадонна» (1830), посвященного Н. Н. Гончаровой, на тот момент невесте поэта.

С именем Пушкина здесь сочетались имена Чайковского, Даргомыжского^[37], Римского-Корсакова^[38], Мусоргского^[39]. Кроме перечисленных опер менее известными широкой публике являются оперы Кюи – «Капитанская дочка»^[40] и «Кавказский пленник» и «Алеко» – Рахманинова^[41]. Очень много романсов на слова Пушкина создали Даргомыжский и Гречанинов^[42], а из современных поэту композиторов – Глинка, Алябьев, Гурилев^[43], Титов^[44].

А. Семенченков

Пушкин и казаки

Пушкин был первым поэтом российского казачества. Муза Пушкина

Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов...³²

Сколько чудесных стихов и отдельных строчек о казаках разбросано на пушкинских страницах!

В «Полтаве» казакам отведены главы. Песни и баллады о С. Разине и Ем. Пугачеве – первые устно-поэтические памятники казачеству. Лучшие образцы пушкинской прозы – «Капитанская дочка» и «История пугачевского бунта» дают замечательные характеристики казаков и самого Пугачева, как они представлялись Пушкину по документам и живым преданиям.

³² Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1822).

Вечная казачья благодарность великому поэту за то, что в народных казачьих песнях заметил он

...дней прошлых гордые следы,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны³³.

– оценил, спас от забвения и оживил своим «грандиозным гением» преданья седой казачьей старины и устные сказания о народных героях свободолюбивого казачества.

Своими записями песен Пушкин положил основания живописному казачьему фольклору. Во время ссылки на юг Пушкин с Н. Н. Раевским^[45] разъезжает по степям и старикам, – наблюдает быт казаков и восхищается ими. В 1820 году поэт напишет брату: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы, любовался нашими казаками, когда-нибудь прочту тебе мои замечания о черноморских и донских казаках»^[46].

Пушкин любил донцов, «покрытых славою чудесного похода и вечной памяти 12-го года³⁴, жил на казачьих постах и почивал с казаками на бурке.

³³ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829).

³⁴ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Полководец» (1835).

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку,
В память боев и пиров,
Я привез домой нагайку.³⁵

«Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин», – так начинается свой рассказ генерал Ушаков^[47]: «В поэтическом порыве он выскочил, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Майор Семичев, посланный генералом Раевским, едва настигнул Пушкина и насильно вывел его из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин схватил пику убитого казака и устремился противу всадников...».

Можно поверить, что донцы были чрезвычайно изумлены, увидя незнакомого героя в круглой шляпе и бурке. Это был первый и последний дебют «любимца муз».

С материалами о донских казаках Пушкин знакомится в «Русской Старине»^[48], альманахах Корниловича^[49], где была помещена замечательная статья сотника В. Д. Сухорукова: «Общежитие донских казаков в 17 и 18 веках»^[50]. Писал брату Льву: «Душа моя, горчицы рому да книг. «Русскую Талию» и «Русскую Старину»»^[51].

Интерес Пушкина к Пугачеву и увлечение Ст. Разиным можно проследить с 1820 года и до последних месяцев жиз-

³⁵ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Был и я среди донцов...» (1829).

ни. Из Михайловского Пушкин пишет брату: «Ах, Боже мой! Чуть не забыл, пришли историческое сухое известие о Ст. Разине, единственном поэтическом лице Русской истории», просит прислать ему и «Жизнь Емельки Пугачева»^[52].

В 1827 году Пушкин стремится поместить песни о Разине в альманахе «Северные цветы». 22 августа граф Бенкендорф пишет Пушкину: «Песни о Разине, при всем поэтическом достоинстве, по содержанию неприличны к напечатанию, сверх того, церковь прокликает Разина и Пугачева»^[53].

В 1834 году П. Х. Граббе встретился на обеде у Раевского с Пушкиным и записал: «Пушкин занят был в то время Пугачевым и историей Ст. Разина, последним, казалось мне, более; он принес даже с собою брошюрку, изданную английским капитаном, который представлялся Разину в Астрахани и потом был свидетелем казни его в Москве»^[54].

В 1836 году, за полгода до смерти, Пушкин перевел для французского литератора П. Веймюра^[55] 11 русских народных песен «казацко-разбойничьих», сюда вошли две песни: «Казачий плач о Разине» и «Как у нас было, братцы, на тихом Дону».

Пушкин был и первым идеализатором Пугачева. Бесконечно жаль, что смерть помешала Пушкину подарить казачеству поэму о Разине:

Про те разъезды удалые,

Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну³⁶.

В 1829 году, на Кавказе, Пушкин встретился с В. Д. Сухоруковым, и в 5 главе «Путешествия в Арзрум» находим: «Вечер проводил с умным и любезным Сухоруковым. Сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предложениях и своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такой ревностью и удачей. Ограниченность его требований и желаний – трогательна, жаль, если они не будут исполнены».

Для нас, донцов, лестно и интересно вспомнить о задушевных беседах Пушкина с замечательным казаком, первым историком донского казачества, сотником В. Д. Сухоруковым.

Встречи поэта с казачьим историком, несомненно, пробудили у Пушкина особенный интерес к прошлому казачества; не случайно, что после знакомства с «Историей донских казаков» Сухорукова (в 1826) Пушкин усиленно занимается собиранием исторических и поэтических материалов о казаках. Даже увлекает этим своего друга Раевского, ко-

³⁶ В черновиках «Путешествия Онегина» сохранились наброски строфы: Надулась Волга; бурлаки, Опершись на багры стальные, Унынным голосом поют Про тот разбойничий приют, Про те разъезды удалые, Как Стенька Разин в старину Кровавил волжскую волну. Поют про тех гостей незваных, Что жгли да резали.

торый начинал собирать материалы о Разине и мечтал написать о нем монографию. Сухоруков рассказал Пушкину о гонениях на него военного министра графа Чернышева^[56] и попросил у Пушкина заступничества за него. В 1829 году, в июне, Пушкин составил записку о донском историке и подал ее графу Бенкендорфу. Пушкин писал: «Сотник Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. С 1821 года предпринял он труд, важный не только для России, но и для всего ученого света. Сухоруков имеет поручение составить историю донских казаков, для чего пересмотрел все архивы присутственных мест в станицах донской земли, а также и архивы азовский, саратовский, царицынский и московский. Выписанные им исторические акты занимают более пяти тысяч листов, кроме того, Сухоруков приобрел множество разных летописей, поэм и прочего о донских казаках. Все эти драгоценные материалы, вместе со статьями уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию генерала Богдановича, в 1826 году, передать в другие руки, теперь они едва ли не растеряны. Имея слабое здоровье, склонный к ученым трудам, Сухоруков сказал мне, что единственное желание его было бы дозволение получить копии с исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени. И потом, на свободе, заняться составлением «Истории донских казаков»»^[57]. Благородное заступничество Пушкина имело обратные последствия: у Сухорукова был произведен обыск, при чем были отняты все материалы о казаках. Сам он был

уволен со службы и выслан на Кавказ. В 1846 году Сухоруков скончался, в нищете.

В эти дни, когда весь мир чествует Пушкина, сыны сынов «пушкинских казаков», рассеянные «от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая»³⁷, благоговейно вспоминают друга казачества Пушкина. Не должно быть места тревоге о судьбе казачества, когда вспоминаешь «Ответ Дона» словами поэта В. Д. Сухорукова:

О, как я вольно развивался
И часто грозно я шумел
Бессмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!
Не я ль ярмо татарских сил
В своих волнах похоронил?
И Русь святую возвеличил.
И Вашу Родину и Вас
Спасал не я ли столько раз?^[58]

³⁷ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831).

В. В. Перемиловский

Беседы о русской литературе

«Домик в Коломне»

До сих пор никто не мог сказать – пишет Гершензон^[59], – что разгадал смысл этой странной поэмы. Треть ее занята длиннейшим рассуждением о стихотворных размерах, выпадами против журнальной критики, а две трети – самой повестью с весьма странным сюжетом, как вновь нанятая кухарка в мещанской семье оказалась переодетым мужчиной.

Лучшее пока толкование принадлежит только что упомянутому исследователю^[60].

Гершензон обратил внимание на связь повести с самыми острыми, волнующими стихотворениями Пушкина, написанными в тот же Болдинский период: «Расставание» – 5 X 1830; «Заклинание» – 17 X 1830; «Для берегов отчизны дальней...» – 27 XI 1830. «Домик в Коломне» написан в это же время – с 5 по 10 октября.

Известно душевное настроение Пушкина после помолвки с Н. Гончаровой: его и влекло к ней неотразимо, и в то же время его страшил предстоящий брак. В Болдине, куда по-

сле помолвки Пушкин поехал устраивать свои материальные дела, он пережил сильнейшее воспоминание о какой-то женщине, прежде страстно им любимой и любимой еще до сих пор (три перечисленных стихотворения). Эта его душевная тревога отразилась во многих местах «Домика», особенно в начале.

Два случайных, по-видимому, и ходом повести не вызванных отступления дают Гершензону ключ для разгадки странной поэмы. Одно – это трехэтажный дом, построенный на месте лачужки, в которой лет 8 назад проживала вдова с Парашей (как в «Медном Всаднике»).

Пушкин говорит по поводу этого дома, что если бы его охватил пожар, то его озлобленному взору приятно было бы это пламя. Другое отступление – воспоминание о церкви Покрова в Коломне и гордой богомолице-графине. Она казалась хладный идеал тщеславия; жизнь ее текла в роскошной неге и сама Фортуна ей была подвластна.³⁸ Но поэт сквозь этот блеск и надменность прочел иную повесть: графиня страдала, графиня была несчастна, и рядом с нею простая добрая Параша стократ блаженнее была.³⁹

³⁸ Вольный пересказ стихов из поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне» (1830). Характеристика графини: Она казалась хладный идеал Тщеславия <...> Она страдала, хоть была прекрасна И молода, хоть жизнь ее текла В роскошной неге; хоть была подвластна Фортуна ей; хоть мода ей несла Свой фимиам, – она была несчастна.

³⁹ Вольный пересказ стихов «Домика в Коломне»: Блаженнее стократ ее была, Читатель, новая знакомка ваша, Простая, добрая моя Параша.

В эти мятежные дни, на пороге новой жизни, когда Пушкин так много обращался мыслью в прошлое, ему невольно навязывалось сравнение между нынешним его положением, столь сложным и трудным, и легкой, простой его молодостью. Теперь он могуч, знаменит; и ему, как и графине, мода несла свой фимиам, – но не был ли он бесконечно счастливее в своей юности, когда был свободен, когда жил беззаботно в той же Коломне? Вспоминались ему воскресные службы у Покрова и графиня, которую он там встречал и наблюдал, вспоминались тогдашние проказы и шалости...^[61]

Итак, вот смысл «Домика»: графиня – это теперешний Пушкин, знаменитый поэт, страдающий человек, хотя и кажущийся счастливым. Параша – он же в пору после Лицея, неизвестный, но действительно счастливый. И понятно его озлобление против трехэтажного дома: он, как бы задавил, похоронил под собою это уже невозвратное время беззаботной юности.

Таково толкование Гершензона. И строфа XXIV – сравнение надменной графини с Парашей и обращение к читателю, что именно «простая, добрая моя Параша» стократ блаженнее графини – и является ключом к странной поэме.

Татьяна

Татьяна (Дмитриевна) Ларина – любимая героиня Пушкина, о которой он в романе иначе и не выражается, как

«моя», «Татьяна милая моя», «Таня». И это не только потому, что поэту нравился образ Татьяны, но и потому что в этом образе представлена все та же неизвестная «Татьяна» самого Пушкина.

К ней обращены заключительные стихи последней строфы романа: «А Ты, с которой образован Татьяны милой идеал... О, много, много рок отъял!»⁴⁰ Силою того чувства, которым горел Пушкин к этой женщине, он оживил и ее изображение в своем романе, и потому всегда так волнует нас ее история.

Но образ Татьяны раскрывает нам и душу Пушкина, показывая, что любил в женщине многолюбивый наш поэт и чего в ней искал.

Скупой на слова, о Татьяне Пушкин говорит с какой-то необыкновенной словоохотливостью, словно с какой-то тайной гордостью за свою героиню (как в стихотворении княжне А. Абамелик^[62]: И Вашей славою, и Вами, как нянька старая, горжусь... И перед нами встает образ действительно замечательной чистоты и благородства).

Уже в раннем детстве Татьяна обращала на себя внимание, как непохожий на других детей ребенок. Она была дика (не умела ласкаться к отцу ни к матери своей), печальна, молчалива. Дитя сама – в толпе детей играть и прыгать не хотела. Были детские проказы ей чужды.

Она в горелки не играла, ей скучен был звонкий смех и

⁴⁰ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (гл. VIII, строфа LI).

шум ветренных потех Ольгиных подруг.

Даже в эти годы она куклы в руки не брала, как после – ее изнеженные пальцы не знали иглы, и в то время, как все барышни – от Лизы Калитиной^[63] до Е. Сушковой^[64] – коротали досуги за пяльцами, Татьяна на пяльцы не склонялась.

Но еще ребенком она часто сидела целый день одна и молча у окна. Ей нравилась природа, – она любила встречать на балконе зари восход. Задумчивость была ее подруга от самых колыбельных дней, – задумчивость, т. е. взор, от внешнего мира обращенный внутрь, где ему открывался восхитительный заповедник грезы и мечты.

Поэтому так и пленяли ее воображение странные рассказы старой няни зимою, в темноте ночей. И ей рано нравились романы: они ей заменяли все. Она зачитывалась ими до поздней ночи, в постели.

Еще один маленький штрих в характеристике этой необыкновенной девушки: даже зимой когда утром так сладко спится и хочется подольше не вылезать из-под прогретого одеяла, Татьяна вставала при свечах, как летом – до зари: она не знала этой ленивой неги.

Так вырастала эта степная, провинциальная барышня, предоставленная самой себе, никем не руководимая.

Впрочем, надо думать, что была у Лариных какая-нибудь гувернантка-француженка, которая научила ее французской речи, но русской, конечно, не учил ее никто. «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала. / И выражалась с

трудом на языке своем родном».⁴¹

Пушкин говорит, конечно, о письменном, литературном русском языке.

Даже свой сердечный порыв – свое признание Онегину – она выразила по-французски.

И все-таки, несмотря на это уродливое явление русской жизни, когда все мало-мальски образованное русское общество думало и выражалось на чужом языке (впрочем, может быть, это уродство – теперь наше преимущество? В то время, как французы, англичане, немцы – только французы, только англичане, только немцы, русские – уже не русские только, но и европейцы. В то время, как западноевропейские народы с трудом понимают душу своих соседей, а русских все еще не поймут, мы всех можем понять, и Европа нам так же родная, как и Россия). Несмотря на чтение только иностранных книг, несмотря на незнание русских журналов, а, следовательно, и литературы, – Татьяна все-таки выросла настоящей русской.

Она, сама того не подозревая, была «русская душой», она любила русскую природу, русскую зиму, русский пейзаж, русский быт, усвоив даже народные суеверия.

В городе, а особенно в столице, она росла бы оторвано от русской почвы и могла бы стать подобием своих московских кузин. В деревне же, на самом черноземе народной жизни, в постоянном патриархальном общении с народом – няня, служанки, девки, бабы, мужики, ребятишки – среди быта, свято

⁴¹ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (гл. III, строфа XXVI).

соблюдавшего русские традиции – Святки, Крещенский вечер, Масленица, Троица, гадания, качели, блины и т. д. – наконец, под постоянным воздействием самой (единственной в мире!) русской природы – это наносное французское влияние нейтрализовалось, заглушаемое живым, непосредственным общением с русской стихией.

Поэтому, несмотря ни на что, определение Белинского, что Татьяна – «портрет русской женщины во весь рост»^[65] совершенно справедливо. Но Татьяна – русская («русская душой») не только по своим привычкам и симпатиям, она – подлинно русская женщина и в высшем значении – по духу, по интеллигентности (помним: слово «интеллигент» – иностранное, но понятие, им выражаемое, – специально-русское. Интеллигенты бывают только в России в Европе же – «интеллигентные люди», т. е. развитые, образованные люди): она – ищущая, как и Онегин, не успокаивающаяся. Она может замкнуться в себе, но там, внутри, эта «тоска души», «роптанье души» станет еще громче. Недаром, она еще девочкой была всегда печальна, молчалива, задумчива.

В этой головке рождались и теснились вопросы, на которые окружающая среда не могла дать ответа. Она права, жалуясь Онегину в своем письме: я здесь одна, никто меня не понимает. Рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна. – Впрочем, одно ей совершенно ясно: для души нужно какое-то дело. И Татьяна (как потом тургеневская Елена^[66]) тоску волнуемой души услаждала молитвой и по-

мощью бедным. Но (как и Елена) она не может удовлетвориться одним этим. И Татьяна тоже ждет необыкновенного человека: с ним об руку начнется для нее другая жизнь, полная смысла и деятельности.

Отсутствие нормального образования, французское воспитание, взгляд на жизнь сквозь сентиментальные романы – делали всех русских девушек какими-то «недорослями», совершенно беспомощными и неопытными в предстоящей им жизненной борьбе. Впрочем, борьбы никакой и не предстояло: просто – замужество. И Татьяна оказалась в таком же точно положении, когда свой фантастический, романтический идеал воплотила в первом же непохожем на уездных соседей, молодом человеке. Всякую другую барышню, хоть сестру Татьяны – Ольгу, – ожидала участь их матери, тоже в девицах мечтавшей о «герое», звавшей Акульку Селиной, а кончившей самой рядовой помещицей.

Но Татьяна, как натура незаурядная, избегала этой общей печальной судьбы русских девушек. Правда мечта ее разбилась быстро, тем не менее, это крушение не привело ее к пошлости, к безразличию, а, напротив, дало толчок пробуждению живой мысли.

Значительную роль сыграли здесь и книги в Онегинской усадьбе, которую после отъезда хозяина посещала Татьяна. Под влиянием этого чтения в ее голове, где раньше бродили сентиментальные фантазии, зашевелилась настоящая критическая мысль, обращенная теперь на самого Онегина: кто он

такой?

Вчитываясь в эти новые для нее книги, она в то же время старалась угадать, что привлекло к ним и в них внимание Онегина, а отметки, сделанные его рукой на полях (манера чтения, кстати сказать, самого Пушкина, лишней раз выделяющая в Онегине культурного и вдумчивого читателя), облегчали ей эту работу настолько, что она вообразила, будто кумир ее разгадан: «Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще, / Чужих причуд истолкованье, / Слов модных полный лексикон?.. / Уж не пародия ли он?». ⁴²

Эти знаменитые стихи обычно принимаются, как окончательное определение сущности Онегина в уверенности, что это взгляд самого Пушкина на своего героя. <...>

Нет, эти стихи выражают мысль и домысел Татьяны и тут мы воочию видим, какая огромная работа совершилась в ее голове под влиянием чтения Онегинских книг, когда после беспочвенной романтики ее письма к Онегину, она пытается теперь подойти к нему с критической меркой.

Это место позволяет нам понять ту новую Татьяну, какой она явилась в высшем петербургском свете, без чего этот переход остается необоснованным, как на это и указывали Пушкину.

Как бы теперь ни сложилась личная жизнь Татьяны, мы за нее спокойны: она не обезличится, не опустится до спячки,

⁴² Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (гл. VII строфа XXIV).

прозябания – она пробудилась окончательно, хоть и дорого встало ей это пробуждение.

Ни московское общество, ни (что еще замечательнее!) все нивелирующий петербургский свет, куда вступила Татьяна, выйдя замуж за генерала, не ассимилировал ее себе: больше того, Татьяна сама установила свой тон в этом обществе, и все невольно с ним считались. Это тот тон высшего благородства, аристократизма в лучшем смысле этого слова, который Пушкин, затрудняясь выразить по-русски, определяет по-французски *du somme il faut*⁴³ и который в природном виде встречается только у людей цельных, натур гармонических, у которых все данные – физические, умственные и духовные – находятся в созвучии.

Среди окружающих ее аристократов случая – рождения и положения – скромная, деревенская, но исполненная внутреннего благородства Татьяна стоит неизмеримо высоко: этот блестящий «большой свет», этот «запретный город», предмет мечтаний для не имеющих в него доступа, он для Татьяны – «ветошь маскарада», которую она, не задумываясь, рада была бы отдать за... «за полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище... / Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей...».⁴⁴

Слова эти нам так знакомы, что мы уже не вдумываемся в них, а вдуматься стоит: высокопоставленная барыня готова

⁴³ Как надо (*франц.*).

⁴⁴ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (гл. VIII, строфа XLVI).

променять свой модный дом и столичный блеск на бедный родительский дом в деревне, потому что там, в числе других, дорогих ей воспоминаний, могилка ее няни-крепостной.

Так она хранит благодарную память, так на всю жизнь питает признательность к тем, кто (кем бы он ни был) охранял нашу юность, – вот опять проявление подлинного аристократизма. Так и сам Пушкин, помяная Лицей и тех, кто его учил и воспитывал, «к устам подъяв признательную чашу», восклицает:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,

.....

Не помня зла, за благо воздадим!⁴⁵

Но все эти качества, такие замечательные и, с виду, столь неожиданные в простой провинциальной барышне, – ничего перед величием в ней нравственного долга. Когда она была еще Татьяной Лариной, она, хотя и сама ужасалась своей смелости, призналась Онегину в своих чувствах. Теперь она больше не Ларина, она замужем.

Принята большая ответственность перед Богом, людьми, совестью, и теперь она, как Тургеневская Лиза Калитина,

⁴⁵ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября», написанного в 1825 г. в честь основания Лицея.

ушедшая в монастырь, потеряна для самой себя и для всех и прежде всего, потеряна навсегда для самого ей дорогого – для Онегина.

Татьяна не даст свободы своему чувству, как не давала ее своему телу, когда зимой ему хотелось подольше понежиться в постели. До сих пор мы видели ее скромной, милой, бедной Таней, но тут мы столкнулись в ней с силой, с суровой силой, которая от нее исходит, и перед которой, чувствуя ее, все невольно склоняются.

Вот в Онегине этой силы нет, и этим Татьяна значительнее Онегина.

И какое редкое и удачное сочетание представляли бы эти два человека, друг друга дополняющие! Но, по вине Онегина, и эта жизнь, как и его собственная, повернулась неудачно. Ничего интересного не сулит ей грядущего волнуемое море: самый тесный круг – верная супруга и добродетельная мать.

Пропала личная жизнь, имевшая все данные быть богатой и содержательной. Но не пропала личность, раскрывающаяся перед нами в величии и неземной красоте.

Татьяна – первый в нашей литературе художественный портрет «русской женщины», как потом его будут писать все наши мастера слова. Некрасов, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, подобно тому, как эти же художники размножат и образ спутника Татьяны – Онегина, первого в нашей литературе интеллигента.

Какие черты характеризуют Татьяну как «русскую женщину»? – Подчинение долгу, голосу совести. Она – героиня, но ее геройство – без всякой аффектации, настоящее национальное русское геройство: суровый долг, требующий отказа от личного счастья, исполняется без фраз, без жестикуляции, как само собой полагающееся.

Внутреннее беспокойство, созерцательность, стремление к идеалу – дополняют эти черты.

Мы начали с национальности в симпатиях, привычках и вкусах Татьяны и пришли, наконец, к национальности самых глубоких ее движений.

Пушкин в Татьяне уловил и запечатлел дивный образ русского женского характера, как он складывался у нас исторически.

Нетрудно подметить еще в Февронии Муромской^[67] и Юлиании Лазаревой^[68] черты Татьяны. Но Пушкин сделал больше: после Татьяны дав изображение Маши Мироновой^[69], уже из совершенно другого слоя русской жизни, он и в ней нашел те же черты, что и в Татьяне – ту же нравственную силу и ту же простоту подвига. Теперь мы можем уже с уверенностью говорить о национальном характере обеих героинь...

Сохранится ли и впредь этот Татьянин клад в душевной сокровищнице русской женщины, или и его унесла оттуда великая катастрофа, унесшая уже столько исторических национальных ценностей?^[70]

Ответ даст новая русская жизнь и новая русская литература.

Расставаясь в 1830 г. с «Евгением Онегиным», Пушкин сделал к нему, так сказать, «подпись» – чудное стихотворение «Труд», торжественное и грустное:

Миг воделенный настал: окончен мой труд
многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе другой;

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой друга пенатов святых?^[71]

«Евгений Онегин»

По подсчету самого Пушкина «Онегин» писался 7 лет, 4 месяца, 17 дней, – в действительности, гораздо больше, так как сам же он считает колыбелью «Онегина» Крым (значит, 1820 г.), да весь почти 1832 г. поэт был занят работой над последней главой.

Таким образом, можно считать, что роман этот занял десять лет жизни Пушкина. Писался он и в Бессарабии, и в Одессе, и в Михайловском, и в Тригорском, и в Москве, и в

Петербурге, и в Болдине. Он состоит из 8 глав или книг. За девятую можно считать выделенное из романа самим Пушкиным «Странствие Онегина».

Была еще и X глава, где Онегин изображен в кругу декабристов. Так как напечатана она все равно быть не могла, а навлечь на поэта крупные неприятности и очень могла, – Пушкин в Болдине 19 октября 1830 г. сжег ее.

Все же несколько отрывков из нее Пушкин записал для себя тайнописью, которая в 1910 г. была расшифрована пушкиноведами^[72].

Самое крупное, самое любимое произведение Пушкина, «Евгений Онегин», представляет собой высшую точку в творчестве нашего поэта. Это исключительная по красоте и широте картина русской жизни, русской природы, России, недаром Пушкин называл свой роман поэмой.

Здесь изображено и столичное общество обеих столиц и провинциальный помещичий быт – салон и усадьба, изображены не только люди, с ежедневными привычками, и заботами, но и русская природа – Волга, Кавказ, Черное море, Крым, Нижний Новгород, Одесса, Москва, Петербург, русская осень, зима, весна. И на этом широком фоне – две жизни, Татьяна Ларина и Евгений Онегин.

Один уж этот фон показывает, что в своих героях Пушкин видел представителей русского общества, а не случайных лиц, редкие исключения. Но как из всей обширной России Пушкин изобразил только самое крупное – С.-Петер-

бург, Москву, Одессу, хотя есть и Валдай, и Торжок, и Тверь, и Астрахань, так и из общества русского Пушкин взял наиболее интересных, лучших его представителей, в то время как вокруг этих двух – Евгения и Татьяны – шумит и суетится целая толпа людей бесцветных, ограниченных, заурядных. Как в неорганической природе высшие породы – произведения все той же земли, так и Евгений с Татьяной – такие же детища черноземной русской массы. Отец Евгения, родители Татьяны, даже родная сестра – люди, совершенно ничего собой не представляющие и мало чем отличающиеся от тех, которые окружают обоих героев.

И КАК ЭТО ХАРАКТЕРНО, ЧТО МЫСЛЯЩИЙ МУЖЧИНА – ВЫШЕЛ ИЗ СТОЛИЦЫ, А ЧУВСТВУЮЩАЯ ЖЕНЩИНА – ИЗ УСАДЬБЫ!

Евгений

Общераспространен отрицательный взгляд на Е. Онегина как на человека, не осуществившего своей общественной ценности: дескать, незаурядная личность, а ничего не сделал полезного, убив лучший цвет жизни на любовь и нажив хандру и сплин, не оценил Татьяны, убил друга, оказавшись рабом общественного мнения...

Прежде всего, надо, как от пошлости, раз навсегда отказать от предъявления литературным героям обвинений, что они того-то и того-то не сделали, не принесли обществу

пользы, словно обвинители-то сами на их месте все сделали бы, а уж на своем-то месте, безусловно, делают все! Уместно лишь задать себе вопрос, как случилось, что, одаренные богаче других, эти люди все-таки не нашли приложения своим способностям и вместо удовлетворения и счастья, познали страдания.

В частности, странно от Онегина, человека 20-х годов, требовать, чтобы он нашел себе какое-то дело, когда еще люди 40-х годов, как Рудин^[73], получивший, не в пример Онегину, университетское заграничное образование и, как тот же Рудин, жаждавшие деятельности, так и не находили для себя применения, делали глупости, растрачивая себя.

Да что Рудин, когда сами гении – Пушкин, за ним Лермонтов и Гоголь, а за этими и многие другие, – разве они в России нашли в свое время место, достойное их, разве хоть им-то дано было полностью осуществить свою общественную ценность, и разве их жизнь и страдания – не вернейший довод праздности подобного рода оценки созданных ими образов?!

Самое страшное для человека и в человеке – пошлость, т. е. полное удовлетворение всем и, прежде всего, самим собой. Это – духовная смерть, это «мертвые души». Такова участь массы, массового человека.

И Пушкин в своем герое прямо отмечает его неудовлетворенность, это «роптанье вечное души», даже подчеркивая:

вечное – «в шуме и в тиши».⁴⁶

Эта внутренняя тревога заставляет Онегина всю жизнь метаться... Самое раннее ее проявление – участие Онегина, по-видимому, в «Отеческой войне»^[74] («по-видимому», так как это мое личное предположение, основанное на совершенно, впрочем, ясных стихах Пушкина – гл. 1, строфа 37:

Но разлюбил он, наконец,
И брань, и саблю, и свинец^[75].

Обычно под этими словами понимаются поединки Онегина. Но, ради Бога, какие же поединки штатского на саблях! Значит, приходится уже допустить, что Онегин служил на военной службе^[76]. Тогда понятна и дружба его с генералом, супругом Татьяны, и их воспоминания о «проказах и шутках прежних лет». О дуэлях «Кавказского пленника» Пушкин выразился совершенно точно:

Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.⁴⁷

⁴⁶ Цитата из IV главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Внимая в шуме и в тиши / Роптанье вечное души».

⁴⁷ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1820–1821).

Но Онегин разлюбил и *брань* и саблю и свинец: брань больше чем поединок, это война, а сабля и свинец – ее атрибуты: холодное и огнестрельное оружие. И опять, в «Странствии Онегина», встречаем меланхолическую его жалобу:

Зачем я пулей в грудь не ранен?⁴⁸

Если поставить логическое ударение на «я», тогда этот стих можно понимать так: зачем не я, а Ленский ранен пулей в грудь?

В противном случае, и здесь мы имеем какое-то упоминание об участии Онегина в военных действиях. По хронологии же романа это могла быть только «Отечественная война». (Очень любопытное место, до сих пор почему-то, однако, не останавливавшее на себе внимания комментаторов – В. П.).

Итак, Онегин разлюбил и брань, и саблю, и свинец. И понятно! Чтобы быть добрым воякой, надо как раз не размышлять, ну, как Максим Максимович^[77].

Онегин бросается в светскую жизнь и целых 8 лет проводит в ее плену, чтобы разочароваться, в свою очередь и в ней (что далеко не всем удавалось!). Думая успокоить эту свою внутреннюю тревогу, Онегин, довольно наивно, хочет «сделаться» сперва писателем, поэтом, а после неудачи, постиг-

⁴⁸ Цитата из «Отрывков из путешествия Онегина».

шей его здесь, – ученым, «себе присвоить ум чужой»⁴⁹, и с этой целью массу книг читает.

И совершенно не важно для оценки Онегина, почему из этих его попыток ничего не получилось, но зато для нее очень важно, что этот русский барин и аристократ хотел быть не генералом или директором департамента, но как раз тем, что тогдашнее барство, «аристократство» считало несовместимым со своим достоинством: писателем, ученым.

Этого не прощали даже гению – Пушкину (вспомним, как «свет» называл жену Пушкина – «Пушкиншей», «поэтшей»!), а Грибоедовский «князь Федор»^[78], племянник княгини Тугоуховской, за это же был приравнен к «аптекарям», «подмастерьям»!

Постигнув пустоту «света» и воспользовавшись случаем, Онегин переселяется в деревню. Онегин не сентименталист, и в деревне не видел сельской идиллии, но его внутренний фонд был настолько достаточен, что он живет в деревне отшельником целый год (с лета 1820 г. до 3 июня 1821 г.), жил бы и дольше, если бы не дуэль. Он и сам нигде не бывал и соседей отвадил от себя. Зато завел библиотеку (сыгравшую потом такую роль в развитии Татьяны) и сблизился только с Ленским.

Их беседы («споры») раскрывают интересы Онегина. Они спорили о «племен минувших договорах» (темы юридические; здесь, конечно, имеется в виду знаменитый трактат Ж.

⁴⁹ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (гл. I, строфа XLIV).

Ж. Руссо^[79]), о «плодах наук» (темы научные), о «добре и зле» (темы этические), о «тайнах гроба роковых» (темы философские), о «предрассудках вековых» (темы социологические), о «судьбе и жизни» (темы общественные). Ленский читал своему другу «отрывки северных поэм»^[80].

В этом освещении вполне логическим и понятным является отношение Онегина к своим крепостным. Увидев в деревне собственными глазами их жизнь, Онегин тотчас уничтожил барщину, ее оброком легким заменил, – и раб судьбу благословил.

Однако Онегинские недоброхоты даже и эту его гуманную и уж совершенно бескорыстную меру стараются обесценить, как проведенную, «чтоб только время проводить», полагая, очевидно, что от скуки и безделья людьми совершаются только акты альтруизма и человеколюбия. Не лучше ли было бы задать себе вопрос, почему все-таки этот скучающий и помещик предпочел, в прямой ущерб своей выгоде, «порядок новый» учредить. Но после характеристики умственных интересов Онегина в этом уже нет надобности, что выгодно отличает Онегина от ему подобных представителей современного общества, так это именно серьезность его ума, вкус, который он находил в чтении серьезной книги.

Но при всех своих достоинствах Онегин не свободен и от недостатков – и своего воспитания, и своей среды, и своего времени. Так, отметив верно и сразу Татьяну и забрав выбор Ленского, Онегин не оценил любви Татьяны. А счи-

тая себя и старше и опытнее Ленского, он все же устрасился «общественного мнения» (Зарецкий, как выразитель этого общественного мнения!) и дал состояться этой нелепой и дикой дуэли, не предприняв ничего для ликвидации конфликта, и выстрелил в своего друга – первый.

Эти ошибки оказались для Онегина роковыми, так как это именно те ходы, которые непоправимо изменяют курс всей дальнейшей жизни человека.

Страдания Онегина после убийства друга, угрызения совести, безбрежная меланхолия, доводившая его до зависти к больным и до жалоб на свою молодость и здоровье, примиряют нас с ним. Это не Якубович^[81] или Ф. Толстой^[82] (полагают, что в Зарецком изображен последний), которых не тревожит убитая жизнь, если только «человек был растянут не как-нибудь, но в строгих правилах искусства, по всем преданьям старины».⁵⁰

И мы, буквально, страдаем вместе с ним, когда встретившись с Татьяной вторично, он узнает теперь ей настоящую цену, но узнает и свою вечную потерю. И этот удар – тоже непоправим: Татьяны встречаются в жизни только раз, – после него Онегин уже не оправится, и его дальнейшее существование будет медленным и печальным угасанием незаурядной, симпатичной личности. Пушкин поэтому и не про-

⁵⁰ Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа XXVI): В дуэлях классик и педант, Любил методу он из чувства, И человека растянуть Он позволял не как-нибудь, Но в строгих правилах искусства, По всем преданьям старины.

должал своего романа: ведь и цветок до тех только пор красуется в вазе, пока он распускается и держится, – а началось увядание, и его выбрасывают.

Правда, Пушкин рассказывал своему брату, что Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов, но первый замысел не был им осуществлен, а второй, в современных условиях, и вовсе был неосуществим, о чем свидетельствует сожжение Пушкиным рукописи X главы.

В лице Онегина мы имеем первое в нашей литературе художественное, законченное изображение русского интеллигента, т. е. человека с мятущейся душой, с серьезным умом, с добрым сердцем, но беспощадного в столкновении с грубой действительностью.

Сам Пушкин считал, что «сноснее многих был Онегин». Еще бы! Ведь уж чего стоит в Онегине одно то, что он «вчуже чувство уважал»⁵¹, – добродетель редкостная в русском человеке!

«Медный Всадник»

В поэму, насчитывающую лишь немногим более 450 стихов, вложено Пушкиным содержание настолько глубокое, что даже самые различные толкования его не исчерпывают. Так, Белинский видел в «Медном Всаднике» (и с ним мож-

⁵¹ Цитата из «Евгения Онегина» (гл II, строфа XIV).

но вполне согласиться) столкновение личности и государства^[83]. Государь в державных интересах России воздвиг новую столицу у устья Невы (угроза шведам, окно в Европу, твердое положение у моря, морская гавань), но от этого выбора страдают частные интересы отдельных жителей новой столицы: обитатели Гавани и Островов ежегодно подвергаются угрозе наводнений. И Евгений и Параша с матерью – такие именно жертвы Петровой воли. Евгении поэтому, конечно, могут быть недовольны, их несчастья могут нас волновать, но Петр все-таки остается прав, ибо общее благо выше частного.

Однако равным же образом убедительно и толкование, предложенное Мережковским^[84]. Петр и Евгений – представители двух вечно борющихся в европейской цивилизации сил: христианства и язычества, отречения от своего «я» в Боге, ведомого смиренного чиновника, там – сверхчеловеческое видение героя. Какое дело ему до личной жизни этих незаметных единиц! Их судьба, их кости – путь к его славе, к его величию. – Но если чернь земли возмутится против своего бога? Ведь так восстало христианство на идеалы язычества и – победило. Так и для медного всадника бунт Евгения опаснее, чем стихийный мятеж Невы: там он стоит с простертой рукою в неколебимой вышине над возмущенною Невою, здесь он в гневе гонится за дерзким.

Все же наибольшее вероятно представляет третье истолкование «Медного Всадника» – политическое: восстание

против деспотизма и апофеоз самодержавия. Принадлежит оно Валерию Брюсову^[85] и основано, с одной стороны, на тщательнейшем изучении процесса Пушкинской работы над своей поэмой, с другой – на сопоставлении «Медного Всадника» с «Памятником Петра Великого» и другими, посвященными С.-Петербургу стихами польского поэта Адама Мицкевича^[86].

Первоначально герой «повести», Евгений, намечался Пушкиным как индивидуальное лицо – со своей родословной, со своей личной жизнью, со своим душевным обликом, с известным общественным положением. Он – стихотворец. Но в дальнейшем Пушкин стал устранять в тексте все слишком индивидуальные черты и примеры. Устранен стихотворец (им стал жилец, поселившийся в пустынном уголке) пропавшего Евгения. О родословной теперь только вскользь упомянуто: где-то служит, живет в Коломне. Вместо первоначальных: «Вошел в свой мирный кабинет», потом: «Вошел и отпер чердак», стало просто: «Домой пришел». Все характерное теперь стерто и даже фамилия: не личность – Изерский, Зорин, Рулин, а только номер такой-то – Евгений, ничем не отличающийся от другого человеческого номер, – словом, Евгению противопоставлен Петр Великий, но тоже не как индивидуальность, каким например он изображен в «Полтаве», а в образе бронзовой конной статуи, в римской тоге, не личность великого Преобразователя, а только воплощение идеи – Самодержавия. И вот, против этого Кумира,

Гиганта, Державца полумира восстали Нева и «рабы»: Нева – против гранитного плена, «рабы» – против деспотизма (не забудем, памятник Петру Великому стоит на площади, где, не прошло еще и 10 лет, выступили декабристы). Тварь, раб, подданный грозит державцу полумира, стиснув зубы и пальцы сжав: «Ужо тебе!..».

Но и этот мятеж, как раньше бунт Невы, самодержавие подавит (так верил Пушкин и – обманулся! Этим поэма приобретает совершенно особый интерес именно в наши дни, когда этот вековой спор, Евгениев и Медного Всадника закончился на наших глазах поражением последнего).

И еще убедительнее обнаруживается этот политический характер «Медного Всадника» из сличения его с Мицкевичевским «Памятником Петра Великого»^[87], где польский поэт вспоминает, как в дождливый вечер, укрывшись одним плащом и взявшись за руки, стояли двое молодых людей перед Петровой громадой. Один был странник, пришедший с запада, другой же – вещий певец Русского народа, славным своими песнями во всем полночном мире. Они знали друг друга недолго, но близко, и в несколько дней были уже друзьями. Их души, превыше земных преград, – словно два родственных альпийских утеса: хотя горный поток и разъединил их навеки, чуть слышат они рев своего врага, склоняя друг к другу поднебесные вершины. Странник стоял в раздумье, а русский певец тихо ему говорил. Он сравнивал этот памятник с другим памятником Марка Аврелия^[88] – в древнем Ри-

ме. Не так представлен там этот любимец народов, сперва прославивший свое имя изгнанием доносчиков и шпионов и укрощением домашних лиходеев. Вот, разгромив на берегах Пактола и Рейна полчища диких наездников, возвращается он в мирный Капитолий. Прекрасно, благородно и кротко его чело, и на нем светится дума о благе царства. Рука торжественно поднята, словно для благословения подданных, другою он умеряет пыл своего коня. Чувствуешь, сонмы людей толпятся на его пути с кликами: «Кесарь, отец наш вернулся!». И кесарь шагом едет среди теснящегося народа, желая всех одарить отческим взглядом. Его конь встряхивает гривой, жаром пышут глаза, но он знает, что несет желаннейшего гостя, несет отца миллионам детей, и сам подавляет пыл своей ретивости. Дети могут подойти вплотную, могут лицезреть отца. Конь ровным шагом по ровной ступает дороге, и чувствуешь, что он придет к бессмертию.

Царь Петр дал волю своему коню, и видно, что неся он, все попирая на своем пути. Одним скачком очутился он на самом обрыве утеса. Безумный конь уже занес копыта, – царь его не сдерживает, конь грызет удила... И чувствуешь, что он обрушится и разлетится в куски! Век уже висится он в прыжке, но не обрушивается, – словно с гранитов низвергающийся каскад, когда, скован морозом, он повиснет над бездной. Но чуть лишь блеснет солнце свободы, и западный ветер обвеет теплом это царство, что станет тогда с каскадом тиранства?!

Для данного вопроса не важно, мог ли Пушкин в 1828 г. желать, как это приписал ему Мицкевич, коню, делу, России Петра Великого – рухнуть и разлететься в куски (простая хронологическая справка отвергнет эту возможность: в 1828 г. написана «Полтава», в 1827 г. начат «Арап Петра Великого», в 1826 написаны «Стансы»), зато важно то, что перед памятником Петра Великого и по поводу него поэты беседовали о слепом деспотизме и мудром абсолютизме. Поэтому, когда задетый приписанным ему политическим мирозерцанием, Пушкин пожелал восстановить свой истинный взгляд на Россию и выбрал для этого тот же памятник Петру Великому, то, конечно, замысел его поэмы был политический: прославление Петровой монархии и вера в ее неколебимость и победу над всеми стихиями.

Пушкин, сам ссылаясь в своих примечаниях к «Медному Всаднику» на стихи Мицкевича, нигде, однако, их не опровергает, – и понятно, почему: сама его поэма и есть его исчерпывающий ответ и опровержение!

Мы должны быть благодарны Мицкевичу за его, пусть и неверные, стихи о нашем поэте, т. к. ответом на них явилось создание одного из величайших и совершеннейших произведений Русской литературы, – и за то еще, что, благодаря им, мы имеем возможность видеть природу гения – как перекликаются друг с другом «родственные альпийские утесы, разобщенные навеки горным потоком»^[89], и как откликаются они – не злобными словами, но величественными образа-

«Моцарт и Сальери»

Опять трагедия страсти, еще более, пожалуй, ужасной и стыдной, – зависти (пьеса первоначально так и была озаглавлена «Зависть»).

Но Пушкин и здесь сумел выделить тот момент этой страсти, когда она перестает быть презренной, когда и она озаряет трагическим заревом безысходно ею пораженного человека, – это когда испепеленный ее пламенем Сальери убивает Моцарта.

Сальери – не какое-нибудь ничтожество, которое и себе самому никогда не признается в своем позорном чувстве: как Печорин, он, хоть и с ужасом, но мужественно называет его: «А ныне – сам скажу – я ныне завистник! Я завидую; глубоко, мучительно завидую».⁵²

И зависть его тоже не мелкое чувство какой-нибудь посредственности – к великому: Сальери богат, славен, он талантлив (Моцарт называет его даже гением). И все же он завидует Моцарту. Он всего себя безраздельно посвятил Искусству; как подвижник – своему нравственному идеалу, так Сальери служил Музыке. Ведь был же он свободен от суетной гордыни и зависти, когда явился «великий Глюк», и Са-

⁵² Цитата из «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830) – первый монолог Сальери.

льери «безропотно» стал переучиваться.

Почему же Моцарт родил в нем не чистую радость об искусстве, а мучительную зависть?

Потому что Моцарт еще выше (Ты, Моцарт, – бог!), и потому что его музыка уже не искусство, а сверхискусство, которому нельзя научиться, сколько ни переучивайся, как не учением достиг его и сам Моцарт. Сальери упорно учился, Моцарт же – «безумец», «гуляка праздный», озаренный бессмертным гением (конечно, это не так, но полнота и законченность гениального произведения производит впечатление отсутствия труда над ним). Он своими херувимскими песнями (херувимскими, – значит для человека на земле невозможными) сыграет в искусстве роль наркотика: возмутит на время в чадах праха бескрылое желанье и после улетит, погрузив искусство в упадок, подобно тому, как наступает такая реакция для психики, когда прекращается опьяняющее действие наркотического яда.

Сальери, для которого жизнь и процветание искусства были смыслом всего его бытия, не только завидует Моцарту, но и ненавидит его (недаром, *invidia* по-латыни означает и зависть и ненависть – одновременно).

И вот эта его безмерная зависть, или, другим словом, – ревность: ревность к Моцарту и ревность об искусстве – заставляет его вспомнить о «заветном даре любви», 18 лет ждавшем применения, яде, которым Сальери отравит тело Моцарта и собственную душу.

И трудно сказать, кто в эту минуту более трагичен в наших глазах: уже отравленный, но ничего не подозревающий Моцарт, играющий свой Requiem или отравивший его Сальери, плачущий над ним его Реквиемом...

Предсмертные слова Моцарта: гений и злодейство – две вещи несовместные. Не правда ль? – отравляют и Сальери, вселяя сомнение в собственной гениальности, и он растерянно ищет противоядия в аналогиях: А Бонаротти? Или это сказка тупой, бессмысленной толпы, – и не был убийцею создатель Ватикана?

Этим вопросом кончается трагедия и чувствуется, что вопрос остается открытым. Не дано человеческой совести ответить на этот вопрос.

Итак, когда же и низменная страсть перестает быть пошлой? Ответ по Пушкину: когда она трагична. А трагична она тогда, когда создает себе высшую, недостижимую цель, перестав быть самоцелью.

Плюшкин и Соломон^[90] в собственной скупости видели свою цель, – и они пошлы, комичны. Барон из скупости создал мечту о верховной власти над всем миром; у Сальери из зависти родилась идея грозящей его искусству опасности, которую он призван предотвратить.

Оба они – жертвы, маньяки мечты или идеи, и в гибели от этой мечты или идеи – их трагизм. Но существование Плюшкина с Соломоном не озарено никакой мечтой, никакой идеей.

«Скупой рыцарь»

Первоначально трагедия была озаглавлена «Скупой» с подзаголовком «Сцены из Ченстоновой трагикомедии» (The covetous knight). После тщательных розысков и справок оказалось, что никакого Ченстона у англичан не существует и что это такая же со стороны Пушкина мистификация, как приписка «с английского» к стихотворению 1830 г. «Цыганы», или как название известного стихотворения 1836 г. «Не дорого ценю я громкие права...» именем итальянского поэта Пиндемонто.^[91]

Как и в других своих «маленьких трагедиях» Пушкин в «Скупом рыцаре» изображает чужеземную жизнь прошедших времен.

Но не оной лишь верностью и художественностью воссоздания чужой эпохи замечательно произведение Пушкина, но – гораздо больше – переоценкой скупости, как страсти. Спокон века видели в этой страсти низменный, достойный презрения и насмешки порок, а в скупом – комическую фигуру. Таковы классические скупцы Плавта^[92], Мольера^[93], потом Плюшкин и, еще совсем недавно у Кнута Гамсуна в «Игре жизни»^[94].

Сам Пушкин был чужд скупости (в этом отношении он – настоящий Альбер), но Пушкин знал по себе силу страстей, и какая в их силе грозит опасность душе человека.

Человек, охваченный их пламенем – персонаж не комедии, а трагедии. И Пушкин пишет трагедию скупости.

Мало того, что в его Бароне нет ничего смешного, Пушкин сохранил за ним – и с полным правом – его благородное звание «рыцаря»: вспомним, – первоначальное заглавие было просто «Скупой», но поэт им не удовлетворился и прибавил: «Рыцарь» – «Скупой Рыцарь».

В Плюшкине человек под действием разрушительной страсти сгнил, истлел, превратился в «прореху на человечестве». В бароне человек сгорает, как горит больной в жару. Кто же станет смеяться над таким заживо сгорающим? Барон остался рыцарем во всем, что не касается его страсти: он верный и преданный своему сюзерену вассал; он болезненно чуток к оскорблению чести, не прощая этого даже сыну.

И к предмету своей страсти – золоту – он относится вовсе не так, как думает о нем сын Альбер: «О, мой отец, не слуг и не друзей в них (деньгах) видит, а господ; и сам им служит... как алжирский раб, как пес цепной...»

В том-то и дело, что Барон – не раб, не сторож своего золота: он – поэт золота и маньяк власти! Он «копит злато» для мирового владычества: оно даст ему то, для чего сейчас у него нет сил и данных, – оно все ему покорит – воздвигнутся чертоги, сбегутся нимфы, музы дань принесут, поработится вольный гений, добродетель и труд смиренно будут ждать награды, окровавленное убийство послушно будет лизать руку властелина, заглядывая ему в глаза...

Мне все подвластно, я же – ничему. Ведь и Книгопродавец рекомендовал Поэту: «копите золото до конца» – для свободы.⁵³ Барон – поэт этой мировой силы и тех возможностей, какие она в себе заключает.

И с него «довольно сего сознания». Это только пошляк (т. е. абсолютная противоположность поэту) копит богатство, чтобы впоследствии наслаждаться всеми видами наслаждений, это Чичиков, сейчас обворовывающий казну, чтобы потом жить «нравственной» жизнью, сейчас ограничивающий свои потребности, чтобы зато потом носить голландские рубашки.

Для Барона сундуки, хранящие его золото, – «священные сосуды», а само оно – «елей царский», и он, его жрец, не совершит этого святотатства: он грязь этим елеем царским не напоит...

Чтобы резче оттенить эту поэзию, эту мистику золота, рядом с Бароном выведен другой скупой, но уже не рыцарь, не поэт, а сама гроза – ростовщик Соломон, для которого деньги – средство влачить свое ничтожное существование.

Соломон, наверно, не беднее Барона, и, следовательно, те же возможности могли бы открыться и ему, но разве у него есть данные для этого?!

Такой же, может быть, богач, как и Барон, он всю свою

⁵³ Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), где Книгопродавец дает Поэту следующий совет: Наш век – торгаш; в сей век железный Без денег и свободы нет. Что слава? – Яркая заплата На ветхом рубище певца. Нам нужно злата, злата, злата:

жалкую жизнь будет трястись над золотом. Вот к кому с полным правом применимы злые слова Альбера об отце: он «не слуг и не друзей в них видит, а господ и сам им служит... как алжирский раб, как пес цепной...».

Соломон трагической фигурой не станет никогда, даже если его когда-нибудь и «вздернут», как этого едва было не сделал с ним горячий Альбер.

Рядом с этими двумя жертвами скупости сияет, как белоснежный экран для обоих, Альбер, рыцарь без страха и упрека, «рыцарь» в безоговорочном смысле этого слова, над чьей светлой душой совершенно бессильны темные чары золотого кумира.

Белинский считал трагедию Пушкина «вполне достойной гения самого Шекспира»^[95].

В. В. Энгельфельд

Пушкин и русские классики в советской России

Еще совсем недавно в обычае советской критики было писать о русских классиках, как об идеологах крепостнически-помещичьего строя. Рожденные дворянской средой Пушкин, Лермонтов, Тургенев и прочие корифеи русской поэзии и прозы признавались недостойными просвещать мозг рвущегося к мировой революции советского пролетариата. Вместо классиков ему предлагалась «своя», пролетарская литература. Понадобилось без малого два десятка лет, чтобы большевики уяснили себе значение Пушкина и других наших классиков. Далеким от политического и социального радикализма XIX век дал России Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Крылова, Некрасова, Островского, Тургенева, Толстого и Достоевского. По своему рождению и воспитанию они принадлежали к русскому дворянско-помещичьему классу. Писатели из «разночинцев», так сказать, включались в эту среду, создавшую основной базис русской интеллигенции. Эта именно интеллигенция и вынесла на своих плечах ответственную миссию создания русской культуры, достиже-

ния которой доселе пленяют весь цивилизованный мир.

Для формации этой культуры оказались ненужными ни демократия, ни тем более советовластие. Требовалась всего только известная грань духовной свободы, которую власть соглашалась не переходить. Навязывание поэзии специфичного миросозерцания, а тем более внедрение классовой розни и ненависти, не входило в программу тогдашней правительственной политики.

В произведениях Пушкина: в его «Полтаве», «Медном всаднике», «Клеветникам России», в его чудесной прозе и изумительных по силе драматических пьесах звучит подлинный, исходящий от самого сердца поэта голос русского патриота. Это не мешало Пушкину грешить свободолобием и когда это свободолобие особенно резко противоречило правительственным веяниям, у Пушкина находился свой цензор. Император Николай I знал своих подданных, сумел он понять и нашего величайшего поэта. В либеральном русском барине он разглядел не просто гения, а гения, способного и готового отдать свое блестящее перо для служения русским национальным интересам.

«Свирепая» и «жестокая» царская власть не казнила русских поэтов и писателей за оппозицию и экстремизм. Надо было, как Рылееву^[96], принять активное и открытое участие в бунте, чтобы поплатиться за это жизнью. Именно в суровую николаевскую эпоху русская литература не только живет, но и дает стране ряд выдающихся своих представителей.

Наша отечественная поэзия и проза никогда не была классово-вой, ибо никогда не служила интересам своего класса.

Крепостнически-помещичья русская литература приняла на свои плечи тяжелое бремя служения общечеловеческим идеалам. Вот почему Пушкину и всей плеяде наших классиков легко было найти дорогу к сердцу международного читателя. Этим читателем и читателем усердным и внимательным, в конце концов, стала и советская публика.

Несмотря на идеологическую враждебность убогой большевистской критики, она сама нашла дорогу к полкам, где хранились произведения Пушкина, Лермонтова и других русских классиков, и власти осталось лишь зафиксировать это в очередной диктовке.

Нудная советская литература с ее антихудожественными «производственными» романами^[97] и отнюдь не поэтической поэзией не может удовлетворять даже скромного и непретенциозного советского читателя. Написанные вульгарным и суконным языком творения Демьяна Бедного^[98], Гладкова^[99], Шагинян^[100] и «самого» Максима Горького (чего стоит один его «Клим Самгин»)^[101], если и отражают, то лишь ту неприглядную советскую действительность, которую и без них на каждом шагу встречает советский обыватель. Искусственная завязка и развязка, сухие схемы вместо подлинных жизненных драм и людских переживаний, лживый энтузиазм и «безграничная» любовь к вождям, – вот что глядит на нас со страниц советских беллетристов: поэтов и

драматургов.

Читая их книги, невольно хочешь задать вопрос: есть ли в стране советов люди живые, чувствующие и волнующиеся, так, как чувствуют и волнуются люди других племен и народов? В первую очередь этот упрек, если его можно назвать таковым, следует направить в адрес тамошней писательской братии. Как дошли они до жизни такой? Как угасили в себе дух свят, и вместо продолжения традиции Пушкина и Лермонтова, Тургенева, Толстого и Достоевского сделались носителями классовой ненависти и непримиримости, антихудожественными воспеваниями марксизма, ленинизма, колхозов, пятилеток, стахановщины^[102] и прочей советской абракадабры.

Шатающиеся между генеральной линией и действительными и воображаемыми уклонами писатели и поэты СССР стали подлинными рабами советской власти, робкими, верными, но отнюдь не честными. Своей литературной безвкусицей они сами вырыли себе яму в глазах читателя.

Не только нам, но и советскому трудящемуся скучно читать произведения этих поработанных властью людей. Он не находит в них ничего, отвлекающего его от тоскливой, будничной жизни, каждодневного унижения партийной догмой и очередными лозунгами, ничего умственно возвышающего читателя и вдохновляющего его духовные силы. Но и он нуждается в здоровой умственной пище. Вот почему советская власть вынуждена переиздавать миллионами томов

прежних классиков и в первую очередь того же великого почитаемого нами Пушкина.

В наш гнусный век, когда на родине великого поэта разные Зиновьевы^[103], Каменевы^[104], Радеки^[105] и Бухарины^[106] то подкапываются под «вождя народов», то ползают в его ногах, чтобы опять затеять очередной «заговор», опять каяться, и унижаться и уверять в своей безмерной любви к «великому и гениальному», есть что найти советскому читателю у Пушкина, чем забыться от окружающей его омерзительной подлости и пошлости. Из тины и грязи всей этой действительности возвышает советского читателя чтение бессмертных произведений великого русского поэта. Есть что почерпнуть у него и той нашей эмигрантской молодежи, для части которой иностранные писатели стали роднее, нежели наша собственная навеки славная отечественная литература.

Наши русские поэты и писатели никогда не грешили избытком классового чувства. Так уж повелось у нас в России, что они думали более об оскорбленных и униженных. И в то время, как на Западе каждый класс нажил себе своих литературных идеологов, наш помещичий и буржуазный класс в лице своих же изобразителей нажил и своих наиболее жестких критиков.

Служив отлично, благородно
Долгами жил его отец,

Давал три бала ежегодно
И промотался наконец⁵⁴.

Таков отец Онегина. А он сам? А Ленский с его «геттингенской душой»? А картины помещичьей жизни и типы помещиков у Гоголя, купеческий быт у Островского, чиновничий у Салтыкова-Щедрина, крепостной у Тургенева? Мы не создали у себя на родине ни прусского юнкера, ни французского буржуа, ни английского ленд-лорда, стойких и жестких борцов за сословно-классовые интересы.

Наша помещичье-крепостническая литература отдала свое перо народу. Наш величайший национальный поэт А. С. Пушкин воздвиг себе нерукотворный памятник в глазах русского народа не только своим изумительно красивым стихом и блестящей прозой, но именно тем, что всем своим честным пером, своим сердцем, своей душой он принадлежал и принадлежит доселе русскому народу, русской земле. Как жалок перед ним великий писатель советской земли, ее «герой» Максим Горький. Но Пушкин по своему таланту даже больше, чем русский поэт. Его поэтические образы, его незабываемые строки составляют собственность всего образованного мира. И недаром Пушкина по глубине его литературного замысла, по высоте философско-поэтического дарования сравнивают с Гете^[107].

⁵⁴ Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. I, строфа III).

Какая величайшая жизненная драма изображена им в «Борисе Годунове», в «Цыганах», в «Капитанской дочке», в «Полтаве» и др. произведениях. Как художественно сочетается у него идея общечеловеческого и индивидуального долга с личными переживаниями его героев. Пересматривая бессмертные страницы творений Пушкина, и через 100 лет ощущаешь живых, существующих, реальных людей.

Своим гениальным поэтическим даром Пушкин сроднил читателя с переживаниями своих знаменитых персонажей. Кому не мила была Татьяна? Кто не переживал судьбу Онегина? Кто не поймет драму старого цыгана, в жизнь которого так жестоко вошло зло из постороннего мира?^[108] Кто из нас не гордится Петром в «Полтаве» и не любит его в «Медном всаднике», кто не счастлив за Россию, имевшую такого царя, как Петр, который везде был в первых рядах, для которого жизнь была не дорога, лишь бы жила Россия. А верность своему государю и своей родине, запечатленная смертью Искры и Кочубея^[109], а скромный царский служака Миронов^[110], так беззаветно творящий свой долг.

Вернемся опять к СССР. Некоторые иностранные писатели полагают, что советская власть понемногу переходит к нормальным формам бытия.

Приводят в пример школьные декреты, борьбу с левым уклоном в драматургии и прозе, переиздание русских классиков, интерес к русскому искусству и живописи, единоличную собственность в колхозах и проч.

Забывают только одно. И под татарским игом русский народ оставался тем же русским народом. Он как-то жил, творил и по мере сил боролся. Остался самим собою русский народ и при советской власти. И если из советской школы выходят беспросветные неучи, а от советских газет и беллетристики читатель отвращается с тоской на сердце, то это в сущности и есть настоящий протест против советского режима, именно протест самого естества, самой природы человека, задушить который не в состоянии никакие ГПУ⁵⁵. Итак, дорогу Пушкину, дорогу просветленной подлинным гением русской поэзии! Ибо это поэзия не теперешних социалистических рабов, а поэзия истинных сынов свободной и великой России, которая только и смогла дать миру таких величайших художников мысли, как Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский.

⁵⁵ ГПУ – государственное политическое управление при НКВД.

В. И. Кряжев

Пушкин в музыке

Поэтическая муза Пушкина, – по многогранности своего выражения и звуковой, и художественной насыщенности, – уже с ранних «лицейских» дней поэта определила его великую значительность в музыке. Кроме Гете, трудно назвать другого мирового поэта, который в такой полной мере, в такой гармонической силе был бы пленительно музыкален; ритм и певучесть стиха которого с такой глубиной и выразительностью сливались бы с ритмом музыкальным, с мелодией песни – как у Пушкина.

Всегда законченный и волнующий размер пушкинского стиха, чувственная облеченность его образов, биение живого, захватывающего ритма, – все эти элементы разрешили в высоком смысле проблему музыки применительно к поэзии.

Благодаря Пушкину русская культура сумела уже давно заявить о своей власти и содержательности всему миру на столетие вперед.

В письме к С. И. Танееву П. И. Чайковский по поводу первой постановки «Евгения Онегина» на сцене писал:

«Очень может быть, что вы и правы, говоря, что моя опера не сценична. Но я вам на это отвечу, что мне на сценич-

ность плевать... Я написал эту оперу, потому что в один прекрасный день мне с невыразимой силой захотелось положить на музыку все, что в «Онегине» просится на музыку. Я это сделал, как мог. Я работал с неописанным наслаждением и увлечением и мало заботился о том, есть ли движение, эффекты и т. д.»^[111]

Эти слова одного из величайших национальных русских композиторов объясняют, почему такое огромное количество произведений Пушкина оказалось переложенным на музыку. «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Моцарт и Сальери», «Цыгане», «Каменный гость», «Полтава», «Русалка», «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Борис Годунов»... Все они искали, требовали мелодического выражения.

Но если стих поэта доходил до сердца даже близкого ему по времени и месту русского поколения, то нельзя того же сказать о звуковом музыкальном переложении пушкинских произведений... Здесь требовалась культурная обработка, воспитание общества, воспитание целых воззрений и толкований на искусство, но от того творческая сила гения стала еще глубже.

Первое представление оперы «Евгений Онегин» в Московской консерватории 17 марта 1879 года прошло со средним успехом. Бытовые и художественные качества самого произведения, «собирательное» значение действующих персонажей, аромат отвлеченных красот, – все это в значитель-

ной мере ускользало от зрителей. Публика даже возмущалась: как это на сцене варить варенье и заниматься «письменными влюбленностями»^[112].

Но чем дальше развивалась история государства и общества, тем ярче и захватывающе становилось значение «Евгения Онегина». Накануне Великой Войны эта опера не сходила со сцены Императорского и всех провинциальных театров. Она создала таких Онегиных, как Тартаков^[113], Каракаш^[114], Камионский^[115], таких Ленских, как Собинов^[116], Смирнов^[117], Фигнер^[118], Севастьянов^[119], Карензин...^[120] На них училась музыкальная молодость обеих русских столиц, прекрасные арии входили в обиход, словно мелодии самых близких песен.

«Пиковая дама» – другое пушкинское произведение, переложенное на музыку тем же Чайковским.

За 45 лет эта опера прошла на всех русских сценах тысячи раз, собирая всегда полные залы публики и знакомя с индивидуальными и выразительными чертами восемнадцатого века у нас одно поколение за другим.

Однако первая постановка «Пиковой дамы» на сцене Мариинского театра 7 декабря 1890 года прошла довольно безотрадно. Рецензенты того времени не сумели заглянуть вперед, не смогли дать и объективного музыкального анализа^[121].

Потребовалось время, воспитание определенного вкуса, усвоение темы и прелести стиха и мелодии, чтобы должная

оценка проникла в широкие круги общества.

Эта великая воспитательная дедукция пушкинского гения еще разительнее сказала в «Борисе Годунове» Мусоргского^[122].

Когда Шаляпин^[123] впервые в 900-х годах выступил в роли Царя Бориса, то уж и критика была достаточно искушенной, и вкус столичных русских меломанов был вполне рафинирован... И тем не менее в похвальные отзывы и естественную восторженность сплошь и рядом вставлялись замечания о «несценичности» «Бориса Годунова», о «драматизме», а не о «мелодичности» его трактовки и т. д.

Но гений порождает ту творческую волю, которая созидает мир... Ф. Шаляпин явился гениальным толкователем поэта и могучего композитора. И соединение их трех сделало из «Бориса Годунова» одно из самых пленительных сценических произведений всей нашей эпохи и еще раз, во славе и побеждающем величественном свете, вынесло часть русской исторической культуры на все цивилизованные участки мира, повлияв на вкусы, определив новые школы и течения.

И в «Евгении Онегине», и в «Пиковой даме», и в «Борисе Годунове» проникновенно изображен русский человек во всех званиях и состояниях, изображена русская природа, ее стихийность, противоречия русской души, смиренная покорность, мечтательность и буйная мятежность, чувство религиозного мирозерцания и сказочная эпоха старины.

Общечеловеческие страсти, выраженные в творениях по-

эта, нашли свое блестящее толкование в музыкальных композициях, как «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» Даргомыжского^[124], «Мазепа» Чайковского^[125].

Былинный и сказочный эпос древней Руси запечатлены в «Руслане и Людмиле» Глинки^[126], и в «Сказке о царе Салтане», а народный фольклор прекрасно дан в «Русалке» Даргомыжского.

К книге «Пушкин и музыка» Серапин пишет:

«Простой, легкий и в то же время полный внушений язык Пушкина исходит из этой только ему в такой степени свойственной двойной связи его поэзии с самой подлинной жизнью и с ее отдаленнейшими планами вдохновенного мышления, как постижения»^[127]...

Пушкин не был меломаном, но он сам любил и понимал музыку; он в звуках, а не в именах воспринимал Глюка^[128], Гайдна^[129], Сальери^[130], Моцарта^[131], Пуччини^[132], любил песню русскую, цыганскую (стоит вспомнить его вечера у цыганки Тани)^[133].

«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь – мелодия» – читаем мы в «Каменном госте».

Его трогало русское отношение к музыке: «От ямщика до первого поэта мы все поем уныло»⁵⁶. Или: «Пой Ямщик! Я молча, жадно / Буду слушать голос твой. / Месяц бледный светит хладно, / Грустен ветра дальний вой...»⁵⁷.

⁵⁶ Цитата из «Домика в Коломне» (1830) А. С. Пушкина.

⁵⁷ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «В поле чистом серебрит-

Почти все лучшие стихотворения Пушкина переложены на музыку: «Я помню чудное мгновенье», «Мой голос для тебя, и ласковый, и томный», «Слыхали ль вы за рощей глас ночной», «Черная шаль», «Талисман», «Я здесь, Инезилья»^[134] и др.

Есть ряд чудесных музыкальных декламационных транскрипций, многое взято для простых лирических детских песен.

Русской широкой, полнозвучной песне, непере译имой по внутреннему содержанию, гуляющей в эти лихие безответные годы по всему свету – Пушкин придал внешнюю изобразительную красочность и мелодическую полноценность.

Он как бы предвидел возможную национальную печаль, своеобразный надрыв: «Литва ли, что Русь ли, что гудок, что гусли, – все нам равно!»⁵⁸ – поет в Корчме на литовской границе старец Варлаам. Или этот парафраз ничего не ценящего, полного случайностей и измен нынешнего времени в устах Германа: «Что наша жизнь? – игра! Добро и зло – одни мечты...»⁵⁹

И, наконец, символическое признание Царя Бориса, горькой истиной звучащее для жестокого российского лихолетья:

ся...» (1833).

⁵⁸ Цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

⁵⁹ Цитата из повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833).

Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать –
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.

Ритм пушкинского стиха обогатил музыку, приблизил величайшие образы нашего национального творчества к жизни и, что самое важное, ценнейшие и сокровенные свойства нашей отечественной культуры через музыку сделал достоянием и гордостью многих стран и многих народов.

Г. Г. Сатовский-Ржевский

Письма Н. Н. Пушкиной

Со дня смерти бессмертного Пушкина истекло уже 93 года. Казалось бы, срок достаточный для того, чтобы превратить живого человека в историческую фигуру. Однако кропотливые «пушкинисты» и сейчас еще дебатировать по вопросам, связанным с личностью поэта, как человека и гражданина, в частности, – высказывают не вполне согласные мнения о том, в каких границах допустимо опубликование переписки Пушкина, т. е. писем его и его корреспондентов, в особенности его жены.

Знакомясь с наиболее полными изданиями произведений поэта, сопровождавшимися, обыкновенно, его биографией и корреспонденцией, читатели, вероятно, обратили внимание на досадный пробел в последней: полное отсутствие писем Наталии Николаевны Пушкиной к мужу.

Пожалуй, можно было бы подумать, что Пушкин, подобно многим смертным, попросту уничтожил письма жены по их прочтении из осторожности пред возможною нескромностью посторонних людей, а, может быть, и представителей власти, как известно, имевшей «наблюдение» даже за интимной жизнью поэта.

Однако многие фактические данные опровергают его допущение. Не останавливаясь на подробностях, напомним только, что последний частный характер этих документов, сын поэта, А. А. Пушкин^[135], принося их в дар Румянцевскому музею^[136] в начале восьмидесятых годов прошлого века, именовал их не «письмами», а именно «перепискою» своего отца, которая перешла к нему от сестры, М. А. Пушкиной^[137], впоследствии супруги принца Нассауского^[138].

Даритель обязал музей не предавать эти переписки публикации ранее смерти последнего члена семьи, своей сестры Елизаветы^[139], дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака с Ланским.

К счастью русских читателей, эта щепетильная предосторожность являлась запоздалою, т. к. большая часть писем Пушкина была опубликована Тургеневым еще в 1878 году, когда они хранились у дочери поэта^[140].

Но какова же судьба писем его жены? В точности это никому не известно, как неизвестно и то, находится ли еще в живых младшая дочь Наталии Николаевны, Елизавета Ланская.

Во всяком случае, интимная жизнь величайшего русского поэта ныне освещена в таких подробностях, что едва ли опубликование писем к нему жены могло бы почитаться ныне неуместною нескромностью.

Откровенно говоря, зная по литературе и изустным преданиям характер Наталии Николаевны, трудно ожидать от

ее писем, – несомненно, на французском языке, чем всегда обуславливается некоторая шаблонность этого рода документов, – каких-либо новых откровений о личности поэта или даже о характере существовавших между супругами отношений.

Но все же «жена Пушкина» – это титул, который дает русскому обществу право на любознательность относительно нее, быть может, и повышенную: самый дорогой Пушкину человек, если бы и не представлял самодовлеющего значения, получает его, как планета, светящая отраженным светом.

Это хорошо понимала, по-видимому, Софья Андреевна Толстая^[141], имевшая мужество предать гласности всю свою переписку с великим мужем своим, за что русские люди могут быть только искренно ей признательными.

Будем же ожидать, что и великий пробел в области пушкиноведения восполнится в ближайшее же время, независимо от того, жива или нет г-жа Елизавета Ланская.

Два слова о Великом

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня вся сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык⁶⁰.*

Исполнилось ли это пророчество Пушкина о самом себе?

Надо иметь мужество ответить на этот вопрос категорически:

– Нет!

Тяжелые условия русской жизни выражались, между прочим, и в роковой необходимости бороться с отрицательными сторонами огромной протяженности государства, ставившей препятствия даже распространению в народе грамотности.

Где же тут было думать о популяризации Пушкина среди народных масс, да еще инородческих!

Зато среди грамотной России имя Пушкина пользуется популярностью, какой могли бы позавидовать писатели с мировыми именами каждый у себя дома.

Имя Пушкина давно уже стало почти нарицательным. Что

⁶⁰ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836)

касается детей раннего возраста, то это положительно так, да и нам как-то прямо неловко величать его Александром Сергеевичем, и «даже величайшим русским поэтом»^[142].

Это потому, что не «величайший» он, а поэт вне сравнений, единственный.

И нет на Руси поэта, – истинного поэта, разумеется, – в котором не было бы хоть микроскопической дозы чего-то «от Пушкина».

Во дни величайшего апофеоза Виктора Гюго^[143], во Франции циркулировал анекдот.

Иностранец обращается к приятелю-парижанину с ироническим замечанием:

– Не мало ли, мол, для вашего Гюго только памятника? Не следовало ли бы переименовать в его честь Францию – в Гюгонию?

Ни на минуту не задумываясь и не моргнув глазом, парижанин отвечает:

– О, Са виендра, мосье! – да так оно и будет, мол!^[144]

Мы не так экспансивны, как этот анекдотический парижанин.

Но не обратили ли вы внимание, что большевики, выбросив из лексикона имя России, не осмелились посягнуть на имя Пушкина.

Вот оно, конкретное подтверждение истины:

– Чем ночь темнее, тем ярче звезды⁶¹!

Коммунистические пошляки ограбили Петра Великого в пользу полоумного Ленина.

В России нет Петербурга, нет Петрограда, есть, извольте ли видеть, Ленинград.

Экая честь, подумаешь, городу носить имя человека, тронутого прогрессивным параличом!

Но доколе в русской литературе будет существовать «Медный Всадник», «Полтава», т. е. Пушкин, тени Петра Великого скорбеть не о чем:

В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе⁶².

Памятник этот – Великая Россия. Петербургская Россия, и почетным стражем его пребывает Пушкин.

Мыслящая Россия, грамотная, в широком смысле слова, Россия находится ныне в рассеянии по всему широкому лицу Матери-Земли.

Рассеялась и разнесла с собою по всему миру свою куль-

⁶¹ Цитата из стихотворения А. Майкова «Не говори, что нет спасенья...» (1878).

⁶² Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828).

турную Библию, творения Пушкина.

И вот примечательный пример того, как «дух создает материю»: любовь русского человека к Пушкину овеществляется в бронзе и мраморе.

Скоро народы земли узрят бронзового и мраморного Пушкина в «Городе-Светоче», Париже^[145], и... в «Вавилоне новых дней», Шанхае^[146].

Пушкин – сверхчеловек

Пушкин. Пушкин!

Какой дивный сон видал я в своей жизни!..^[147]

Н. В. Гоголь

Такое восклицание вырвалось из-под пера Гоголя при известии о смерти Пушкина, и, – странное дело! – автор «Мертвых душ» не одинок в своем впечатлении от встречи с родоначальником истинно русской поэзии, как от видения иного, нездешнего мира.

Уж на что прозаическим человеком был современник и близкий приятель Пушкина Павел Воинович Нащокин^[148], страстный игрок, гурман, грубоватый «дамский угодник», – «прожигатель жизни», одним словом.

Но вот, в деловом письме к Пушкину, отдавая отчет в выполненном денежном поручении своего корреспондента и отклоняя его извинения в причиненном беспокойстве, этот самый Нащокин, соривший деньгами и всегда в них нуждавшийся, роняет такую фразу: «Мало ли что было трудно, так ведь и дружба с Пушкиным – «не безделица»!^[149]

Как видите, и это человек, – совершенно не владевший, к слову сказать, русской орфографией и едва ли способный

ценить по достоинству поэзию своего друга – выделял Пушкина из необъятного сонма своих клубных и светских друзей.

«Дружба с Пушкиным – не безделица!»

Если бы такие слова мы слышали из уст князя Вяземского^[150], или Жуковского^[151], – это было бы понятно. Но... Павел Воинович! Такая оценка своего друга объясняется, уж конечно, не личными качествами Нащокина, а присущим Пушкину свойством вызывать в своих близких «интуицию» своей исключительности, которой поддавалась даже такая суровая и богатая натура, как император Николая Павлович^[152], а также генерал Милорадович^[153], или Бенкендорф^[154].

«Флюиды гения» – это еще неразгаданная человеком тайна.

Вспомним Пушкина в кишиневской и одесской ссылке. По возрасту он был почти мальчиком. У правительства – в немилости. По образу жизни – самый ветреный «повеса».

Однако старый боевой генерал Инзов^[155] питал к нему чисто отеческие чувства и, сажая его под домашний арест за «шалости», заслуживавшие гораздо более суровой кары, присылал ему французские журналы своих дочерей.

А одесский граф Воронцов^[156] боролся с ним, как с ровней, и... щадил его сколько был в силах, пока не взмолился, наконец, перед Петербургом об освобождении его от такого «чиновника».

Император Александр Павлович^[157] – имевший достаточно оснований не жаловать Пушкина за его более чем колкие, эпиграммы, – и здесь не обрушил на него своего карающего меча: из Одессы Пушкина перевели на житье в псковское имение матери, Михайловское, где он и создал лучшие свои вещи.

В эту новую свою «ссылку» поэт явится под тяжестью обвинения, между прочим, и в том, что он «афей»^[158], т. е. атеист, почему и был вверен надзору игумена близлежащего Святогорского монастыря^[159].

Чем же мог Пушкин «очаровать» этого сурового монаха-простоца?

Об «атеизме» Пушкина, – обвинение в коем основано на нескольких строках его же письма, – говорить не будем, но нельзя же не заметить, что молодые годы его были периодом особенно усердного проявления во внерелигиозных настроениях.

И тем не менее этот иеромонах, который выполнял свои наблюдательные функции с крайней деликатностью, не надоедал поэту своими посещениями, слал о нем самые лестные отзывы своему духовному начальству^[160].

По словам очевидцев, он высоко ценил поэтические дарования Пушкина и дорожил беседами с ним, отнюдь не выступая в учительной роли.

Обратили ли вы внимание, что все близкие друзья поэта, – разумеется, кроме его лицейских товарищей, – были значи-

тельно старше его по возрасту?

Жуковский, Плетнев^[161], Крылов^[162], даже князь Вяземский, как и многие другие, – все были уже взрослыми людьми, когда Пушкин еще «в садах Лицея безмятежно расцветал». ⁶³

А как ценили они его дружбу, его общество, его мнения, его приговоры не только по литературным, но и по общественным, и по политическим вопросам!

Конечно, Пушкин был одарен огромным умом, который бросается в глаза даже людям, отделенным от него целым столетием времени.

Недаром же после первого свидания с поэтом император Николай заявил, что «сегодня ему удалось говорить с умнейшим в России человеком».

Но мало ли умных людей проходят в жизни совершенно незамеченными?

А все знавшие поэта даже по мимолетным встречам отзывались о нем, как об исключительно Божьем избраннике, как о человеке какого-то «высшего посвящения», как о «дважды рожденном», – по терминологии мистиков западной традиции.

Как к существу «высшего порядка» относились к Пушкину и женщины, – и не только молодые, которых он заражал своей страстностью, – но и почтенного возраста, как, напри-

⁶³ У А. С. Пушкина в романе «Евгений Онегин» (гл. VIII): «В те дни, когда в садах Лицея / Я безмятежно расцветал...»

мер, Загряжская^[163], Карамзина^[164], Элиза Хитрово^[165].

И не чувствует ли каждый из нас, лишь коснется речь Пушкина, что в нем мы имеем не только величайшего национального поэта, – поэтов, и немалых, на Руси изрядное множество! – но и некую духовную величину особого, «сверхчеловеческого» порядка, имя которой «национальный гений», – единственный и ни с кем несравнимый!

Я был всегда глубоко убежден, что на земле живет два рода людей.

Одни составляют многомиллионный человеческий океан, единицы которого разнствуют друг от друга умственными способностями, даже талантами, но все же являются существами одного и того же порядка, с одинаковыми гносеологическими способностями, воспринимающими мир при посредстве пяти внешних чувств и мыслящими его не иначе, как во времени и трехмерном пространстве.

А в эту общечеловеческую массу вкраплены, как алмазы в толщу каменноугольного пласта, редкие единицы, рожденные, как и первые, от обыкновенных женщин и мужчин, но претерпевшие, в дальнейшем, новое духовное рождение, в виде обретения в себе способностей сверхчувственного восприятия.

Так как эти «дважды рожденные», эти гении, эти воистину «сверхчеловеки»^[166] появляются в самой различной общественной среде, то и судьба их в нашем мире бывает весьма различной.

Вероятно, некоторое число их проходят в жизни никем не замеченными; другие рано замыкаются в исключительно созерцательную жизнь, достигая порой «великих вершин святости», предполагающей в людях, в конечном счете, расширенное ведение мира и Бога.

Иногда они получают способность творить то, что мы называем чудесами, – исцелять больных, предвидеть будущее и т. п.

Но бывают и примеры, когда такие «сверхлюди» не порывают с миром ординарных людей, разделяют даже с ними общие интересы, страсти, увлечения и, – о, ужас! – заблуждения, но в то же время неизмеримо глубже нас проникают в сущность бытия и мироздания и обладают способностью посвящать и нас немногими словами в тайны «касания мирам иным»^[167].

Пушкин принадлежал к числу именно таких людей, о чем можно найти множество «документальных» доказательств в его творчестве.

Сам он посвятил нас в тайны своего «второго рождения», – наступившего для него в момент пробуждения поэтического дара, – и внутреннего процесса художественного творчества.

Не буду затруднять длинными цитатами. Напомню лишь начала этих поэтических откровений:

Первое:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...

Второе:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...⁶⁴

А доказательство истины этих стихов, – вообще изумительно правдивых, – разве не видим мы в факте, что Пушкин времен кишиневских скандалов, да и ссоры с Дантесом – Геккерном^[168], и автор «Пророка» один и тот же человек.

Полно! – действительно ли Пушкин только «человек»?

По плоти, – разумеется, да! Но, – по духу?

Когда Том Мур^[169] сжег дневник Байрона^[170], Пушкин выступил в защиту этого вандализма.

«Светской черни мало было видеть Байрона в единоборстве с общественным мнением чуть не всего мира, мало наблюдать его среди пожарищ воскресающей Греции: ей подавай Байрона... на стуле! – писал Пушкин одному из друзей.

Ординарным людям приятно думать, что величайший поэт своего времени и ест, и пьет, и спит также, как они, и, ко-

⁶⁴ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

нечно, они с радостью ухватились бы за его дневник.

Так врете же, он и ел, и пил, и спал, да не так, как вы»!^[171]⁶⁵

Да, и Пушкин был человеком, и притом, – грешным человеком.

Но в то же время он был и гением, а потому и грешил-то не так, как ординарные люди, и грехов его не надо ни скрывать, ни соблазняться ими.

Во всяком случае, он обладал вполне свойствами, которые древние эллины приписывали своим богам: совершенным чувством меры и вечной юностью, – несмотря на раннюю зрелость.

Со дня его смерти прошло сто лет. Сто лет это три человеческих поколения.

А раскройте книгу его творений, и на вас пахнет свежестью прекрасного раннего утра.

Много ли писателей на Руси, которые не устарели, или не устареют, через сотню лет после кончины?

А вместе с тем, чьи же произведения лучше отражают эпоху своего автора, чем пушкинские?

И как ни подыскивая похвальных эпитетов творчеству этого национального нашего гения, какими восторгами ни отвечай на зов его музыки, – все не придумаешь ничего лучше одного надгробия времен итальянского Возрождения:

⁶⁵ Все цитаты делаю по памяти. Гр. С. Р. (примечание автора).

*Танто номини нуль пар элогиум^[172]
(Такому имени нет равной похвалы!)*

Пушкин – наше знамя^[173]

Сегодня исполняется сто лет со дня трагической гибели нашего величайшего национального поэта – А. С. Пушкина.

Русские люди, как живущие в СССР, так и «в рассеянии сущие»^[174] давно уже готовились отметить эту великую годовщину.

Поэтому сегодня прославление памяти А. С. Пушкина, так чудесно названного Солнцем Русской Культуры^[175], принимает характер грандиозного, воистину всемирного торжества, объединившего всех наших соотечественников.

По беглым подсчетам эмигрантских газет, в Зарубежной Руси образовалось более сотни Пушкинских комитетов, действительно готовившихся к предстоящим торжествам^[176].

В пышных европейских столицах, в шумных, деловых городах Америки, под жгучим солнцем тропиков и хмурым небом Севера, на Дальнем Востоке и Дальнем Западе, словом везде, где есть хотя бы горсточка русских людей, а где их только нет в наше время, сегодня зазвучат пушкинские стихи и будет прославляться память русского гения.

Так суждено было исполниться вещему предвидению поэта, высказанному им в «Памятнике», к которому воистину «не заросла народная тропа».

Больше того, на долю эмиграции выпала историческая миссия популяризировать творения Пушкина среди чужих

народов, привлечь к ним внимание цивилизованного мира и прежде всего Европейского человечества, до сих пор сравнительно мало знакомого с величайшим русским поэтом, являющимся лучшим выразителем нашей национальной души и лучшим истолкователем России.

Большевики, так бесцеремонно присвоившие себе Пушкина, после всех надругательств над ним, над его памятью, тоже отмечают сегодняшний день пышным торжеством и митингом.

Сейчас в СССР в мельчайших деталях восстанавливается петербургская квартира и Михайловский флигель Пушкина, выходит новым изданием Собрание сочинений пушкинских творений, выпускается множество книг по Пушкину и о Пушкине^[177].

Но за всеми этими казенными торжествами – нет того энтузиазма и той любви, которая согревает и одухотворяет скромные «Пушкинские дни» русской эмиграции.

Пушкин, как национальный поэт и русский гений, как великий патриот и певец Великодержавной Императорской России – не только органически чужд, но и просто враждебен – большевизму и как бы ни старались советские «пушкинщианцы» сделать из него революционера^[178] – светлый дух Пушкина сейчас не с ними.

Напротив, эмиграция за годы изгнания еще теснее сдружилась с Пушкиным, всегда бывшим для нас не только «пер-

вой любовью»⁶⁶ но и вечным спутником и учителем.

За годы эмиграции мы научились лучше понимать и еще больше любить Пушкина, суровая школа изгнания обострила наш слух и открыла нам новые потаенные стороны его творчества.

Творения Пушкина превратились для нас в подлинную национальную Библию, которая сопровождает нас с детских лет до могилы.

С нею мы не расстанемся во всех скитаниях нашей эмигрантской жизни, и через нее лежит наш путь на родину.

Пушкин с нами.

Он утешает нас в самые горькие минуты, рассеивает самые черные сомнения и учит с непоколебимой верой в Россию и ее великое провиденциальное назначение.

Пушкин – наше знамя...

⁶⁶ Отсылка к стихотворению Ф. И. Тютчева «29 января 1837»: «Тебя ж, как первую любовь, / России сердце не забудет!..»

Г. К. Гинс

**А. С. Пушкин – русская
национальная гордость**

**Речь, произнесенная
на акте Юридического
факультета 1 марта 1937 года**

Юбилей А. С. Пушкина подарил нам немало дней эстетического наслаждения и национальной гордости. Хотелось бы, чтоб юбилейные дни продлились и, по крайней мере, весь 1937 год прошел бы под знаком А. С. Пушкина.

В ряду таких мировых писателей и поэтов, как Гомер, Данте, Шекспир, Гете, – Пушкину места не отведено. Но среди писателей с мировой славой, каковы Байрон, Шиллер, Альфред Мюссе, Мицкевич, В. Гюго, Гейне и др. Пушкину принадлежит не последнее место, он выше многих из них. Неудивительно поэтому, что столетняя годовщина смерти Пушкина всколыхнула весь культурный мир.

Когда оглядываешься на прошлое русской литературы, то появление Пушкина кажется чудесным. Ломоносов, Держа-

вин, Жуковский и Пушкин – это этапы безостановочного совершенствования. Но переход от Жуковского к Пушкину кажется скачком, исторической неожиданностью, настолько велико преимущество «ученика» перед «побежденным учителем»^[179], настолько сильно обаяние пушкинского стиха, совершенство и богатство его языка и мастерское умение передать в сжатой форме глубокие мысли и меткие, незабываемые сравнения.

В замечательных технических музеях Мюнхена и Кенсингтона (в Лондоне)^[180] наглядно представлены все стадии развития всевозможных технических приспособлений, сооружений, инструментов. Первые усовершенствования кажутся слишком медленными, но заметны; когда же достижения слишком значительны, дальнейшие улучшения уже незаметны. Так было после Пушкина. Кажется, как будто от гуслей перешли сразу к роялю, и затем уже стало незаметно, что после него улучшено в качестве стиха и литературного языка.

Но Пушкин велик не только своим мастерством художника, он очень значителен по содержанию своих произведений. Оно необычайно богато, разнообразно и глубоко. Творения Пушкина с юных лет отмечены печатью гения.

I. Жизнерадостность

Первое, чем подкупает Пушкин, это его жизнерадост-

ность, которая, особенно в молодые его годы, была ключом. Сколько ходит разных анекдотов о Пушкине, сколько осталось литературных следов его шалостей, его игры рифмою, которую он назвал однажды «резвою вакханочкой»⁶⁷. Жизнерадостность эта не покидала Пушкина почти до смерти, несмотря на суровые испытания жизни и превратности судьбы. Казалось, после каждого удара к нему вновь возвращались и бодрость, и надежды, после бурь – спокойствие и веселость.

Пушкин – студент, служивший Вакху и Киприде^[181], посвятил «пирующим студентам» следующие строки:

Под стол холодных мудрецов –
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.
Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным – он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!

⁶⁷ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (глава VIII, строфа III): Я Музю резвую привел На шум пиров и буйных споров, Грозы полуночных дозоров; И к ним в безумные пиры Она несла свои дары И как Вакханочка резвилась...

Когда читаешь эти стихи, то ясно представляешь себе Пушкина озорника и повесу, вскакивающего на стол, сочинявшего забавные эпиграммы, остроумного собеседника и гуляку.

В произведениях Пушкина много юмора, вызывающего улыбку, и здоровый, веселый смех.

Поэт описывает Людмилу в садах Черномора, угнетенную похищением и одиночеством, готовую на самоубийство:

В волнах решила утонуть –
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь...
Людмила умереть умеет...

Она не хочет поддаться соблазнам, которыми старается поразить и подкупить ее волшебник, однако в зеркальце она собою залюбовалась и от роскошных яств скатерти-самобранки не отошла:

Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!
Подумала – и стала кушать.

В сказке о мертвой царевне Пушкин опять добродушно посмеивается над кокеткой:

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркало глядясь⁶⁸.

Склонность к шутке не покидала Пушкина и в зрелые годы. Юношей он сочиняет «Вишню», взрослым и, казалось, усталым, он пишет «Гусара», который не может не развеселить. Ну как не засмеяться, когда завравшийся гусар начинает описывать чудеса:

Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой –

⁶⁸ Цитата из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина (1834).

Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот –
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! все в печку поскакало.

Еще веселее диалог на Лысой Горе:
Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я не струсю:

Домой? да! черта с два! почему
Мне знать дорогу! – «Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся окаянный.

Но когда перечитываешь «Капитанскую дочку» и про-
никаешься несравненным благодушным юмором описания
крепости и ее обитателей, то обаяние живого ума и здо-
ровой жизнерадостности Пушкина становится непреодоли-
мым. Он покоряет раз навсегда, так же, как покоряли его:

Приговорки, прибаутки,

Небылицы старины.
Слушать, так душе отраднo.
Кто придумал их так ладно?
И не пил бы, и не ел,
Все бы слушал, да глядел⁶⁹

Жизнерадостность Пушкина – один из секретов его бесспорного владычества над юным и старым, его несравнимого умения покорить раз и навсегда.

Но жизнерадостного Пушкина с ранних лет мучили сомнения и раздумья. Ведь это пятнадцатилетний Пушкин написал в 1814 году романс «Под вечер, осенью ненастной», где изображал несчастную девушку, которая стала матерью, и ищет порога, у которого ей придется оставить навек «плод любви несчастной»:

Дадут покров тебе чужие,
И не найдешь семьи родной
И скажут: «Ты для нас чужой» –
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»

Пятнадцатилетний Пушкин находит образы и слова протеста против мирского лицемерия:

⁶⁹ Стихотворение А. С. Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...» (1833).

Закон неправедный ужасный
К страданью осуждает нас⁷⁰

Юноша Пушкин пишет проникнутые не только патриотическим пафосом, но и глубокими мыслями «Вспоминания в Царском Селе», которые он прочел на экзамене, в присутствии Державина и которые заставили говорить о нем всю столицу:

Здесь каждый шаг в душе рождает
Вспоминанья прежних лет.

– говорит поэт в этом стихотворении. Мальчиком он жил уже как взрослый. Его воображение уже охватывало национальное прошлое, он задумывался над вопросами большой государственной важности. Веселый озорник был с малых лет серьезным мыслителем, начитанным самой разнообразной литературы и, в частности, ставший поклонником Вольтера^[182] («Городок», 1814 г.) легкомысленный семнадцатилетний юноша уже задумывался над бренностью человеческого счастья.

⁷⁰ Стихотворение А. С. Пушкина «Романс (К страданью присуждает нас)» (1814).

Кто раз любил, то не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья,
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...⁷¹

II. Культ красоты

Пушкин не мог пройти мимо красоты. Он был поклонником ее во всех видах и проявлениях.

Уже, казалось, пресыщенный любовью и утомленный жизнью, он пишет в 1832 году Надежде Львовне Сологуб^[183]:

Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье...⁷²

Восхищение перед живою красотой Пушкин передавал с неподражаемой непосредственностью чувства. В частности, его восхищение красотой невесты, потом жены, можно на-

⁷¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К*** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)» (1817).

⁷² Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К*** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)» (1817).

звать возвышенным: «Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец» («Мадонна»).

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
.....
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце не питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.⁷³

Только «чистая» красота вызывала у Пушкина длительное, благоговейное чувство, даже когда предмет влечения исчезал, как «мимолетное виденье».

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,

⁷³ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Красавица» (1832).

Как гений чистой красоты⁷⁴.

Но совершенство живой красоты недолговечно. Страсть разрушает ее, смерть уничтожает в корне. Есть другая красота – бессмертная. Это красота природы.

В этой красоте больше духовности, в ней человек осязает то вечное, маленькую частицу чего составляет он сам.

Красоту природы Пушкин воспринимал во всех ее проявлениях, он видел ее и в торжественном рокоте морских волн, и в величественной панораме, открывающейся с заоблачных горных вершин, и в бушующем потоке горной реки, и во всех пейзажах русской природы, особенно же любимой им зимы.

Истинный художник – поэт, кто из красоты смертной умеет создать хотя бы подобие бессмертного, что может пережить создателя. Запечатлев на картине образ красавицы, мы сохраняем его для потомства, и тогда живая, но смертная красота уже не боится всеразрушающего времени. Уловив гармонию звуков, мы передаем ее в музыке, которая сохраняет эти звуки для потомства.

Кто умеет понимать эту победившую время красоту, тот исполняется особого величественного спокойствия. Он смотрит на суетящийся мир, как бы свысока:

⁷⁴ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К*** <Керн>» (1825).

...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всех кругообразный.⁷⁵

Окончательно созрев, Пушкин выше всего ценил возможность наслаждаться всеми видами красоты.

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновений
Безмолвно утопать в восторгах умиления.⁷⁶

Созерцание красоты не проходит бесследно. Красота, как и все другие переживания высшего порядка, облагораживает, пробуждает «добрые чувства». «Красота спасет мир»^[184] – говорил Достоевский.

Красота, как нежный ангел у Пушкина, пробуждает невольный жар умиления.

⁷⁵ Стихотворение А. С. Пушкина «Вельможе» (1830).

⁷⁶ Стихотворение А. С. Пушкина «Из Пидемонте» (1836).

...тебя я видел

И ты недаром мне сиял:

Не все я в мире ненавидел,

Не все я в мире презирал.⁷⁷

Поэтому Пушкин ценил великодушные и считал недостойным поэта мстительное и злобное чувство или обиду павшего:

И не услышат песнь обиды

От лиры русского певца.⁷⁸

III. Философия истории и государственность

Пушкин был незаурядным мыслителем. Его огромное преимущество перед другими поэтами – насыщенность его поэзии глубокими мыслями.

Мы только что цитировали его послание «Вельможе». Он говорит там о кругообразном обороте истории, об упадке, неизбежно приходящем после расцвета. Описывая блеск и

⁷⁷ Стихотворение А. С. Пушкина «Ангел» (1827).

⁷⁸ Стихотворение А. С. Пушкина «Бородинская годовщина» (1831).

насыщенность культуры конца XIX столетия, он проводит параллель с состоянием великой Римской империи накануне ее упадка:

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.

В словах и сравнениях этого замечательного произведения целая теория, много раз повторявшаяся разными мыслителями со времен древности, нашедшая себе яркое выражение у Вико^[185] и сохраняющая сторонников в наше время. Не менее значительны по содержанию стихи Пушкина:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.⁷⁹

Пушкин хорошо понимал, что значит в общественной жизни традиция. Мертвые, казалось бы, остатки старины, в действительности живут и прочно связывают прошлое, настоящее и будущее. «Каменные страницы истории», как на-

⁷⁹ Стихотворение А. С. Пушкина «Два чувства дивно близки нам...» (1830).

зывал Виктор Гюго памятники прошедших времен^[186], заставляя понимать и любить прошлое нации, как старый домовский дом, и могилы предков заставляя чтить семейные традиции:

На них основано семейство
И ты, к отечеству любовь^[187].

Каждый социолог нашего времени безоговорочно присоединится к этой мысли поэта, правильно понявшего значение традиции для сохранения нации и исторических памятников, как средств связи с прошлым. Эти традиции и памятники объединяют великое множество людей единством настроений и устремлений.

В другой статье (Сборник «Россия и Пушкин. Харбин, 1937) мне приходилось уже отмечать чуткость Пушкина как историка^[188]. В отличие от многих профессионалов, он лишен односторонности в подходе к объяснению исторических событий. Он не был, конечно, историком, но в своем художественном воспроизведении исторических событий он отводил должное место не только личности, но и народным движениям, не только экономическим потребностям, но и случаю.

Очень продуманно и цельно сложилось у Пушкина его го-

сударственное мировоззрение. Его основная мысль – необходимость сильной власти: «всякое крупное политическое действие – только по почину правительства; оно есть движущее и образующее начало русской истории – великие государи в России были своего рода революционеры...»^[189].

Залогом национального прогресса Пушкин считал установление взаимопонимания между властью и обществом, и с этой целью он издает с 1831 года журнал, который должен приблизить к правительству людей ему полезных, но его чуждающихся.

Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.⁸⁰

Пушкин не находил должного понимания, так как был свободолюбив. Он всегда желал для родины умножения прав и свободы в пределах законности и политического быта, утвержденного всем прошлым и настоящим бытом России, свободы без ломки исторических форм государственности.

Эти взгляды Пушкина были обоснованы его разносторонними знаниями и наблюдениями.

Изучение русской истории убедило Пушкина в том, что благодаря отсталости народных масс в культуре, их «бунт»

⁸⁰ Стихотворение А. С. Пушкина «Кавказ» (1829).

становится «бессмысленным и беспощадным»⁸¹, что народ в его стихийных движениях руководствуется не разумом, а необузданными порывами первобытной жестокости. Для него стала ясна роль государей, которым историческое прошлое династии и таинство помазания дают «авторитет и силу несравненную».

Перед глазами Пушкина прошла вся Россия, со всем ее внешним разнообразием и противоположностями: от избранного круга тонких и образованных представителей передовой интеллигенции до диких сынов степей Бессарабии и гор Кавказа, от обитателей дворцов и богатых помещичьих усадеб до нищих и тощих рабов, которые «влачатся по браздам неумолимого владельца»⁸².

Исторический опыт и жизненные наблюдения питали политическую мудрость Пушкина. Они освободили его от власти кабинетных теорий и отвлеченных иноземных идеалов. Не внешняя сторона государственности, не парламент и конституция привлекали его внимание и симпатии в зрелые годы его жизни, а мечты о благополучии и просвещении народных масс, не подражание иностранным образцам, а поиски национального идеала и осознание исторической роли и миссии русского народа занимали мысль и воображение поэта.

Приближаясь к окончанию своего любимого произведе-

⁸¹ Отсылка к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

⁸² Стихотворение А. С. Пушкина «Деревня» (1819).

ния «Евгений Онегин», поэт писал:

Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света, и в тиши
Тревожат сон моей души.

В произведениях этого периода у Пушкина не раз мелькают вызывающие насмешливую улыбку фигуры европеизированных щеголей, в роде К.^[190] в «Арапе Петра Великого», который поразил царя своими бархатными штанами, или графа Нулина, который промотав состояние в чужих краях:

Себя казать, как чудный зверь
В Петрополь едет...
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков а jour...⁸³

Без одобрения относится Пушкин и к тем, кто «из Германии туманной привез учености плоды, вольнолюбивые меч-

⁸³ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин» (1825)

ты, дух пылкий и довольно странный»⁸⁴.

В противоположность этим утратившим русский дух людям, Пушкин с явной симпатией рисует скромные образы капитана Миронова и Гринева, и, сопоставляя Онегина и Татьяну, отдает дань предпочтения Татьяне, которая, как натура непосредственная и «русская душою» почувствовала в Онегине «пародию» и «чудака». Онегину отказала не только Татьяна, ему отказал сам Пушкин. Он не мог не развенчать героя, не нашедшего смысла жизни, не познавшего самого себя, чуждого заграничным влияниям, но оторванного и от родной почвы.

IV. Национальное самосознание

Исторические даты заставляют возвращаться к прошлому, внимательно вдумываться в смысл событий и глубже оценивать значение великих людей.

Когда русская эмиграция ввела в обиход «День русской культуры», приурочив его ко дню рождения Пушкина, приходилось слышать недоуменные вопросы молодежи: «Почему Пушкин? Почему современное поколение должно начинать со столь уже отдаленной эпохи?»

Ныне, когда в связи с сотою годовщиною со дня смерти великого поэта пересмотрено все богатство его литературного наследия, возобновлены и приведены в порядок все впечат-

⁸⁴ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (глава II, строфа VI).

ления и мысли, которые рождает соприкосновение с творчеством великого поэта, когда перечитаны и передуманы его творения, ответить на поставленные вопросы много легче.

Пушкин не только начал эпоху блестящего развития русской литературы, но и заложил фундамент национального самосознания.

В Европе на раз серьезно ставился и обсуждался вопрос: существует ли русская нация? Доросли ли русские до права называться нацией? Так, например, Мишле^[191] утверждал, что Россия не только мертва, но вообще не состоит из людей. Русские люди, по его мнению, лишены того, что составляет главное отличие человека, а именно нравственного чувства. – Люди ли это, – восклицал Мишле, – или песок, или вода? Ему казалось, что даже не песок и не вода, так как песок устойчивее, а вода менее обманчива.^[192] Полемику с Мишле вел Герцен, старавшийся убедить его, что русские все-таки люди^[193].

Однако сомнения французских историков не разъяснялись, так как Ренан высказал почти такое же мнение, как Мишле. Смерть француза он признавал событием в нравственном мире, смерть же казака только физиологическим явлением^[194]. И сравнительно недавно, уже после Великой войны, в европейской литературе ставился все тот же вопрос, можно ли считать русский народ «нацией».

По этому поводу вспоминается, как казак, убивший киргиза, оправдывается тем, что «киргиз не человек, т. к. у него

не душа, а пар»^[195]. По-видимому, многие образованные европейцы приблизительно также рассматривают русских. Едва ли подобные точки зрения достаточно серьезны для полемики, поскольку идет речь о русских людях. Достаточно было бы рекомендовать европейским скептикам внимательнее познакомиться со сложной душевной жизнью великих русских писателей. Они, и в их числе первый А. С. Пушкин, отражают нравственный облик русских людей и их соблазнительные мечтанья и сомненья.

Но вопрос о нации, применительно к русскому народу, великому, как океан, и разнообразному, как дикое поле, не так прост. Для того чтоб все это великое пестрое множество спаять в одну цельную и прочную нацию, нужно много больше чем для любого европейского народа, сплоченного на небольшой территории, а между тем даже европейские народы, например, даже итальянский и германский, нелегко сливались в единую нацию.

Нацию создает единый язык, литература, общенациональные ценности, исторические традиции, религия, единые устремления. Для того чтобы спаять народ единым национальным духом, Муссолини^[196] организует постоянные экскурсии и массовые съезды в Рим, где приезжающих со всех концов Италии крестьян и рабочих знакомят с развалинами древнего Рима и величием его прошлого. Для того чтоб нация проникалась новыми стремлениями, фашистская Италия ежегодно празднует годовщину «похода на Рим» и этот

день отмечает открытием новых созданий техники и культуры, новых памятников фашистского режима и свидетельств творческой деятельности власти. То же происходит и в современной Германии.

Но в огромной России это многосложное и трудное даже теперь при современных способах общения. Тем более неосуществимо это было в прошлом. Удивительно ли, что обитатель русской деревни был далек от национальных вопросов и глядел на мир лишь с высоты своей колокольни: «Мы вологодские, нам дела нет до других». Рассказывают, что в одной деревушке на Алтае только во время великой войны узнали, что царствует Император Николай II, а не Император Александр III.

И все же русский народ уже давно является нацией. Что же способствовало сплочению его в нацию? Здесь мы возвращаемся к Пушкину и его неопенимым заслугам в истории русской культуры. Многие из того, что создает нацию, дал нам Пушкин.

Нацию объединяет язык. Кто же до Пушкина владел в такой степени русским языком, кто придал ему такую легкость формы, изящество и простоту? Пушкин сделал литературный язык народным, а народный язык литературным. Со времени Пушкина русская литература стала доступной каждому знающему русский язык, и потому Пушкин имел основание утверждать, что его будут знать «и финн, и ныне

дикий тунгус, и друг степей калмык»⁸⁵. Он понимал, как велико его значение в деле создания доступного всем русского литературного языка.

Не менее велики заслуги Пушкина в деле воспитания русского национального духа, поскольку мы обращаемся к историческим его произведениям:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.⁸⁶

Вещий Олег, Летописец, Иоанн Грозный («Венчанный Гнев»), Борис Годунов, Самозванец, Петр Великий, Екатерина II, Александр I – оживают в произведениях Пушкина как строители русской государственности. Здесь Пушкин становится невольным воспитателем длинного ряда поколений, с детства внедряя в сознание их, что великие цари заслуживают доброй памяти «за их труды, за славу, за добро». В легко воспринимаемой и оставляющей прочные следы художественной форме Пушкин запечатлевает в сознании то, что связывает всех сынов России: знание ее исторического про-

⁸⁵ Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» (1836):

⁸⁶ Цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

шлого и веру в ее великий жребий в будущем.

Чтение Пушкина дает русским людям множество впечатлений, которых они не могут почерпнуть непосредственно. Огромное большинство русских людей лишено возможности лично увидеть столицы, побывать на Кавказе, в Крыму, в степях; Пушкин делает родными для нас все те разнообразные красоты русской природы, которые разбросаны на обширном пространстве «от финских хладных скал до пламенной Колхиды»⁸⁷.

Нельзя обойти также еще одну крупную заслугу Пушкина. Через него происходило сближение всех слоев русского народа. Велико разнообразие пушкинских типов. И среди них бессмертны образы Савельича, няни, мельника и безропотного старика в «Сказке о рыбаке и рыбке». Пушкин сердечно любил простых людей и с душевной болью говорил о нищете народной, «где рабство тощее влачится по браздам неумолимого владельца»⁸⁸.

Малоизвестно стихотворение Пушкина «Шалость» (1830), названию которого не отвечает его содержание. Стихотворение вскрывает, в действительности, безрадостную картину убогой деревенской нищеты:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,

⁸⁷ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831)

⁸⁸ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня» (1819)

За ними чернозем; равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где тёмные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Своими произведениями Пушкин помогал сближению русских людей. Он изобразил привлекательные черты слуг, которые не чувствовали себя рабами. Он заставил подумать о человеческих страданиях безвестного станционного смотрителя, теряющего дочь; маленького петербургского чиновника, теряющего невесту, мелкопоместного помещика, бесильного бороться с могущественным соседом. Он приподнял пелену, скрывающую печаль и страдания высокопоставленных лиц, кажущихся счастливых, за тщеславием и внешнею выдержкою которых можно различить «долгие печали, смиренье жалоб» («Домик в Коломне»). У Пушкина все его

герои прежде всего люди, со всеми их человеческими свойствами. Он заставляет чувствовать ближнего в самом дальнем. Простой челядин, чтец его произведений почувствует человека в барине, а большой барин подумает о человеческом в своем слуге. Пушкин, всегда отказывавшийся от нравочений, выполняет великую миссию, которую он прозрел сам, что «чувства добрые он лирой пробуждал». Пушкин всеобъемлющ, и в своей любви ко всему русскому и ко всем сынам России он сообщает и своим читателям это чувство. Он создавал этим сознание единства.

При чисто русской «всечеловечности» своего гения, при способности понимать и Байрона и Гете, и Шекспира, и Шенье, Пушкин, европеец по воспитанию, знаток и поклонник западной культуры остается, однако, глубоко русским в своих симпатиях и своей национальной гордости. Он дает резкую отповедь тем, кто осмеливается покушаться на независимость русской политики:

Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык.⁸⁹

Его самозванец сбрасывает с себя чары честолюбивой

⁸⁹ Стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России».

красавицы:

Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться⁹⁰.

Так Пушкин будит чувство национальной гордости. Так он своим языком, своими яркими картинами исторического прошлого, изображениями русской природы и разнообразных русских людей и преданностью славе и величию родины заражает и воспитывает поколения русских людей в их национальном самосознании.

Вот почему Пушкин стал неотъемлемой частью русской народной души и великим национальным поэтом. Ему, в немалой степени, принадлежит право называться одним из создателей русской национальной культуры, объединяющей народы России в русскую нацию.

V. Русский политический идеализм

Выросший в атмосфере патриотического подъема Отечественной войны, Пушкин с молодых лет проникся национальной гордостью и верой в высокую миссию русского народа.

⁹⁰ Из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Подъем, пережитый в 1812 году, навсегда оставил след в душе поэта, и незадолго до смерти он напоминал друзьям:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...⁹¹

Отечественной войне предшествовали походы Суворова в Италию, покрывшие бессмертной славой и русского полководца, и русских солдат. Отечественную войну вызвали разногласия между русским императором и Наполеоном по ряду вопросов европейской политики и постоянное вмешательство России в европейские дела.

Действительно, император Павел поставил своей целью восстановить на престоле Папу и вернуть власть Неаполитанскому и Сардинскому королям. Суворов провозгласил восстановление Савойского дома и пригласил сардинских офицеров сражаться за своего короля. Победоносные движения русской армии в Ломбардии создали серьезную угрозу революционной французской республике, но они не были доведены до благополучного конца вследствие австрийских

⁹¹ Стихотворение А. С. Пушкина («19 октября 1936 года»)

интриг и ошибок австрийского командования. Австрия преследовала свои эгоистические цели, русский император поставил своему знаменитому полководцу задачи, ничего общего с интересами России не имевшие, вытекавшие из одной только ненависти к французским революционерам и безобразиям, которые они творили в Италии. Суворов заявил в Вене, что его конечная цель войти в Париж и восстановить там престол и алтарь.

Действия Австрии вызвали разрыв ее с Россией. Австрия не могла понять и поддерживать бескорыстную, чисто принципиальную политику русского императора. Между тем, захвативший власть Бонапарт пошел навстречу желаниям Павла I и предложил вознаградить сардинского короля, возвратить Папе Рим и признать Павла гроссмейстером мальтийского ордена с протекторатом над островом Мальтой. Созданные Англией препятствия к признанию русского покровительства над Мальтой вооружили императора Павла против Англии и расположили его к Наполеону. Павел начал приготовления к походу на Индию против англичан и уговаривал Наполеона действовать совместно с ним.

В начале царствования император Александр I намеревался поддерживать добрые отношения с Наполеоном. Однако власть Наполеона крепла, и он перестал считаться с желаниями русского императора, который в свою очередь не обнаруживал желания помогать ему в соперничестве с Англией. Наполеон принял титул императора, короновался

в Милане итальянской короной, присоединил Геную и изменил конституцию Голландии. Император Александр потребовал восстановления сардинского короля, возвращения Швейцарии и Голландии свободы выбирать себе образ правления, разделения Европы по естественным границам, горным хребтам и национальностям. Из-за этих разногласий началась Первая мировая война с Наполеоном, закончившаяся Тильзитским миром. По словам Пушкина, «Тильзит надменного героя последней славою венчал» («Наполеон»). Если б Россия с большим безразличием отнеслась бы к последовавшему вскоре после этого мира присоединению к Франции территории Ольденбурга и Северогерманского побережья, то война 1812 года могла бы быть предотвращена, но война эта была вызвана не одним только отрицательным отношением к внешней политике Наполеона. Россия представляла постоянную угрозу для Наполеона ввиду возможной с ее стороны поддержки Австрии и Пруссии в случае борьбы их с Наполеоном.

Весною 1812 года началась война. Наполеон двинул на Россию огромные силы.

Юноша Пушкин описывает движение вражеских полчищ, как грозный поток, уничтожавший все живое:

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля...

Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг...
Идут – их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах.

Но Русь поднялась:

На рать иноплеменных,
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены⁹²

Патриотический порыв, охвативший в то время Россию, не первый раз поднял на врага всю русскую землю. История России знала Куликовскую битву и время Минина и Пожарского. Но такие подъемы национального самосознания не составляют особенностей русской истории. Иное дело – сожжение Москвы. Люди, привыкшие ценить материальные блага, видящие в своей собственности частицу самих себя, нелегко решаются на истребление имущества, с единственной целью

⁹² Неточная цитата из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (1829). Ср.: у Пушкина: Страшись, о рать иноплеменных! России двинулись сыны; Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных<, >Сердца их мщеньем зажжены.

не оставить их неприятелю. Историк XIX века Файф^[197] описывает, как медленно разгорался в Пруссии народный гнев против Франции, прежде чем Пруссия решительно встала на борьбу с Наполеоном. «Необходим был опыт страданий целого ряда лет, – нарушение французским солдатом семейного покоя, вид жилищ, лишенных скота, отобранного для прокормления вторгнувшейся в Россию армии... прежде чем в прусской нации занялось то пламя, которое во Франции, Испании и России вспыхнуло само при первом появлении неприятеля»^[198]. Но в России вспыхнуло не только пламя народного энтузиазма, вспыхнула и ее древняя столица, подожженная руками самих русских. Этого не знала история других народов.

Москва пережила три великих пожара. Ее сжег Тохтамыш^[199] в XIV веке, когда вторгся в пределы Московского княжества, чтоб отомстить за побоище на Куликовом поле. Второй раз горела Москва в Смутное время, когда во время восстания в Москве поляки и немцы заперлись в Кремле и Китай-городе и зажгли город. Москва выгорела тогда почти дотла.

Эти первые великие пожары Москвы были делом вражеских рук. Никто не мог ожидать, что третий раз это сделают сами русские:

Исчезли здания вельможей и царей,

– пишет Пушкин, –

Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.⁹³

Обращаясь к европейским народам, Пушкин говорит:

И на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
То го, под кем дрожали вы⁹⁴.

Наполеон и его армия оказались в ловушке. Вступление в Москву было началом гибели Наполеона. Россия пожертвовала своей столицей, чтоб погубить врага.

Началось отступление, преследование врага по пятам, и русские войска вошли в Париж. Казалось, наступил конец Франции:

⁹³ Из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе»(1829).

⁹⁴ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России». Ср.: у Пушкина:Что на развалинах пылающей МосквыМы не признали наглой волиТого, под кем дрожали вы.

В Париже росс! – Где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой,
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле⁹⁵.

Действительно, русский император, изгнав врага из российских пределов, сначала заявляет, что он не заключит мира, пока не будет восстановлена Пруссия, а потом, когда прусский главнокомандующий Блюхер одержал победу при Ватерлоо над возвратившимся с Эльбы Наполеоном, Александр спас Францию от злобной мстительности немцев.

Из всех союзных держав самую нетребовательную после победы была Россия. В своем воззвании к войскам, накануне вступления во Францию, император Александр I говорил: «Мы перейдем Рейн, проникнем в страну народа, с которым ведем кровопролитную, жестокую борьбу. Мы уже спасли, прославили наше отечество, возвратили Европе свободу и независимость. Да царствует на всей земле мир и спо-

⁹⁵ Стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829): «Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья».

койствие, да преуспевает каждое государство под своим собственным правлением и своими законами... Враг, вторгнувшись в нашу Империю, причинил нам много зла и за то понес жестокое наказание. Гнев Господень поразил его. Не будем ему подражать. Милосердный Бог не любит жестоких и бесчеловечных. Забудем причиненное ими нам зло: принесем им не мщение и ненависть, но дружбу и готовность к миру. Слава России заключается в поражении вооруженного врага и благодеяниях к безоружному неприятелю, мирным жителям»^[200]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – русский литературный критик и литературовед. Его книга «Духовный путь Гоголя» впервые была издана в Париже в 1934 г.

2.

Константиновский Матвей Александрович (1792–1857) – Ржевский протоиерей, рекомендованный Н. В. Гоголю А. П. Толстым. Своим религиозным убеждением сыграл решающую роль в последний период жизни Гоголя. Отрицательно относясь к искусству и литературе, требовал от Гоголя отречения от театра, от Пушкина, как «грешника и язычника», от собственного творчества.

3.

См.: Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. М.: Ре спублика, 1995. С. 18. «Авторская исповедь» написана Гоголем летом 1847 г. Впервые опубликована в книге: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855. Название дано С. П. Шевыревым.

4.

Там же. С. 19.

5.

Там же. С. 19. Благословение на путешествие в Иерусалим Гоголь получил в начале 1842 года от преосвященного Иннокентия, епископа Харьковского. Паломничество к Гробу Господню осуществилось только в 1848 г.

6.

Каллаш Владимир Владимирович (1866–1919) – литературовед, библиограф. Автор книг: Опыт пересмотра некоторых спорных вопросов о Белинском, М., 1900; Puschkiniana [Библиографические труды о Пушкине. Материалы и исследования о Пушкине], в. 1–2, Киев, 1902–1903; Очерки по истории русской журналистики, М., 1903; Заметки о Пушкине, СПб, 1907; Очерки по истории новейшей русской литературы, М., 1911. См.: Лукьяновский Б. Пушкин и Гоголь в их личных отношениях (Вопрос о «дружбе»). В кн.: Беседы. Сборник общества истории литературы в Москве. М., 1915, стр. 32–49. Ошибочность многих выводов этой статьи связана с воздействием на автора поддельных «Записок А. О. Смирновой». Из позднейшей литературы на ту же тему см.: Долинин А. С. Пушкин и Гоголь (К вопросу об их личных отношениях). В кн.: Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова, М. Пгр., 1922. С. 181–197; Гиппиус В. В. Гоголь. Л.,

«Мысль», 1924; Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М.: Федерация, 1931.

7.

Вольная цитата. См.: Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя: «...перед отъездом Гоголя за границу у него, по-видимому, вышла размолвка с Пушкиным, и он уехал, даже не попрощавшись с ним» (С. 20). «Подтверждение этому мы находим у Нащокина (П. И. Бартенев. Рассказы о Пушкине. М., 1925). «По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Но Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывая ему покровительство...» (С. 60). Нащокин Павел Воинович (1801–1854) – русский меценат, коллекционер. Один из ближайших друзей Пушкина. Начало их знакомства относится еще к 1814–1815 гг. В это время Нащокин учился с Л. С. Пушкиным в Благородном пансионе при Царскосельском лицее. 1830-е годы были временем частых встреч Пушкина с Нащокиным. Приезжая в Москву, поэт почти всегда останавливался у своего друга. Круг их душевных бесед касался вопросов литературы и искусства и житейских тем. Последняя их встреча состоялась в мае 1836 года.

8.

Адресатом упоминаемого письма Гоголя была не мать. В научно-популярной литературе, посвященной литературным связям Пушкина и Гоголя в 1831 г., обязательно приводится гоголевское письмо А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г.: «Все лето прожил я в Павловске в Царском Селе... почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я».

9.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) – прозаик, мемуарист, критик, журналист. Мучительно пережил смерть Гоголя и сожжение им второго тома «Мертвых душ». На причинах произошедшей трагедии Аксаков остановился в ряде статей («Письмо к друзьям Гоголя», «Одним сыновьям», 1852, и др.), а также в «Истории моего знакомства с Гоголем» (опубликована посмертно, в 1890 г.), явившейся одним из лучших образцов русской мемуарной литературы. я»

10.

Цитаты из «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя. О факте «передачи» Гоголю Пушкиным сюжетов «Ревизора» и «Мертвых душ» есть ряд свидетельств, разной степени достоверности (П. В. Анненков, О. М. Бодянский, В. А. Соллогуб, П. И. Бартенев и др.). О начале работы над «Мертвыми душами» Гоголь сообщил Пушкину 7

октября 1835 г. Разбор и оценка версий см.: В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского гос. университета. Выпуск. 2. 1930. С. 89–102.

11.

Цитата из «Авторской исповеди».

12.

Вероятно, имеется в виду книга: П.Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Пг., 1916. О последнем годе жизни А. С. Пушкина см. более подробно: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Художественная литература. 1985. Т. 2. С. 275–276; 376; 385; 521; Последний год жизни Пушкина / под ред. В. В. Кунина. М.: Правда. 1988; Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской пушкинианы. Л.: Лениздат, 1990.

13.

Павлищева Ольга Сергеевна (1797–1868) – сестра поэта. Была особенно дружна с братом в детстве и ранней юности. Пушкин с большой теплотой относился к сестре, посвятил ей несколько стихотворений.

14.

Павлищев Николай Иванович (1802–1879) – историк,

тайный советник.

15.

Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852) – брат поэта. Лев испытывал к гениальному брату чувство глубочайшего преклонения, в период ссылки Александра Сергеевича выполнял его многочисленные и разнообразные поручения.

16.

Аничков дворец – один из императорских дворцов Петербурга у Аничкова моста на набережной реки Фонтанки.

17.

Белизар (Беллизар) Фердинанд Михайлович (1798–1863) – петербургский книготорговец и издатель.

18.

Последними словами А. С. Пушкина были: «Не понимаю...» Другие утверждают, что последние, прощальные слова поэта были обращены к книгам (поэт умер в своем кабинете): «Прощайте, друзья...» В. А. Жуковский в письме к С. Л. Пушкину, отцу поэта, о последних днях жизни Пушкина передает подробность: когда поэт, привезенный после дуэли домой и положенный в своем кабинете, узнал от доктора о том, что жизнь его в опасности, он, обратив

глаза на свою библиотеку, сказал: «Прощайте, друзья!» О предсмертном прощании А. С. Пушкина со своей библиотекой свидетельствует и княгиня Е. Н. Мещерская (рожд. Карамзина), в письме к А. О. Смирновой; А. Аммосов свидетельствует, что Пушкин умер со словами: «Прощайте, прощайте», обведя при этом глазами шкафы своей библиотеки. Об истории и обстоятельствах создания текста письма В. А. Жуковского см.: Иезуитова Р. В. Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину о смерти поэта (к истории текста) // Пушкин. Исследования и материалы. Т 13. Сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. С. 157–168.

19.

Извещение о смерти А. С. Пушкина, которое было напечатано 30 января 1837 г. в 5-м номере «Литературных прибавлений» – приложении к газете «Русский инвалид». Это извещение, написанное Владимиром Федоровичем Одоевским (1804–1869), состояло из нескольких строк: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января

2 ч. 45 м. пополудни».

20.

Имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

21.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – писатель-беллетрист. В своих критических статьях до 1830 г. расточал поэту величайшие похвалы, но, когда увидел, что он стоит во главе конкурирующей «Литературной газеты», с яростью напал на Пушкина, после выхода 7 главы «Евгения Онегина» сказал о «совершенном падении» таланта поэта.

22.

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – русский публицист и литературный критик. В 1865 году опубликовал две статьи, объединенные под общим названием: «Пушкин и Белинский», где дал резко полемическую, предвзятую оценку творчества поэта.

23.

И. А. Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) писал: «...от Пушкина и Гоголя в русской литературе теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа пушкинско-гоголевская продолжается доселе, и все мы, беллетристы,

только разрабатываем завещанный ими материал. <...> Пушкин <...> был наш учитель – и я воспитался, так сказать, его поэзией. Гоголь на меня повлиял гораздо позже и меньше: я уже писал сам, когда Гоголь еще не закончил своего поприща». Отношение к Лермонтову у Гончарова не менее благоговейное, чем к Пушкину: «И у Пушкина, и у Лермонтова веет один родственный дух, слышится один общий строй лиры, иногда являются будто одни образы, – у Лермонтова, может быть, более мощные и глубокие, но зато менее совершенные и блестящие по форме, чем у Пушкина. Вся разница в моменте времени. Лермонтов ушел дальше времени, вступил в новый период развития мысли, нового движения европейской и русской жизни и опередил Пушкина глубиной мысли, смелостью и новизной идей и полета». См.: Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература. 1979. Т. 8. С. 111–112.

24.

Цитата из «Речи о Пушкине». Ф. М. Достоевского. Произнесена 8 июня 1980 г. на заседании Общества любителей российской словесности. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука. 1984. С. 129–149.

25.

Ср.: «Надо сказать, что у нас, в литературе (да,

я думаю, и везде), особенно два главные образа женщин постоянно являются в произведениях слова параллельно, как две противоположности: характер положительный – пушкинская Ольга и идеальный – его же Татьяна. Один – безусловное, пассивное выражение эпохи, тип, отливающийся, как воск, в готовую, господствующую форму. Другой – с инстинктами самосознания, самобытности, самодеятельности. Оттого первый ясен, открыт, понятен сразу (Ольга в «Онегине», Варвара в «Грозе»). Другой, напротив, своеобразен, ищет сам своего выражения и формы, и оттого кажется капризным, таинственным, малоуловимым. Есть они у наших учителей и образцов, есть и у Островского в «Грозе» – в другой сфере; они же, смею прибавить, явились и в моем «Обрыве». Это два господствующие характера, на которые в основных чертах, с разными оттенками, более или менее делятся почти все женщины». См.: Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература. 1979. Т. 8. С. 114.

26.

Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) – русский поэт-футурист.

27.

Крученых Алексей Елисеевич (1886–1968) – один из самых последовательных и радикальных экспериментаторов среди русских футуристов, создатель заумного языка.

28.

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – советский политический деятель, педагог и организатор образования.

29.

Коммерческое собрание – значительную роль в социально-культурной жизни дальневосточной эмиграции играли Коммерческое и Железнодорожное собрания, выполнявшие роль клубов и общественных организаций. Коммерческое собрание располагалось по адресу: Харбин, ул. Коммерческая, дом 7. В зале Коммерческого собрания проходили музыкальные концерты, семейно-танцевальные вечера, публичные чтения, при Коммерческом собрании функционировала драматическая студия и библиотека.

30.

Цитата из труда В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая» (1844).

31.

Речь идет о героях южной поэмы А. С. Пушкина

«Кавказский пленник» (1820–1821).

32.

Земфира – героиня южной поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

33.

Зарема – героиня южной поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823).

34.

Изабелла, Анджело – герои поэмы А. С. Пушкина «Анджело» (1833), представляющей собой вольную переработку драмы У. Шекспира «Мера за меру».

35.

Волконская Мария Николаевна (1804-1863) – княгиня, жена декабриста князя Сергея Григорьевича Волконского, добровольно разделившая с ним ссылку.

36.

Цитата из статьи В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая» (1844).

37.

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869) –

выдающийся русский композитор. Основоположника реализма в русской музыке.

38.

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) – композитор, дирижер, педагог.

39.

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) – российский деятель культуры, композитор.

40.

Кюи Цезарь (Цезарий Вениамин) Антонович (1835–1918) – российский композитор и музыкальный критик. Постановка его оперы «Капитанская дочка» состоялась в 1911 г. в Москве.

41.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – русский композитор, дирижер, пианист.

42.

Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – русский композитор, живший после 1925 во Франции и в США.

43.

Гурилев Александр Львович (1803–1858) – российский композитор, пианист, педагог.

44.

Титов Николай Алексеевич (1800–1875) – русский композитор, автор популярных романсов.

45.

Раевский Николай Николаевич (1801–1843) – младший сын генерала Н. Н. Раевского. Участник Отечественной войны 1812 г. С Пушкиным познакомился в Царском Селе (1816–1817). О «тесной связи» с ним и каких-то «важных и незабвенных услугах», оказанных поэту, Пушкин упоминает в письме брату. Ему же обязан поэт и своими «счастливейшими минутами» – поездкой с семьей Раевских на Кавказ и в Крым (1820), во время которой их дружеские отношения еще более окрепли – они сохранились на всю жизнь. Раевскому посвящен «Кавказский пленник». В 1824 году они встречались в Одессе, а в 1829-м – на Кавказе, в действующей армии. Николай Раевский был тогда уже генерал-майором, командиром Нижегородского драгунского полка. Их встреча нашла отражение в «Путешествии в Арзрум».

46.

Имеется в виду письмо А. С. Пушкину брату Л. С. Пушкину

(24 сентября 1820, г. Кишинев).

47.

Ушаков Николай Иванович (1802–1861) – русский генерал-лейтенант. Участник русско-персидской, русско-турецкой войн, Крымской войны. Военный историк. Этот эпизод сражения, в котором участвовал и сам Пушкин, описан в «Путешествии в Арзрум». Источник приведенного в статье рассказа – это «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.» Н. И. Ушакова (СПб, 1836, ч. 2. С. 305–306).

48.

«Русская старина» – ежемесячное историческое издание; основано в Санкт-Петербурге в 1870 году. Закрыто в 1918 году.

49.

Корнилович Александр Осипович (1800–1834) – декабрист, штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, писатель, историк. В декабре 1824 года совместно с В. Д. Сухоруковым, историком донского казачества, издал первый русский исторический альманах «Русская старина», в котором поместил четыре очерка под общим заглавием «О нравах русских при Петре I». В 1825 году альманах был им переиздан.

50.

Сухоруков Василий Дмитриевич (1795–1841) – историк донского казачества. Донской казак. В Арзруме Пушкин проводил вечера с Сухоруковым, которого он называет «умным и любезным», очень горевал об отобранных у него материалах.

51.

Цитата из письма А. С. Пушкина брату Л. С. Пушкину: «Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе – да книг: Conversations de Byron... «Талию», «Старину», да Sismondi (littérature), да Schlegel... «Новое издание Собрания русских стихотворений», да дорого – 75 р.» (14 марта 1825).

52.

Цитата из письма А. С. Пушкина брату Л. С. Пушкину (первая половина ноября 1824 г.).

53.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – русский государственный деятель. Один из главных проводников внутренней политики Николая I. Цитата из письма А.Х. Бенкендорфа А. С. Пушкину от 22 апреля 1827 г. См.: Переписка Пушкина /Под ред. В.И. Саитова. Изд. Акад. наук. Т. 2. СПб., 1908. С. 39.

54.

Граббе Павел Христофорович (1789–1875) – русский генерал от кавалерии, один из самых успешных командующих Кавказской войны (с 1838). Знакомый Пушкина, автор воспоминаний о встрече с ним. См.: «Русский архив». 1873, т. V. С. 786.

55.

Лёве-Веймар Франсуа-Адольф (1801–1854) – французский литератор, историк и дипломат. Летом 1836 г. приехал в Россию с рекомендательными письмами Проспера Мериме и А. И. Тургенева. Был принят в петербургских литературных кругах и вошел в приятельские отношения с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, К.П. Брюлловым, А. С. Пушкиным. В июне Вяземский устроил в честь французского гостя вечер с участием Пушкина и других представителей русской культуры.

56.

Чернышев Александр Иванович (1786–1857) – военный министр Николая I с 1827 по 1852 г.

57.

См.: Александр Сергеевич Пушкин. История Пугачева. Исторические статьи и материалы; Воспоминания и

дневники. М.: Художественной литературы. 1962.

58.

Стихотворение В. Д. Сухорукова «Ответ Дона» было напечатано в пражском издании «Вольного казачества» (1933, 25 июня). Здесь же ему была посвящена статья «Донской историк В. Д. Сухоруков» А. Ленинова. Текст стихотворения дается ниже с внесением изменений в соответствии с требованиями современного правописания:

59.

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – писатель, литературовед, историк культуры. Автор серии работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина.

60.

Поэме «Домик в Коломне» А. С. Пушкина посвящена глава работы М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина», 1919 г.

61.

В эти мятежные дни, на пороге новой жизни, когда Пушкин... – абзац представляет собой почти точную цитату из работы М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919).

62.

Абамелек-Баратынская Анна Давыдовна (1814–1889) –

фрейлина, поэтесса, переводчица. Считалась одной из первых красавиц Петербурга. Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «В альбом кнж. А. Д. Абамелек» (1832).

63.

Лиза Калитина – героиня романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859 г.).

64.

Сушкова Екатерина Александровна (1812 – 1868) – дворянка, мемуаристка, адресат любовной лирики М. Ю. Лермонтова («К Сушковой», «Нищий», «Зови надежду сновиденьем»).

65.

Неточная цитата из статьи В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая» (1845).

66.

Тургеневская Елена – Елена Стахова – героиня романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860).

67.

Феврония Муромская – героиня «Повести о Петре и Февронии Муромских», одной из вершин русской агиографической литературы XVI века. Почитается как

православная святая, покровительница семьи и брака.

68.

Юлиания (Иулиания) Лазаревская, Ульяна Устиновна Осорьина (1530–1604) – русская дворянка XVI века, прославившаяся благочестивой жизнью. Во времена голода 1601–1603 гг. продала все свое имущество для покупки хлеба для неимущих. Героиня памятника древнерусской литературы «Повести о Иулиании Лазаревской». Причислена к лику святых в 1614 г.

69.

Маша Миронова – героиня исторической повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

70.

Имеется в виду Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.

71.

Стихотворение А. С. Пушкина «Труд» написано в 1830 г. в связи с окончанием работы над «Евгением Онегиным».

72.

В 1910 году были опубликованы результаты расшифровки черновиков частично утраченной X главы романа,

сделанные учеными Академии Наук П. О. Морозовым, М. Л. Гофманом, Б. В. Томашевским и др.

73.

Рудин – герой романа И. С. Тургенева «Рудин» (1855 г.). Дмитрий Николаевич Рудин считается одним из классических представителей типа «лишнего человека» в русской литературе.

74.

Имеется в виду Отечественная война 1812 года между Русской и Французской империями.

75.

Интерпретация стихов «Но разлюбил он, наконец, / И брань, и саблю, и свинец», равно как и вопрос об участии Евгения Онегина в Отечественной войне 1812 г. до сих пор являются дискуссионными в литературоведении. По поводу стиха «И брань, и саблю и свинец» В. В. Набоков в «Комментарии к «Евгению Онегину» (1964 г.) писал: «Эта строка раздражает своей неясностью».

76.

В романе «Евгений Онегин» нет точных указаний на служебное поприще Онегина – военное или штатское. Ю. М. Лотман в «Комментарии к «Евгению Онегину» (1980 г.)

делает предположение, что Онегин вообще не служил на государственной службе, тем самым демонстрируя свою оппозиционность.

77.

Максим Максимович – герой романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840).

78.

Князь Федор – герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1822–1824).

79.

Имеется в виду трактат Жан Жака Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического Права» (1762).

80.

«Отрывки северных поэм» – отрывки из поэм «Оссиана, сына Фингала» Д. Макферсона (1763).

81.

Якубович Александр Иванович (1792–1845) – капитан драгунского полка, декабрист, литератор первой половины XIX века. Один из участников печально известной четверной дуэли 1817 г. (А. П. Завадовский, В. В. Шереметьев, А. С. Грибоедов, А. И. Якубович).

82.

Толстой Федор Иванович (1782–1846) – военный, аристократ, путешественник, исследователь первой половины XIX века. Был заядлым дуэлянтом, убил на дуэлях 11 человек.

83.

См.: В. Г. Белинский. «Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя» (1846). О различных толкованиях замысла поэмы см. более подробно: А. С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.

84.

См.: труд Д. С. Мережковского «Пушкин» (1896).

85.

См.: В. Я. Брюсова «Медный всадник» (1909).

86.

Адам Бернад Мицкевич (1798–1855) – выдающийся польский поэт эпохи романтизма, современник А. С. Пушкина.

87.

«Памятник Петру Великому» – отрывок из III части поэмы А. Мицкевича «Dziady» (польск. «Предки»), опубликованной в 1832 году.

88.

Марк Аврелий Антонин (121 – 180) – римский император из династии Антонинов. В римской историографии период его правления оценивается как «золотой век», а сам Марк Аврелий как идеал правителя-философа. Памятник Марка Аврелия, созданный в 160-180-х гг., изображает императора верхом на коне.

89.

Родственные альпийские утесы... – Цитата из отрывка «Памятник Петру Великому» А. Мицкевича, 1832 г.

90.

Плюшкин и Соломон – помещик Плюшкин – персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1835 г.). Еврей-ростовщик Соломон – герой трагедии «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина (1830 г.). Впервые В.В. Перемилловский сближает этих героев в статье о «Скупом рыцаре», как представителей типа скупца в русской литературе.

91.

Пидемонти Джованни (1751–1812) – итальянский поэт и

драматург.

92.

Тит Макций Плавт (ок. 254 до н. э. – 184 до н. э.) – римский драматург, комедиограф. Герой комедии Плавта «Клад» старик Эвклион – один из первых представителей типа скупца в мировой литературе.

93.

Мольер Жан-Батист Поклен (1622-673) – французский драматург. Имеется в виду Гарпагон – персонаж его комедия «Скупой» (1668).

94.

Кнут Гамсун (1859 – 1952) – норвежский писатель, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе. В пьесе «Игра жизни» (1896 г.) тема скупости связана с образом г-на Отермана.

95.

Неточная цитата из статьи В. Г. Белинского «Сочинения Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя» (1846). У Белинского: «По выдержанности характеров (скряги, его сына, герцога, жида), по мастерскому расположению, по страшной силе пафоса, по удивительным стихам, по полноте и оконченности, – словом, по всему эта драма – огромное,

великое произведение, вполне достойное гения самого Шекспира».

96.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – поэт-декабрист, член Северного Общества, один из наиболее активных участников декабрьского восстания. Как поэт, он был известен своими «Думами» и романтическими поэмами «Войнаровский», «Наливайко» и др. Его лирические стихотворения представляют собой в русской литературе первые образцы так называемой «гражданской поэзии». Казнен вместе с Пестелем, Каховским, Бестужевым-Рюминым и С. Муравьевым-Апостолом 13 июля 1826 года.

97.

Производственный роман (роман о строительстве социализма, роман о труде) – возник в 1920-е гг., обозначив тему созидательного труда и соответствующий тип героя. Широкое распространение в 1930–1950-е гг. получил колхозный роман. В атмосфере времени преобладала идея раскрестьянивания и коллективизации как единственного пути развития аграрной России. Создателем жанра был французский писатель и инженер Пьер Амп. Ему же принадлежит и авторство самого термина «производственный роман». См.: Кузнецов М. М. Советский роман. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963; Земскова

Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. М., МГУ, 2016; Мазаев А. И. Искусство и большевизм. 1920–1930-е гг. Проблемно-тематические очерки и портреты. М.: КомКнига, 2007.

98.

Бедный Демьян (Ефим Алексеевич Придворов) (1883–1945) – советский поэт и писатель.

99.

Гладков Федор Васильевич (1883–1958) – советский писатель. Основными темами произведений являются социалистические устремления народа, трудовая жизнь рабочих и крестьян, активное строительство и другая деятельность и настроения советского общества. Наибольшей известностью пользовались роман «Цемент», повести «Пьяное солнце», «Вольница», «Лихая година» и др.

100.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – советский прозаик, публицист.

101.

«Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» – роман-эпопея, самое крупное, итоговое произведение Максима Горького.

102.

Пятилетка или Пятилетний план – метод планирования развития страны. Стахановское движение – массовое движение последователей Алексея Григорьевича Стаханова (1906–1977) в СССР, новатора социалистического производства – рабочих. А. Г. Стаханов – советский шахтер, новатор угольной промышленности.

103.

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Овсей-Гершен Аронович) (1883–1936) – советский партийный и государственный деятель.

104.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – профессиональный революционер, член РСДРП.

105.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – партийный деятель, журналист.

106.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – один из

руководителей большевистской партии и первого рабочего государства.

107.

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832) – великий немецкий прозаик, поэт, драматург, естествоиспытатель.

108.

Имеется в виду персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1823), старый цыган, отец Земфиры, убитой Алеко.

109.

Герои поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1827)

110.

Капитан Миронов – герой повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

111.

Танеев Сергей Иванович (1857–1915) – русский композитор, пианист, дирижер, ученый-музыковед, профессор и ректор (1885–1889) Московской консерватории. Цитируется письмо П. И. Чайковского к С. И. Танееву от 14 января 1878 г.

112.

В марте 1879 года состоялась премьера «Евгения Онегина» на сцене Малого театра в Москве в исполнении учащихся Московской консерватории. О реакции современников на оперу Чайковского см.: Амфитеатрова-Левицкая А. Первый спектакль «Евгения Онегина» // Чайковский и театр. М., Л.: ВТО. 1940. С. 140–166.

113.

Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) – российский оперный певец. Им были исполнены более ста оперных партий.

114.

Каракаш Михаил Николаевич (1887–1937) – оперный певец и режиссер.

115.

Камионский Оскар Исаевич (1869–1917) – русский оперный и камерный певец (лирический баритон).

116.

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – выдающийся русский оперный певец, солист Императорских театров с 1897 по 1917. Сыграл партию Владимира Ленского в опере П. Чайковского «Евгений Онегин». Образ, созданный

Л. Собиновым, считается классическим, до сих пор непревзойденным.

117.

Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882–1944) – выдающийся русский оперный певец, лирико-драматический тенор.

118.

Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – оперный певец (лирико-драматический тенор). Исполнял партию Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин».

119.

Севастьянов Василий Сергеевич (1875–1929) – артист оперы, камерный певец... Исполнял партию Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин».

120.

Карензин (Мошков) Александр Михайлович – певец (тенор), артист оперы.

121.

Премьера оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» состоялась 7 декабря 1890 г. в Мариинском театре. Большой успех имели исполнители во главе с Н. Фигнером, который проводил партию Германа, заложив основы ее сценической

традиции. Столь же знаковым было исполнение этой роли М. Медведевым, от него, в частности, идет истерический смех Германа в финале. Однако общий строй спектаклей был далек от замысла композитора. Трагедийная концепция оперы, ее психологическая глубина раскрылись позднее. Опера все более властно входила в репертуар театров, сравнившись в этом отношении с Евгением Онегиным.

122.

Вершиной творчества М. П. Мусоргского 60-х гг. стала опера «Борис Годунов» (на сюжет драмы А. С. Пушкина).

123.

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – выдающийся русский оперный певец, актер кино и театра, скульптор и художник.

124.

«Моцарт и Сальери» (1897) – опера композитора Н. А. Римского-Корсакова. Она посвящена памяти композитора А. С. Даргомыжского. «Каменный гость» – опера А. Даргомыжского на текст одноименной трагедии А.С. Пушкина. Премьера состоялась 16 февраля 1872 г. в Мариинском театре (С.-Петербург).

125.

П. И. Чайковский сочинил оперу «Мазепа» в 1881–1883 гг., в зрелый период своего творчества. В основе оперы лежит поэма А. С. Пушкина «Полтава».

126.

Глинка Михаил Иванович – русский композитор (1804–1857). Создатель оперы «Руслан и Людмила» (1842).

127.

Пинус Сергей Александрович, лит. псевд. С. Серапин (1875–1927) – литератор, историк, сотрудник журнала «Весы». Участник Белого движения. В Болгарии редактор журнала «Казачьи думы» (София, 1922–24). Автор книги: «Пушкин и музыка. Опыт выявления литературно-музыкальной проблемы». София, 1926. Известна рецензия П. М. Бицилли на эту книгу. См.: Современные записки. 1927. № XXXI. Париж. С. 468–471.

128.

Глюк Кристоф Виллибальд (1714–1787) – немецкий композитор.

129.

Гайдн Франц Йозеф (1732–1809) – австрийский композитор.

130.

Сальери Антонио (1750–1825) – итальянский композитор, дирижер и педагог.

131.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) – австрийский композитор.

132.

Пуччини Джакомо (1858–1924) – итальянский оперный композитор.

133.

Демьянова Татьяна Дмитриевна (1810–1877) – известная во времена А. С. Пушкина цыганская певица. Автор мемуарных записок о А. С. Пушкине и Н. М. Языкове.

134.

«Я помню чудное мгновенье» – традиционное название (по первой строке) романса, написанного в 1840 году композитором Михаилом Глинкой. «Мой голос для тебя и ласковый и томный» – романс Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Рубинштейна. На стихотворение «Певец» (1817) существует множество романсов русских композиторов (под названием «Певец» или «Слыхали ль вы»). Самыми известными из них до сих пор остаются романсы А. А.

Алябева и А. Н. Верстовского. Последний является автором романа «Черная шаль». А. А. Алябьев написал роман «Талисман». В дальнейшем романсы на стихи А.С. Пушкина создали более 40 композиторов: А. С. Даргомыжский, В. Т. Соколов, Г. А. Лишин, Ю. И. Блейхман, Н. К. Метнер, В. Я. Шебалин, Т. Н. Хренников, К. Я. Листов и другие.

135.

Пушкин Александр Александрович (1833–1914) – русский генерал из рода Пушкиных, старший сын поэта А. С. Пушкина. В действительности письма А. С. Пушкина Румянцевскому музею подарил младший сын А. С. Пушкина – Пушкин Григорий Александрович (1835–1905) – первый хранитель и фактически создатель музея-усадыбы А. С. Пушкина в Святогорье. По воспоминаниям современников, не только характером, но и внешностью, особенно в старости, сильно походил на отца. Факты и детали биографии до сих пор изучены мало.

136.

Румянцевский музей – собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций, составленное графом Н. П. Румянцевым и переданное после его смерти государству. Музей помещался в так называемом доме Пашкова, построенном в 1780-х гг. (ныне – старое здание РГБ).

137.

Гартунг Мария Александровна (до замужества Пушкина) (1832–1919) – старшая дочь А. С. Пушкина.

138.

Николай Вильгельм Нассауский (1832–1905) – принц, состоявший в родстве с домом Романовых. С ним была обвенчана Пушкина Наталья Александровна (1832–1905), а не Мария Александровна Пушкина.

139.

От брака с П. П. Ланским у Натальи Николаевны родились три девочки: Александра, Софья и Елизавета. Старшей было всего восемнадцать лет, когда умерла мать. Воспитание несовершеннолетних дочерей целиком легло на плечи Петра Петровича Ланского. Об их судьбе сведений совсем мало.

140.

Первая часть писем Пушкина была напечатана в «Вестнике Европы» (1878. № 1. С. 11–46). За предисловием И. С. Тургенева следует здесь второе, редакционное предисловие, справочно-биографического характера. Вторая часть писем появилась в № 3 журнала (с. 5–38).

141.

Толстая Софья Андреевна (1844–1919) – супруга Л. Н. Толстого.

142.

См.: Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. М.: Новое литературное обозрение. 200. С. 53.

143.

Гюго Виктор (1802–1885) – французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма.

144.

Об этом анекдотическом случае, произошедшем с В. Гюго, известно из воспоминаний И. С. Тургенева, который «рассказывал вещи совсем необычайные, даже для анекдота. Так, например, однажды в салоне у Гюго собравшиеся его посетители один перед другим превозносили его гениальность и, между прочим, подняли вопрос о том, что улица, где он живет, должна быть непременно названа Rue de Hugo. Но при этом кто-то высказал соображение, что эта слишком малолюдная улица не может служить достойным напоминанием великого поэта, что этой чести заслуживает более заметное место в Париже; и тут гости поэта стали перебирать одно за другим самые многолюдные и замечательные места Парижа, поднимая все выше и выше,

пока, наконец, один молодой человек не воскликнул с энтузиазмом, что самый город Париж должен считать за честь получить имя великого поэта. Тогда Гюго, и раньше соглашавшийся с мнениями своих поклонников, несколько задумался, затем, обратившись к молодому человеку, сказал глубокомысленно: «Ça viendra, mon cher, ça viendra!». См.: Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма.

145.

Памятник Пушкину в Париже был открыт только к 200-летию со дня рождения поэта. Бронзовый бюст поэта работы известного российского скульптора Юрия Орехова установлен в знаменитом «Сквере поэтов».

146.

Памятник Пушкину в Шанхае был установлен в 1937 году. В заметке «Празднества в Шанхае», опубликованной в газете «Рупор» (1937, 11 фев.) об этом сообщается: «Помимо торжества, годовщина смерти великого поэта будет увековечена также открытием памятника... на его постройке уже начались работы на представленном для этой цели Французским муниципалитетом месте: на углу Рут Пишон и Рут Гизи, где находится небольшая площадь. Памятник, проект которого принадлежит четырем авторам: художникам Кичигину и Подгурскому и архитекторам

Грану и Ливен, будет состоять из пьедестала-obeliska, увенчанного бронзовым бюстом поэта. На обелиске будет помещена надпись на трех языках: французском, русском и китайском. Таким образом, Шанхай присоединяется к числу тех иностранных городов, на территории которых будет стоять памятник гордости русской литературы, напоминая об ее мировом величии и неувядаемой славе». Памятник был уничтожен японцами в 1944 году. Затем восстановлен в 1947 году. Вновь уничтожен во время китайской культурной революции в 1966 году. По другим эскизам создан китайским скульптором Гао Юн Лонг и открыт в 1987 году. Но теперь поэт смотрит на юг, в соответствии с китайским обычаем усаживать уважаемых людей лицом к солнцу.

147.

Цитата из письма Н. В. Гоголя В. А. Жуковскому. В оригинале: «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение» (18(30) октября 1837 г.). См.: Переписка Н. В. Гоголя в двух томах. М.: Художественная литература, 1988. С. 91.

148.

Нащокин Павел Воинович (1801–1854) – см. примечание к статье А. В. Амфитеатрова «Пушкин в жизни Гоголя».

149.

В оригинале письма П. В. Нащокина А. С. Пушкину от 20 июня 1831 г.: «Андрей Петрович свидетельствует тебе почтение, он почти столько же тебя знает и любит, как и я, что доказывает, что он не дурак, тебя знать – не безделица». См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 14 (Переписка 1828-1831). 1941. С. 617.

150.

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель. Близкий друг и постоянный корреспондент А. С. Пушкина.

151.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт. Литературный наставник А. С. Пушкина.

152.

Романов Николай Павлович (Николай I) (1796–1855) – российский император.

153.

Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) – российский государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., действительный статский

СОВЕТНИК.

154.

Бенкендорф Александр Христофорович – см. примечание к статье А. К. Семенченкова «Пушкин и казаки».

155.

Инзов Иван Никитич (1768–1845) – русский генерал. Под начальством Инзова состоял А. С. Пушкин во время своей ссылки на Юг России.

156.

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – военный и государственный деятель. См.: Щеголев П. Е. А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов // Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы / Вступит. статья и коммент. Ю. Н. Емельянова. М.: Современник, 1987.

157.

Романов Александр I Павлович (1777–1825) – российский император с 12 (24) марта 1801 г.

158.

Пушкин был сослан в Михайловское за «афеизм», т. е. атеизм.

159.

Игумен Иона (1759-?) – настоятель Святогорского монастыря. Во время Михайловской ссылки игумен Иона был духовником Пушкина и по указу Третьего отделения должен был следить за поэтом. Поэт каждую неделю посещал его, у них сложились сердечные отношения.

160.

Секретный агент III отделения А. К. Бошняк, собирающий сведения о ссыльном поэте, записал следующее: «От Игумена Ионы узнал я следующее: Пушкин иногда приходит в гости к Игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами. Кроме Святогорского монастыря и г-жи Осиповой он нигде не бывает, но иногда ездит в Псков; обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярморках монастырских иногда показывается в русской рубашке и в соломенной шляпе. Но вопрос мой «Не возмущает ли Пушкин крестьян?» Игумен Иона отвечал: «Он ни во что не мешается и живет как красная девка».

161.

Плетнев Петр Александрович (1791–1865) – поэт и критик, профессор российской словесности, впоследствии – ректор Петербургского университета; друг А. С. Пушкина и первый помощник его в литературных делах. Более подробно см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2 (по

указателю имен).

162.

Крылов Иван Андреевич (1768–1844) – писатель, баснописец.

163.

Загряжская Екатерина Ивановна (1779–1842) – фрейлина из рода Загряжских, тётка жены Александра Сергеевича Пушкина.

164.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851) – вторая супруга Николая Михайловича Карамзина. Хозяйка знаменитого литературного салона.

165.

Хитрово Елизавета Михайловна (1783–1839) – дочь М. И. Кутузова, подруга А. С. Пушкина. Хозяйка известного петербургского салона.

166.

Сверхчеловек – понятие европейской философии и культуры, означающее человека, стоящего в духовном и физическом отношении неизмеримо выше всех остальных людей. Представление о сверхчеловеке впервые

можно встретить в мифах о героях, о «полубогах». Наиболее явственно учение о сверхчеловеке выступило в христианстве, для которого сверхчеловек – это Иисус Христос, а также истинный христианин, через смирение пришедший к преобразованию своей сущности и достигший преображения. У немецких романтиков и А. Шопенгауэра – это гений, неподвластный обычным человеческим законам.

167.

Отсылка к словам старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» (глава XIV).

168.

Геккерн Луи (1792–1884) – голландский дипломат. Приемный отец Жоржа Дантеса; роль Геккерна в событиях, предшествовавших последней дуэли Александра Пушкина, не выяснена до конца.

169.

Мур Томас (1779–1852) – поэт-романтик, песенник и автор баллад. В 1812 году познакомился с Байроном, стал его близким другом и одним из первых биографов. В

1822 году Байрон передал ему свои мемуары с указанием опубликовать после его смерти. Однако спустя месяц после его кончины Мур, Дж. Хобхаус и издатель Байрона Дж. Мюррей совместно сожгли записки из-за их беспощадной честности и, вероятно, по настоянию семьи Байрона.

170.

Байрон Джордж Гордон (1788–1824) – английский поэт-романтик.

171.

Сатовский-Ржевский приводит по памяти слова А. С. Пушкина из письма П. А. Вяземскому (вторая половина ноября 1825 г.): «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо – а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением. Поступок Мура лучше его Лалла-Рук (в его поэтическом отношении). Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на судне. – Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей

радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе». См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 13. М.: Воскресенье, 1996. С. 243.

172.

Tanto nomini nullum par elogium (Такому имени ни одна хвала не равна, нет достойной похвалы для такого имени). Надпись Феррони на памятнике известному итальянскому политическому деятелю XVI в. Никколо Макиавелли.

173.

Статья опубликована под псевдонимом В. Светлов, одним из псевдонимов, которым пользовался Д. Г. Сатовский-Ржевский для публикаций в периодических изданиях. См. библиографическую справку об авторе.

174.

«В рассеянии сущие» – термин, получивший широкое употребление в период русской эмиграции первой волны. Такое название носит один из очерков, включенных в «Листы дневника» Николая Константиновича Рериха: «Сейчас так часто упоминается термин «в рассеянии сущие». Связан он с последними потрясениями России. Создавая этот термин, когда два с половиной миллиона

русских разлилось широко по миру, как-то забывались все прежние, глубокие проникновения русских в государственную жизнь множества стран. Теперь мы опять видим не только в рассеянии сущих, но множество русских имен, навсегда связанных с честью и преуспеванием великих государств».

175.

Солнце русской поэзии – образное определение значения великого русского поэта А. С. Пушкина. Авторство ошибочно приписывается журналисту А.А. Краевскому (1810–1889), напечатавший 30 января 1837 г. в № 5 «Литературных прибавлений к «Русскому инвалид» следующее извещение о смерти поэта: «Солнце нашей поэзии закатилось! ... Пушкин! наш поэт! наша радость наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! к этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января 2 ч. 45 м. пополудни».

176.

См. Солдатова Л.М. Пушкинский юбилей 1937 года за границей: литература и политика (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Русская литература. 2007. № 3. С. 201–214.

177.

См.: Попов Е. А. Сталин читает Пушкина: Пушкинский юбилей 1937 года в СССР // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия X Колосницынские чтения: материалы Международной научной конференции. Редакционная коллегия: Воробьева М. В., Капкан М. В., Медведев А. В., Мясникова Л. А., Николаев Р. М., Попов Е. А., Рабинович Е. И... 2015. С. 223–227; Хорошеева А. В. Пушкин, наш, советский! // Живая история. 2017. № 5. С. 16–22.

178.

См.: Евдокимов А. В. Статья «Пушкин – наш товарищ» в контексте советской критики 1937 года // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества материалы 2-ой Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. Сост. Н. В. Корниенко. 1995. С. 255-263; Можегов В. И. Идеология богостроительства как основание культа А. С. Пушкина в СССР // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 288–292.

179.

Отсылка к надписи «Победителю-ученику от побежденного учителя», которую сделал на своем портрете В. А. Жуковский и подарил его в 1820 году А. С. Пушкину.

180.

Немецкий музей достижений естественных наук и техники (нем. Deutsches Museum von Meisterwerken der Naturwissenschaft und Technik), или Немецкий музей (Deutsches Museum) – расположенный в Мюнхене, самый крупный музей естествознания и техники в мире. Основан в 28 июня 1903 года как «музей шедевров естествознания и техники». Музей науки (англ. Science Museum) – один из трех основных музеев викторианской эпохи на Эксбишн-роуд в лондонском районе Южный Кенсингтон. Основан в 1857 году.

181.

Киприда – богиня любви, Афродита, прозванная Кипридой по имени острова Кипра. Вакх – одно из имен бога виноградарства, вина и веселья.

182.

См.: Заборов П. Р. Пушкин и Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленигр. отд-ние, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 86–99.

183.

Соллогуб Надежда Львовна (1815–1903) – дочь Льва Ивановича и Анны Михайловны (ур. Горчаковой)

Соллогубов, двоюродная сестра В. А. Соллогуба, жена (с 1836) А. Н. Свистунова, фрейлина великой княгини Елены Павловны. Пушкин часто встречался с Соллогуб в 1832-1836 годах в светском обществе, а также у Вяземских и Карамзиных. В. Ф. Вяземская впоследствии утверждала, что в этот период Пушкин «открыто ухаживал» за Надеждой Соллогуб. 5 октября 1832 года он написал обращенное к ней стихотворение «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...».

184.

Выражение, ставшее крылатым благодаря роману «Идиот» (1868) Ф. М. Достоевского.

185.

Вико Джамбаттиста (1668–1744) – итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии.

186.

Отсылка к цитате из романа «Собор Парижской богородицы» (1831) Виктора Гюго: «Как ненадежно бессмертие, доверенное рукописи! А вот здание – это уже книга прочная, долговечная и выносливая! Для уничтожения слова, написанного на бумаге, достаточно факела или варвара. Для разрушения слова, высеченного из камня, необходим общественный переворот или

возмущение стихий».

187.

Опущенные строфы из стихотворения А. С. Пушкина «Два чувства дивно близки нам...» (1830). См.: Пушкин А. С. Полное Собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 2. 1949. С. 847–848.

188.

Имеется в виду статья Г. К. Гинса «Русское прошлое в произведениях А. С. Пушкина». См.: Россия и Пушкин. 1837 – 1937. Сборник статей / под ред. Н.И. Никифорова. – Харбин: изд. Русской академической группы, 1937. С. 19–30.

189.

Источники цитат не установлены, хотя некоторые сходные выражения, приписываемые Пушкину, встречаются в разных популярных работах.

190.

Имеется в виду герой романа «Арап Петра Великого» галломан Корсаков, который хотел поразить царя щегольством своего наряда, но услышал от Петра такие слова: «Послушай, Корсаков: штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя намного богаче. Это мотовство;

смотри, чтобы я с тобой не побранился».

191.

Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк и публицист, представитель романтической историографии, автор глубоко субъективных трактатов об истории, обществе и природе.

192.

Мишле Жюль создал в начале 1850-х гг. цикл статей о России. Наибольшую известность в руссологии ему принесла книга «Демократические легенды Севера» (1854).

193.

Поводом для выступления Герцена с открытым письмом к французскому историку Мишле послужили неверные и несправедливые оценки русского народа, которые содержались в его очерке «Польша и Россия. Легенды о Костюшко». Очерк был напечатан в одном из парижских изданий в августе – сентябре 1851 г. См.: Герцен А. И. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле // Герцен А. И. Собр. Соч. в 30 т. Т. VII. М., 1956, стр. 307–339.

194.

Ренан Эрнест Жозеф (1823–1892) – французский писатель, историк и филолог. Имеется в виду цитата Ж. Э. Ренана:

«Смерть француза есть событие в нравственном мире; смерть казака есть лишь физиологический факт: une machine fonctionnait, qui ne fonctionne plus. А что касается до смерти дикаря, то это есть факт, не более значительный для мира, чем простая поломка пружины часов, и даже этот последний факт может иметь более важные последствия, потому что часовой механизм определяет и возбуждает деятельность цивилизованных людей». См.: Трубецкой С. Н. Ренан и его философия // Русская мысль. 1898. № 3.

195.

Отсылка к работе Н. Северцова «В предгорьях Заилийского Алатау»: «Слышал я, что и убить киргиза для поживы с него не грешно; так как у басурмана не душа, а пар – как у скотины; и по всей степной окраине, от Гурьева до Верного, я слышал еще, что нехристь и пес все одно». См.: Северцов Н. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Императорского Русского географического общества доктором зоологии, членом Императорского Русского географического и других ученых обществ Н. Северцовым. СПб., 1873.

196.

Муссолини Бенито Амилькаре Андреа (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель,

публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 годах.

197.

Файф Чарльз Алан (1845–1892) – вице-президент Лондонского Королевского Исторического Общества, автор труда «История Европы XIX века».

198.

См.: Файф Ч. А. История Европы XIX века. М., 1889. Т. 1. С. 335–336.

199.

Тохтамыш (ум. 1406) – хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., хан Тюменского ханства с 1400 года, один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.

200.

В оригинале: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную жестокою войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворятся на всем шаре земном спокойствие и

тишина! Да будет каждое царство под единой собственною правительством своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятеля, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». См.: Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 151.